

STUDIA HISTORICA
ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE

14.

И. ПЕРЕНИ

ИЗ ИСТОРИИ
ЗАКАРПАТСКИХ УКРАИНЦЕВ

(1849—1914)

1957

STUDIA HISTORICA

-
1. *Jósef Revai*: Марк и венгерская революция 1848—1849 гг. Ft 12,—
 2. *Эржебет Андич*: Церковная реакция во время революции 1848—1849 гг. „ 29,—
 3. *Эрик Мольнар*: Основание венгерского государства „ 18,—
 4. *П. Ж. Пах*: Первоначальное накопление капитала в Венгрии „ 29,—
 5. *Петер Ханак*: Угнетенные народы Австрийской империи и венгерская революция 1848—1849 гг. „ 20,—
 6. *Gyűző Ember*: Louis Kossuth à la tête du Comité de la Défense Nationale „ 28,—
 7. *István Hajnal*: L'enseignement de l'écriture aux universités médiévales „ 48,—
 8. *Зольтан И. Том*: Кошут и национальный вопрос 1848—1849 гг. „ 32,—
 9. *Lajos Elekes*: Die Verbündeten und die Feinde des ungarischen Volkes in den Kämpfen gegen die türkischen Eroberer „ 12,—
 10. *József Révai*: Études historiques „ 42,—
 11. *Дежё Нелеш*: К истории кровавой контрреволюции в Венгрии 1919—1921 гг. „ 31,—
 12. *Erzsébet Andics*: Kossuth en lutte contre les ennemis des réformes et de la Révolution „ 46,—
 13. *Эрик Мольнар*: Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа „ 35,—
-

Заказы принимает

СССР:

Москниготорг, магазин № 1

Москва, Ул. Горького, 15

Книгоэкспорт

Москва, Лихачевское шоссе, 15

ČSR:

Maďarská Kultura

Praha, II., Václavské nám. 2

Adressez vos commandes

**DEUTSCHE DEMOKRATISCHE
REPUBLIK:**

**LKG — Leipziger Kommissions-
und Grossbuchhandel**

Leipzig, C 1., Leninstrasse 16

DEUTSCHE BUNDESREPUBLIK:

Kunst und Wissen, Erich Bieber

Stuttgart N., Hospitalstrasse 33 a.

или

ou

KULTURA

Budapest 62, Postafiók 149

ИЗ ИСТОРИИ ЗАКАРПАТСКИХ УКРАИНЦЕВ

(1849—1914)

И. ПЕРЕНИ

Предисловие

Сотрудники Института Истории Академии Наук Венгрии приступили вскоре после основания института, в 1950 г., к подготовке учебников по истории Венгрии для высших заведений. Исходя из рассуждения, что историю венгерского народа нельзя понять без истории не-венгерских народов Венгрии, несколько сотрудников института взялись за разработку истории этих народов от 1790 по 1918 г. Это является эпохой, в которой «национальный вопрос» играл основную роль, в которой между господствующей нацией (венгерской) и национальностями развились противоречия, которые начали взламывать рамки ранее образовавшейся многонациональной Венгрии. В конце концов этот процесс привел к раздроблению Венгрии; после этого некоторые национальности продолжали свою жизнь в рамках собственного национального государства, тогда как другие снова попали под угнетение чужой буржуазии. К последним принадлежат и закарпатские украинцы, попавшие после 1918—1919 гг. из-под угнетения венгерских помещиков в иго чехословацкой буржуазии.

Автор настоящей работы получил от Института Истории задание написать историю русинского «национального вопроса», т. е. исследовать развитие украинского общества Закарпатья в эпоху 1790—1918 гг., особенно принимая во внимание развертывающиеся национальные противоречия.

Результатом этих исследований является пространный очерк, расширяющий первоначально данные рамки. Исследование «национального вопроса» потребовало выяснения таких экономических, общественных и политических проблем, которыми предыдущая историография не занималась. Оказалось, что и главные черты истории закарпатских украинцев XIX века еще не выяснены. Таким образом автор был принужден расширить свою работу и приготовить синтез истории русин. Дело в том, что русинский «национальный вопрос» по сравнению с проблемами остальных не-венгерских народов Венгрии показывает отклоняющиеся черты, которые объяснимы лишь специальными условиями русинского общественно-экономического развития.

Эта работа далеко не полное изображение закарпатско-украинской истории в указанное время. Требуются дальнейшие исследования как периода 1790—1848 гг., так и в первую очередь эпохи 1908—1918 гг., о которой хотя венгерские архивы и содержат богатый материал, но их соби́рание требует продолжительного времени и много усердной работы. Особо детальные исследования следует провести в деле закарпатско-украинского рабочего движения. Однако это встречает в Венгрии в настоящее время большие препятствия из-за недостатка материала. Мы предполагаем, что в этом отношении понадобится совместная работа советских, венгерских и чехословацких исследователей. Без соби́рания местного материала невозможно составить и главной линии истории закарпатско-украинского рабочего движения.

Мы публикуем теперь на русском языке одну часть венгерской рукописи, а именно материал эпохи 1849—1914 гг., тогда как главы, относящиеся к предыдущей эпохе («О литературе, занимающейся русинской историей», «Данные относительно территории, населенной закарпатскими украинцами», «Основные моменты истории русинского общества в XVIII и в первой половине XIX веков», «Начало русинского 'возрождения'», «Борьба за свободу в 1848—49 гг.») даны в введении лишь в виде краткого резюме. Это эпоха, с которой почти никто не занимался и поэтому можно предположить, что настоящее неполное исследование все же представляет шаг вперед по пути, ведущему к созиданию действительной истории закарпатских украинцев.

Введение

Старейшая история Закарпатской Украины — до XVI века — и ныне еще теряется во мраке. Хотя дворянские и буржуазные историки написали об этой эпохе объемистые книги и десятки кратких статей, все же в возникающих проблемах остается неясность. Причина этого скрывается в характере дворянской и буржуазной историографии и в тех обстоятельствах, в которых родилась «научная» историография, занимающаяся историей русин. Эта историография явно полемического характера, и уже в начале была направлена на достижение или отрицание определенных «прав». Позже, во время возникновения «национального вопроса», она служит интересам национальной борьбы и показывает сильно националистические и шовинистические черты. Будучи таковой, она с обеих сторон предвзята и слепа, часто прибегает к явным фальсификациям, пользуется фальшивыми документами, и насильственным объяснением подозрительных источников стремится обосновать свои установления. Чтобы характеризовать сказанное, достаточно упомянуть, что даже во время между двумя мировыми войнами нашлись историки, которые считали пресловутую фальшивую грамоту князя Кориатовича подлинной и делали из нее в своих произведениях серьезные выводы.

На самом деле, до начала XIX века никто не занимался историей закарпатских украинцев. Не имеются средневековые хроники, летописи, показывающие историю украинцев Венгрии в прошлых столетиях. Это не изумительно. Несмотря на то, что единственный грамотный украинский слой — духовенство — стояло в более или менее тесной связи с епископами, имевшими резиденцию за Карпатами, и с тамошними монастырями, в Венгрии, где православие никогда не признавали равноправной религией, все же не мог образоваться такой культурный центр, в котором могла бы развиваться подобная русской летописи литература. А что касается венгерских историков, они вообще никогда не занимались историей не-венгерских народов Венгрии, исходя из фикции, что население Венгрии состоит из венгров, на каком бы то языке они ни говорили. Таким образом в их произведениях мы находим лишь редкие данные, из которых невозможно написать историю украинцев Венгрии.

Дело обстоит по другому в отношении иной группы источников, а именно грамот и правозаверительных документов, находящихся в большом числе в архивах Венгрии. Вот эти то были употреблены историками, которые в течение XIX века желали заниматься русинской историей.

Собирание этих источников преследовало в начале практические цели. В середине XVII века большая часть русинского духовенства приняла унию, чтобы попасть в привилегированное положение католического духовенства. Основали в Мукачеве униатское епископство, главная цель которого было укрепление непопулярной среди народа унии. Однако, создание нового епископства затрагивало интересы католического архиепископа в г. Эгер, который до того пользовался значительными доходами из территории Закарпатья и поэтому — в течение более ста лет — препятствовал регулярному созданию мукачевского епископства. За это время в Мукачеве имел резиденцию лишь титулярный епископ, действующий в качестве викария архиепископа, т. е. под его руководством. Однако, эти викарии и жившие около них русинские священники стремились освободиться от власти архиепископа и поэтому постоянно собирали данные, которые — по их мнению — доказывали, что в Мукачеве и до унии существовало православное епископство. В архиве Мукачевского епископства таким образом мало помалу набралась куча копий документов, а также меморандумов, соответствующих чуть ли не малым историческим трактатам. Позже этот материал послужил источником для первых русинских исторических сочинений. Так русинская историография в первую очередь занималась историей церкви, и это направление осталось почти по наши дни. Ввиду того, что большинство закарпатско-украинских историков происходило из духовенства, историография церкви все расширялась, и во второй половине XIX века уже установили неправильную — в основе — теорию, что закарпатско-украинский народ по настоящему и не имеет собственной истории, а лишь только историю церкви.

Эта точка зрения продержалась совсем до конца второй мировой войны, и среди живущих на западе эмигрантов даже и сегодня имеются приверженцы этой теории, хотя уже некоторые прогрессивные буржуазные историки показывали на ложность подобного воззрения. Последние доказали, что в архивах находятся источники (урбары, хозяйственные указания и т. д.), при помощи которых прекрасно можно написать общественную и экономическую историю закарпатско-украинского народа.

Однако, на практике это установление осталось без действия, ибо едва вышло в свет несколько небольших научных статей, занимающихся экономическими и общественными проблемами. Кроме запутанного и беспринципного исторического воззрения автора можно, в первую очередь, приписать последствиям этих недостатков, что книга О. Мицюка,¹ единственный синтез, который стремится написать экономическую и общественную

историю закарпатско-украинского народа, становится неупотребимым, нецелесообразным собранием данных, полных ошибок.

В XIX веке параллельно с историей церкви, возрастая из нее, появляется и политическая история. Последняя преследовала цель доказать, что на данной территории украинцы жили раньше, чем венгры, которые позже угнетали их. Венгерская дворянская и буржуазная историография же, противореча этому взгляду, почти единогласно занимала позицию, что закарпатские украинцы позже поселились на эту территорию и этим предположением стремились обосновать «исторические права» на угнетение и эксплуатацию венгерскими господствующими классами. Борьба между этими двумя направлениями длилась совсем до 1945 г. и в ней — в различной форме — принимали участие чешские, словацкие, немецкие и другие историки. Единственным результатом этой довольно непродуктивной полемики являлась критика старых и открытие целого ряда новых источников.

Третий комплекс вопросов тоже был поставлен на обсуждение в рамках большой дискуссии. Это вопрос русинского литературного языка. Русинские руководящие круги желали после борьбы за свободу в 1848—49 гг. ввести великорусский литературный язык в виде закарпатско-украинского литературного языка. Однако, эта попытка не имела больших успехов, ибо русины не владели этим языком, но все-же те немногие газеты и книги, изданные в Венгрии во второй половине XIX века, были — почти без исключения — написаны на великорусском литературном языке. Венгерские власти, обвинявшие это направление в «панславизме», предпочли бы, если какой-нибудь местный диалект был принят литературным языком. Удалось и приобрести несколько сторонников этого направления, но совсем до 1918 г. не смогли вытеснить великорусского языка. Однако, накануне XX века в кругу русин появилось новое направление, которое, исходя из правильного тезиса, что русины по настоящему украинцы, желало внедрить украинский литературный язык. Во время венгерского господства это направление не имело никаких возможностей, зато между двумя мировыми войнами оно заняло в Чехословакии важные позиции.

Борьба упомянутых трех направлений обратило внимание и на ряд вопросов, не затронутых до сих пор ни церковной историографией, ни политическими историками. Эта, впрочем тоже весьма непродуктивная борьба, закончившаяся в наши дни с единственно правильным решением принятия украинского литературного языка, имела, объективно говоря, известный положительный результат. Помимо языковых проблем выдвинулся целый ряд культурных вопросов, множество неизвестных источников было обнаружено и тем самым облегчилась дальнейшая работа.

¹ Нариси з соціально-господарської історії Підкарпатської Русі. Т. I, Ужгород 1936, т. II, Прага 1938.

Однако, эта печальная, здесь кратко нарисованная картина, не содержащая на этом месте подробностей — быстро меняется в наши дни, когда историки приступили к изучению истории закарпатских украинцев, пользуясь марксистским методом. И. Н. Мельникова¹ выяснила в больших чертах два существенных вопроса Закарпатской Украины и этим положила основу марксистскому изучению истории закарпатских украинцев. Дальнейшие старые и новые проблемы большого значения были выяснены ужгородскими и киевскими историками.² А предоставленное теперь распоряжению читателей исследование стремится заполнить пробелы, показывающиеся между двумя, обсуждаемыми Мельниковой, эпохами. Мы однако знаем, что и другие исследователи усердно работают в области новейшей истории закарпатских украинцев. Итак, можно предположить, что уже недалеко время, в котором можно будет написать синтез истории закарпатских украинцев последних ста лет.

Что касается предыдущих эпох, то положение обстоит менее благоприятно. В первую очередь нужно обнаружить все источники, находящиеся в большом количестве в архивах Венгрии, Словакии и Советского Союза и при содействии историков этих трех государств медленно представится возможность решить все проблемы русинской общественной и экономической истории. В качестве эксперимента я поверил урбарильный материал XVI—XVIII столетий Венгерского Государственного Архива, и установил, что используя только его, экономическая и общественная история русинского общества в эту эпоху созидаема с такой подробностью, что отдельно можно написать историю почти каждой русинской крестьянской семьи в течение генераций. Однако, собирание и издание этих источников еще задание будущего.

*

А теперь познакомимся с территорией закарпатских украинцев. Географическая среда, будучи необходимым и постоянным условием общества, ускоряет или задерживает общественное развитие. И действительно, исследуя историю закарпатских украинцев, следует установить, что суровые природные условия сильно задерживали, и даже до определенной меры изменили направление развития, т. е. вследствие них закарпатско-украинская экономическая и общественная история показывает специальные черты. Этот факт тотчас же бросается в глаза, если сравнить русинскую историю со словацкой или румынской, тогда как и эти народы жили также под угне-

¹ Закарпатская Украина в революции 1848 г. »Ученые записки Института славяноведения» т. I, Москва 1949; то же самое вкратце »Вопросы Истории», 1948. № 8 и с немногой другой оценкой в произведении »Революции 1848—1849 гг.« М.—Л. 1952. Далее: Как была включена Закарпатская Украина в состав Чехословакии в 1919 году. »Ученые записки Института славяноведения» т. III. М. 1951.

² Лишь теперь, при корректуре удалось мне получить И. Г. Коломиец, Очерки по истории Закарпатья. Томск 1953, результаты которого я уже не мог использовать. Однако книга занимается событиями лишь до начала XIX века.

тением венгерских помещиков. Поэтому, для того, чтобы понять эти специальные черты, следует бросить взгляд на географическую среду русинской истории, на территорию, на которой эта история разыгрывалась.

Закарпатско-украинская территория распространяется в больших линиях с верхнего течения Тисы до реки Попрада. Ее северная граница — водораздел Карпатов, т. е. старая граница Венгрии. Однако, эта граница была искусственной в том смысле, что на другой стороне Карпатов тот же народ стонал под игом польских панов, а позже под господством польско-австрийского режима. Сношение между закарпатскими украинцами и украинцами Галиции никогда не прекратилось. Верно, что государственной власти временно удалось ограничить эту связь, но полностью отделить друг от друга две ветви украинского народа не оказалось возможным.

Южная граница поселения закарпатских украинцев в общем совпадает с подножьем гор. На равнинах находилось лишь мало украинских деревень. Граница этнической территории сильно передвигалась в течение столетий, но в конечном результате, за исключением словацкой граничной территории, всюду оказалось в пользу украинской этники. Число закарпатско-украинского народа постоянно увеличивалось, отчасти вследствие естественного прироста большого размера, отчасти же чуть ли не постоянной иммиграцией.

Территория, населенная русинами, разделяется на три естественных района, среди которых каждому соответствует одна определенная жизненная форма и основное экономическое занятие. На южной равнине, на простирающемся на север холмистом краю в первую очередь всегда стояло земледелие, обстоятельства в больших чертах соответствовали венгерским равнинным условиям. В средней — расположенной в низком горном краю — полосе все еще на первом плане стояло земледелие, но большие леса и богатые пастбища, находящиеся на склонах гор, делали уже возможным скотоводство крупного масштаба. В этом краю годная для обрабатывания земля была лишь на речных равнинах. В южных частях еще растет пшеница, однако первое место занимает рожь или ячмень и овес. Из пропашных растений производят кукурузу и картофель, но оба растения распространились лишь в конце XVIII века. На третьей зоне высоких гор земледелие уже полностью оттесняется на задний план. Мало годной к обрабатыванию земли, а суровый климат делает возможным лишь небольшое производство овса, кукурузы и картофеля. Здесь животноводство являлось в прошлом главным занятием, в первую очередь в форме высокогорной пастбы.

Принимая во внимание всю закарпатско-украинскую населенную территорию, тотчас же бросается в глаза изобилие лесов. По довольно точной сводке пятидесятих годов прошлого столетия¹, лесная территория пре-

¹ Н. I. Biederman, Die ungarischen Ruthenen, ihr Erwerb und ihre Geschichte. Innsbruck 1862, т. I, стр. 33.

восходит в 4—5 раз поверхность пашни, лугов и пастбищ, взятых вместе. Но еще и в первые годы XX века положение не многим лучше, как это показывает следующая маленькая таблица.¹

Площадь	Пашня %	Луг %	Пастбище %	Лес %
Долина р. Лаборец	28,5	6,5	14,5	45
Долина р. Уж.....	17,5	6	8	64,5
Долина р. Латорица	12,5	8,5	6,5	69
Западная часть Марамарошской котловины	18,2	26,5	13,5	37
Восточная часть Марамарошской котловины	21	31,5	10,7	30,5

Вышеприведенные цифры показывают, что заселенная закарпатскими украинцами территория в условиях феодализма и капитализма годилась в первую очередь для скотоводства. Однако, по историческим источникам это скотоводство цвело лишь до XVIII века. То обстоятельство, что оккупированные турками части Венгрии освободились в конце XVII века и там приступили к скотоводству крупного размера, тогда как населенная русинами территория была во время национальных освободительных войн в конце XVII и в начале XVIII веков, а затем в последующих десятилетиях вследствие австрийской экономической политики разрушена, — в основе изменило положение. Скотоводство закарпатско-украинского края больше не могло справиться с конкуренцией венгерской низменности и таким образом скотоводство здесь более не расцвело. Точка тяжести перешла на земледелие. Это, однако, вследствие суровых естественных условий, тогдашней низкой техники и повышающейся эксплуатации — обозначало лишь голод и нужду для украинского народа.

Несмотря на все это, число закарпатских украинцев все возрастало. Число их в XVII в. оценивалось 300 000, но это недостоверное число. По данным переписи 1900-го года их число 424 774, тогда как в 1910 г. оно повышается на 564 240. Последние два численных данных вероятно значительно меньше фактических, что делается правоподобным тенденцией венгерской переписи снизить число национальностей.

Для основательного ознакомления с национальными отношениями мы, в нижеследующем, даем таблицу, которая на основании переписи 1910 г. указывает на национальное распределение населения на обитаемой закарпатскими украинцами территории.

¹ VI. *Kubijovýč*, Rozšíření kultur a obyvatelstva v severních Karpatech. Bratislava 1932. на таблицах № 369, 378, 380, 388, 389.

Распределение по жупам следующее :

Жупы	Вен- гры	Немцы	Сло- ваки	Закар- патские украинцы	Румыны	Прочие	Всего
Шаришская	18,088	9,447	101,855	38,500	321	6,409	174,620
Земплинская	193,794	9,749	92,943	39,033	209	7,466	343,194
Ужанская	53,824	8,383	36,364	61,711	133	1,674	162,089
Бережская	113,090	20,722	1,123	100,918	215	543	236,611
Марамарошская	52,964	59,552	503	159,489	84,510	687	357,705
Угочская	42,677	4,632	37	34,415	9,750	244	91,755

Из таблицы выявляется, что наибольшая часть закарпатских украинцев жила в трех жупах (Ужанской, Бережской, Марамарошской) и вследствие этого мы, главным образом, занимаемся в наших исследованиях этими областями, считаем их типичными, но не раз указываем и на отличающиеся в двух западных жупах условия (а именно на то, что в них крупные имения состояли «лишь» из 2—3000 гектаров, тогда как в упомянутых трех жупах территория доминия Шёнборнов и двух государственных крупных имений составляли больше половины всей территории жуп).

*

Теперь же, совсем кратко, суммируем важнейшие моменты ранней экономической и общественной истории закарпатских украинцев, знание которой безусловно необходимо для понимания подробно обсуждаемых событий.

Исторические источники, в первую очередь же архивный материал, начиная с XV столетия делает нам возможным основательно познакомиться с историей северовосточной территории Венгрии, где проживали закарпатские украинцы. Налицо в большом количестве т. н. шолтыские грамоты. Венгерские помещики заключали договор с отдельными предпринимателями (locator), которые при определенных условиях (освобождение от налогов, 2 участка, право судопроизводства и т. д.) вербовали крестьян на территории Подолии и Галицкой земли и поселяли их в деревнях на земле венгерских помещиков. Население новых деревень получало на срок от 6 до 12 лет освобождение от уплаты налогов, чтобы за это время устроить свое хозяйство. Независимо от этого организованного поселения, иммиграция на территорию Венгрии все продолжалась. Новые переселенцы заняли находящиеся в речных долинах плодородные пашни и исходя отсюда, принялись за утомительную работу корчевания лесов, в результате чего им удалось превратить

большие области в пашни. Однако, по истечении льготных лет судьба их стала тяжелой, началась помещицья эксплуатация, против которой русинское крестьянство боролось всеми силами. Пришелцы попали в тяжелое положение старого населения. Самая известная форма классовой борьбы состояла в бегстве. По истечении льготных лет закарпатско-украинские крестьяне покидали свое место жительства и переселялись на землю другого помещика, где снова получали освобождение от уплаты налогов. Однако, помещики приняли контрмеры и такого рода поступки встречали все больше затруднений; освобождаться от помещицых налогов смогли — и те лишь временно — только пастухи, занимающиеся на высокогорье кочующей пастьбой.

При помощи шолтыских грамот и позже урбаров освещаются поселенческие и общественные, а также экономические условия Закарпатья.

У русин мы не находим и следов собственного помещицкого или дворянского класса. Если они и существовали раньше, то в XV веке уже полностью слились с венгерским дворянством, с классом венгерских помещиков.

Среди закарпатско-украинских крестьянских масс, живших в разном правовом положении, выделяются лишь два малых слоя: шолтысы или кенезы и слой духовенства. Потомки шолтысов еще в течение столетий смогли сохранить свое привилегированное положение, достигнутое ими при поселении. Они были богаче простых русинских крестьян, пользовались некоторым облегчением в уплате налогов и т. д. Вследствие этого они могли до определенных границ — поскольку это не задевало интересов помещиков — распространить свою власть на украинских крестьян. Из их среды начались старосты. Другой выделяющийся слой составляли священники. Несмотря на то, что в Венгрии православие не было признанной религией, итак, священники не пользовались дворянскими правами, надлежащими католическому духовенству, все же православные священники были практически освобождены от исполнения одной части обязанностей по отношению к помещикам, и даже имели право на различные небольшие услуги со стороны закарпатско-украинского крестьянства.

Эта социальная структура украинской общественности с малыми изменениями осталась совсем до XVII века. Однако, во второй половине XVI века и в Венгрии прекратили свободный выход, и ввиду того, что медленно образуются барские запашки, — появляется барщина, которая приводит к значительным переменам в жизни закарпатско-украинского крестьянства. На территориях, заселенных украинцами, этот процесс протекает сравнительно позже, как в других частях Венгрии, но во второй половине XVII века барщина и здесь становится общим явлением. В связи с образованием барских запашек положение украинского крестьянства значительно ухудшается и эксплуатация достигает неслыханных до сих пор размеров. Живущим на горах крестьянам приходится исполнять барщину

на равнинных запашках помещиков, и часто они неделями отсутствуют из своих деревень.

Новые условия имеют неблагоприятное действие и на шолтысов. Образовавшееся новое управление именными лишает их права судопроизводства, и мало помалу прекращает и частичное освобождение от налогов, что, в конечном результате, приводит к исчезанию этого слоя. Их место занимают т. н. «сабадошо» (освобожденные), такие разбогатевшие русинские крестьяне, которые деньгами выкупают барские повинности, или же одну часть последних, и берут на себя определенные должности в управлении помещичьими именьями. Некоторые из них достигают и того, что помещик выхлопывает для них дворянство, но в большинстве случаев этот крестьянин берет на себя обязательство, что не будет отстаивать своих новоприобретенных дворянских прав по отношению к помещику, благодаря которому он получил дворянство. Нужно сказать, что это общеизвестное явление в истории Венгрии. Вот объяснение, почему мы в XVIII и XIX веках встречаемся с несколькими русинскими семьями мелкого дворянства. Но они не имеют ничего общего со «старинным», «коренным» русинским дворянством и — что важнее для нас — эти дворянские семьи (число их едва превышает сто) не владеют значительно большей землей, чем зажиточные крестьяне, т. е. не играют значительной роли в закарпатско-украинском обществе, а в XIX в. большинство из них мадьяризируется.

Так называемые марамарошские украинские мелкие дворяне находятся — до определенной степени — в другом положении. Дело в том, что в этой жупе в XIV и в первой половине XV веков преобладали румыны. Из румынского пастушеского общества выделился один слой, который путем военной службы получил государственное дворянство и небольшие именья. Позже, когда украинская этнографическая граница распространилась в Марамарошской жупе на юг, в именьях румынских дворян появились украинские крестьяне и — под влиянием обстановки — одна часть румынских дворян стала украинцами. Число таких румыно-украинских семейств примерно 300. Иногда они играют значительную роль в жупе, в администрации, но в отношении к венгерским крупным помещикам они оттесняются на задний план, а начиная со второй половины XVIII века быстро мадьяризируются и становятся верной опорой венгерских правительств.

Единственный старинный закарпатско-украинский общественный слой, не потерявший своего старого положения, и даже значительно улучшивший его — это духовенство. В середине XVII века Габсбурги огнем и мечом распространяли контрреформацию. По польскому примеру возник план унии и православных закарпатских украинцев. Руководители католической церкви и украинского духовенства наконец пришли к соглашению и создали унию, о которой народ почти ничего не знал. Вследствие этого православное украинское духовенство получило значительную часть прав, полагающихся

католическому духовенству, и таким образом укрепило свое экономическое положение и вместе с тем и влияние в закарпатско-украинском обществе. Униатское духовенство наложило налоги на украинских крестьян и привлекло их на барщину в свою пользу; теперь они были принуждены терпеть не только угнетение чужих помещиков, но и значительную эксплуатацию собственного духовенства. Таким образом уния обозначала для закарпатско-украинского народа новое бремя и разумеется, вызвала сильный протест. Однако, союзу венгерских помещиков и униатских священников удалось подавить сопротивление народа и, начиная с этого момента, помещики и их правительство чуть ли не постоянно кооперируют с руководящим слоем украинского общества, с духовенством.

*

Вследствие того, что здесь не дается конкретно исторический материал, нужно сказать, что вышеприведенный краткий конспект более отдаленной общественной истории закарпатско-украинского народа сильно схематичен, однако, проливает достаточно света на предварительную историю позже возникающих проблем. Теперь же мы подошли к нашей настоящей теме и должны немного подробнее заняться общественно-экономическими отношениями первой половины XIX века.

Феодализм переживал в Венгрии в конце XVIII века кризис, который в первой половине XIX века продолжал углубляться. Национальное и экономическое угнетение австрийского господствующего класса, сильно препятствующее развитию капитализма, встречалось со все возрастающим сопротивлением со стороны народов Венгрии. Однако, экономическое развитие, несмотря на тяжелые обстоятельства, продвигалось вперед; в кругу народов Венгрии замечался ускоряющийся процесс дифференциации, ставивший новые общественные классы и слои в боевой порядок. В условиях распадающегося феодализма народы, быстрым темпом, преобразовывались в нации. Это естественный процесс, однако, в многонациональной Габсбургской монархии и в многонациональной Венгрии приводит к столкновениям: быстро развивающиеся мелкобуржуазные слои одних народов или товаропроизводительные венгерские дворяне, играющие роль буржуазии, сталкиваются с буржуазией других народов или же с их товаропроизводительными дворянами. В первой половине XIX века борьба еще не ведется непосредственно за рынки, а проводится по линии языка и культуры. Однако в сороковых годах эта борьба и в Венгрии переходит в фазу политической борьбы. Руководящие классы не-венгерских народов Венгрии требуют в какой-нибудь форме автономию, что обозначало бы ослабление или даже полное прекращение политической власти венгерского господствующего класса в заселенных не-венгерскими народами территориях. Венгерский господ-

ствующий класс, который в этом вопросе занимает совершенно единую позицию, противится национальным стремлениям самостоятельности и успешно препятствует — вплоть до распада Австро-венгерской монархии — центрифугальным стремлениям.

В XIX веке национальный вопрос остается, наряду с земельным вопросом, важнейшей нерешенной проблемой Венгрии. Между прочим, эти два вопроса тесно связаны и по настоящему не разрешимы ни во время распада феодализма, ни в эпоху капитализма. Попытки, направленные на решение этих проблем, могли лишь временно смягчить, но никаким образом окончательно решить противоречия. Национальный вопрос, интересующий нас тут в первую очередь, проходит в форме неразрешимых антагонизмов греческих фатальных трагедий по страницам истории Венгрии прошлого столетия и проецирует темные пятна и на освещенную революцией 1848—49 гг. картину. И выдающиеся представители венгерского среднего дворянства, руководящей силы борьбы за свободу, не познают значения национального вопроса и не могут справиться с этой новой, незнакомой их предкам, проблемой. Они и далее хотят сохранить, хотя и в новых формах, соответствующих измененным условиям, угнетение национальностей.

Все участники общественной и национальной борьбы, протекающей на различных линиях и фронтах, искали и находили союзников. Так получилось в 1848—49 гг. трагическое положение, что вожди не-венгерских народов Венгрии в общем стояли на стороне реакции, часть их вооруженно боролась на стороне Габсбургов против венгерской революции, представляющей прогресс и борющейся и за интересы не-венгерских народов. Единственным исключением были закарпатские украинцы, которые не взялись за оружие против венгерской революции. И если весной 1849 г. значительные массы украинского крестьянства охлаждаются вследствие неправильной крестьянской политики венгерской революции и других причин к делу борьбы за независимость, все же лишь небольшая группа буржуазной интеллигенции солидаризуется с Габсбургской реакцией. Однако, дело и с их стороны не доходит до вооруженных действий.

В нижеследующем мы постараемся дать объяснение этого явления.

Развитие капиталистических условий в Венгрии было менее всего заметно в Закарпатье. Хотя крепостная реформа Марии Терезии в 1767 г. обозначала именно в этой области усиление экспроприации крестьянских владений, однако, вследствие специальных обстоятельств этот процесс не смог стать решающим фактором в экономическом и общественном развитии. В трех жупах (Марамарошской, Бережской и Ужанской) развитие определяется двумя государственными и Шёнборнским имениями. Однако, эти три громадных имения в конечном итоге находятся в чужих, австрийских руках. Нет между ними ни одного, желающего вступить на — противоположный экономической политике венского двора — путь, а продолжает идти

по старой стоптанной дороге и стремится служить старому феодальному режиму.¹ Наряду с этими тремя гигантскими имениями, менее крупные имения, находящиеся в руках прогрессивного среднего дворянства, хотя и хотели бы перейти на новый, капиталистический путь, но этому сильно препятствует обстоятельство, что Закарпатье лежит далеко от рынков, нет дорог, делающих дешевый транспорт возможным. Кроме того, внутренние сельскохозяйственные рынки Венгрии не очень то нуждаются в сельскохозяйственных продуктах горного края, ведь они, вследствие австрийской экономической политики, переполнены товарами и в состоянии продавать избыток на австрийском и чешском рынках лишь при весьма неблагоприятных условиях. Развитие промышленности, единственная возможность развязки в богатом многообразным сырьем Закарпатье, тоже пока что не представляется, частью из-за австрийской экономической политики, частью же вследствие отсутствия капитала, квалифицированных рабочих, дорог и т. д. В Закарпатье все-таки появляются мануфактуры. Лучше всего мы знаем хозяйничание крупного имения гр.-а Шёнборна, где построили квасцовые, железные и другие мануфактуры. Вероятно, что подобные мало-мощные мануфактуры работали и в других имениях. Однако это мало затрагивало закарпатско-украинских крестьян и народ. Квалифицированные рабочие мануфактур — иностранцы, или же специалисты из других провинций Венгрии. Закарпатско-украинское крестьянство приняло все это к сведению только так, что в барщине нужно теперь не только косить и мотыжить, но и выламывать камни, рубить дрова и в первую очередь заниматься извозом и т. д. Изделия мануфактур не попадали в руки закарпатско-украинского народа, не в этом показалось действие повышенного разделения труда.

Развитие, однако, в медленном темпе продвигалось вперед. На южном краю, населенной закарпатскими украинцами территории, росли города. Но до какой степени были малы города, о которых идет речь, доказывают статистические данные 1846 г., по которым в Ужгороде насчитывалось 7960, в Марамарошсигете 6300, в Мукачеве же 5950 жителей. Это объясняет почему названные три города никогда не получили правовое положение свободных королевских городов,² но оставались под господством своих помещиков. Несмотря на то, что городские жители продолжали ожесточенную борьбу против помещиков, им удалось достигнуть автономии лишь в весьма узких рамках. Граждане числились крепостными и их отличало от крепостных крестьян лишь то, что они кроме земледелием занимались и

¹ См. *Sas Andor*, Egy kárpáti latifundium a hűbéri világ alkonyán. A munkácsi Schönborn-uradalom társadalmi és gazdasági viszonyai a XIX sz. első felében (Карпатская латифундия на склоне феодального мира. Общественно-экономические отношения имения Шёнборнов в первой половине XIX в.). 1955. Csehszlovákiai magyar könyvkiadó.

² Свободные королевские города пользовались под королевской юрисдикцией определенными преимуществами, не принадлежали к жупам и имели в сейме коллективное представительство.

промышленностью и торговлей и с юридической точки зрения имели право на свободное переселение. Однако, большинство городских жителей составляли не закарпатские украинцы. Большую, сплоченную группу закарпатских украинцев представляло здесь только духовенство, находившееся в епископской резиденции.

И в кругу украинского крестьянства встречаются следы растущего товаропроизводства. Мы находим все больше местностей, носящих название «торг». На этих торгах обменивались горные и равнинные жители избытком своих продуктов, здесь они продавали промышленные изделия, продукты их домашней промышленности. Однако, оптовая торговля снова не оказалась в руках украинцев, так как в XVIII в. армяне и греки, а в XIX в. еврейские оптовые торговцы¹ покрыли весь край сетью и даже розничная торговля стала их монополией. Украинский розничный торговец считался даже в начале XX века — чудом, и кроме деревенских кузнецов и плотников довольно редко можно было найти даже ремесленников.

Сохранилось несколько описаний венгерских и немецких путешественников из первой половины XIX в. о крае, населенном русинами. Они единогласно рисуют такие средневековые условия, в которые еще не проникли зачатки капитализма, правильнее говоря, где по сравнению с другими частями Венгрии, развитие еще сильно отстает. Крупные имения Закарпатья еще не потряс дух времени, который в других краях страны уже поднял сильнейшую бурю. Здесь было еще сравнительно спокойно, только ненависть украинского крестьянства тлело под золой. Отнятие крестьянских земель или их обмен на худшую, увеличение барщины и тут было в ходу, но не в таких масштабах, как в других частях страны. Этим можно, в первую очередь, объяснить, что в большом крестьянском восстании (холерное восстание) в 1830—31 гг. из закарпатских украинцев приняли участие лишь живущие на крайнем западе крепостные, тогда как жители Ужанской, Бережской и Марамарошской жуп, т. е. преобладающее их большинство, только с симпатией наблюдали за событиями. Все участвующие украинцы происходили из края, где находились имения в 1000—2000 гектаров, считавшиеся в закарпатско-украинском отношении средними имениями. Их хозяева уже в первой трети XIX века сделали все, чтобы уменьшить крепостные земли и присоединить крепостные наделы к барской запашке. Эти помещики, находившие, что производство запашкой более доходное, думали уже и о том, что раньше или позже придется отменить крепостное право и тогда не будет безразличным кто владеет землей. В сеймах

¹ Выражение «евреи» в этом исследовании употребляется не в качестве религиозной категории, а народности, национальности, ибо огромное их большинство составляет обособленную от украинцев и венгров группу, обладающую собственным языком и культурой. Мадьяризация их приняла широкие меры только в первом десятилетии XX в., т. е. к концу обсуждаемой эпохи.

реформ¹ этот вопрос стоял постоянно на повестке дня, так как отмену крепостного права нужно было принимать во внимание. Таким образом помещики западных жуп усилили грабеж земли, вследствие чего отчаяние крестьян обострилось до крайности, и в конце концов разожглось в большое восстание. Однако, в Ужанской и Марамарошской жупах два мощных государственных имения не трогали землю крепостных, также и имение гр.-а Шёнборна, Бережской жупы, обезземеливало лишь в малых размерах. Вследствие этого восстание не вспыхнуло на этих территориях, хотя имеются данные, что и тут было сильное движение среди крепостных.

Если мы принимаем во внимание, что в первой половине XIX века уже продолжается серьезная национальная борьба между венгерскими господствующими классами и руководящими кругами национальностей, то нам следует обнаружить, как обстоит это дело в закарпатско-украинском отношении.

Все славянские народы Венгрии проходят эпоху «национального возрождения», разрабатывают сильную историческую и юридическую идеологию, ссылаясь на которую ведут свою национальную борьбу против угнетателей. Создатели этой идеологии у сербов, хорватов, словаков и т. д. всегда вырастают из круга духовной и светской интеллигенции. Однако, эти литераторы представляют всегда такие общественные классы или слои, которые продвигаются на первый план, развертывающимся в рамках феодализма, капитализмом. У хорватов, подобно как и у венгров, представителями национального движения в первую очередь являются товаропроизводительные средние помещики, у сербов — укрепляющееся купечество, тогда как у словаков все возрастающий слой самостоятельных городских ремесленников, торговцев и интеллигенции. Сначала глашатели и интерпретаторы взглядов этих слоев происходят регулярно из круга духовенства, а позже, можно сказать полностью из светских лиц.

Исследование истории закарпатско-украинского общества XIX века еще в начальном состоянии. Однако, на основании наших исследований мы думаем, что развитие закарпатско-украинской общественности примерно на полвека отстает от развития других не-венгерских народов Венгрии. Это причина, почему русины ни в какой форме не принимают участие наряду с хорватами, сербами и румынами в национальной борьбе, имевшей место до 1848—49 гг. Хотя уже существует русинская интеллигенция, кроме священников и педагоги, адвокаты и т. д., но покинув родной край, они исполняют свою работу на территории Венгрии, населенной не-русынами и связь их с русинским народом медленно разрывается. Те же, среди них,

¹ Венгерская историография так называет государственные собрания, которые начиная с 1832—36 гг. одно за другим издавали законы, конечная цель которых была осуществление буржуазных отношений «мирным путем», с наименьшим ущербом для товаропроизводительного дворянства, т. е. для феодального господствующего класса.

которые привязаны и к языку и к народу — принуждены эмигрировать. Вот объяснение, почему целый ряд преподавателей, врачей и юристов закарпатско-украинского происхождения, преподававших в начале XIX века в различных высших учебных заведениях Венгрии, эмигрирует в Россию и играет там в новообразованных университетах значительную роль. В Венгрии эти интеллигенты не могут создать национального движения, ибо в закарпатско-украинском обществе еще не образовался слой, способный руководить движением. И все же, несмотря на то, что за ними не стоят значительные и организованные массы, мы уже в первой половине XIX века находим людей, созидающих идеологию движения. Главную причину этого явления нужно искать в том, что среди движений славянских народов Венгрии существует сильное взаимодействие. Теория славянской взаимности рождается здесь в Венгрии, и также закарпатские украинцы не могут уклониться от ее влияния. Украинская интеллигенция, и в первую очередь прогрессивная часть духовенства, с большим интересом следит за славянским движением в Венгрии, в венской духовной академии заключаются тесные отношения между священниками Закарпатья и Галиции, украинские семинаристы посещают лекции известных профессоров-славяноведов, и сами начинают задумываться над историей и судьбой своего народа. В результате образуется закарпатско-украинская историческая идеология. Это первый шаг по пути национального движения, как это показывает пример румынов и сербов Венгрии. Параллельно с этим выдвигается и проблема литературного языка, так как оказывается нужным осуществление литературного языка, понятного и народу, говорящему на различных диалектах. Но в начале проблема народа оттесняется на задний план, потому что круг славянских литераторов Венгрии преследует еще идею общеславянского языка. Они думают, что сплавом нескольких славянских языков или же принятием какого-нибудь славянского языка — в качестве литературного языка — удастся создать общий литературный язык, который будет понятен каждому образованному славянскому человеку. Лишь позже, когда они на общих совещаниях убеждаются, что невозможно создание такого искусственного общего языка, понятного для всех, и хорватских и сербских и словацких и других интеллигентов, тогда они отказываются от этой идеи. Но в то время национальное движение уже вступает в новую фазу и достигает уровня политической борьбы. Теперь идет уже речь о том, что руководящий национальным движением слой или класс хочет привлечь массы своего народа в интересах собственных целей. Для этого же нужен общепонятный для всего народа язык. Начиная с этого момента, проблема общеславянского языка сама собой отпадает, на ее место становится развитие национального языка.

Этот путь прошла и та закарпатско-украинская интеллигенция, которая в первой половине XIX века занималась описанными проблемами.

В 1827 г. Иван Бережанин считает еще церковный язык подходящим быть общим славянским языком и глубоко осуждает тех, которые хотят сделать народный язык — литературным. По его мнению церковный язык, употребляемый в закарпатско-украинской церкви, настоящий русский язык, и образованные люди говорят его так чисто, как великоруссы. Подобного мнения придерживается в 1830 г. и Михаил Лучкай, согласно которому язык народа и образованных людей нигде на свете не может быть одинаковым. Он, однако, уже подчеркивает, что язык закарпатско-украинского народа слегка отклоняется от церковного языка и сознает, что этот язык говорится и в Галиции и в Буковине. Он уже отличает украинский язык от великорусского и таким образом является первым в Венгрии, познавшим единство украинского языка, хотя и выводит из этого факта совершенно ошибочные заключения.

Если мы сравниваем эти взгляды с взглядами напр. Вука Караджича или Л. Гая или Й. Дорбовского и Я. Коллара, то замечаем, что закарпатские украинцы отстали в области развития языка. Характерно для них, что они незнакомы с русской литературой, не знают произведений Державина, Пушкина и т. д. и в лучшем случае слышали лишь их имена. Они понятия не имеют, что уже появились первые шедевры украинской литературы. Не чудо, что при таких условиях они даже не выясняют место родного языка в русской семье языков.

Степень развития исторической идеологии показывает на несколько более развитые условия. На повороте XIX века И. Базилович защищает в своем на латинском языке написанном произведении грамоту Кориатовича от 1360 г., которую венгерские ученые считают фальсификацией, и впервые составляет, а затем публикует историческую концепцию, развернутую закарпатско-украинским униатским духовенством в предыдущие времена в борьбе против католического архиепископства в г. Эгер. Согласно этой исторической точке зрения закарпатские украинцы жили на территории Венгрии уже во время господства Рима и тогда приняли христианство, а вследствие деятельности Кирилла и Мефодия непосредственно перешли на кириллицу и на славянский обряд. В дальнейшем говорится, что во главе русин стояли всегда свои епископы, даже и тогда, когда они попали под господство венгерских королей.

Базилович, будучи сам священником, сконструировал эту идеологию соответственно церковным интересам. Общественная суть — оправдание существующего положения, т. е. то, что руководителем русин являются мукачевский епископ и духовенство. Базилович еще не выводит из этого политических заключений, не желает автономии, не хочет оторваться от венгров. Базилович еще ничего не знает о родстве славян, об этнических связях между русскими и украинцами, он вообще не знает исторических произведений, уже раньше, в больших чертах, выяснивших эти проблемы. Только так становится возможным, что у него закарпатские украинцы

выступают оторванно от украинцев Галиции и от русских и обладают независимой от них историей.

Деятельность Лучкая обозначает в деле развития исторической идеологии большой шаг вперед: в тридцатых годах XIX в. он пишет историю своего народа. Это произведение никогда не было опубликовано, но многие читали его в рукописи и Дулишкович в своей книге, во второй половине столетия приводит большие выдержки, что имеет сильное влияние на следующее поколение. Лучкай был уже знаком со славистической литературой своей эпохи, в результате чего, по крайней мере сначала, он определяет место закарпатских украинцев в славянской семье народов и языков и даже подчеркивает, что они русские. Он старается решить проблему происхождения закарпатских украинцев, возводя их начало к древним народам и во многом следует установлениям Базилевича. Ввиду того, что рукопись оказалась для меня не достигаемой, я, к сожалению, не могу дать полной картины исторической концепции Лучкая; однако, кажется вероятным, что он сам еще не вывел заключений из этой концепции, так как не требовал, ссылаясь на исторические права, какой-нибудь автономии для своего народа.

В то время, когда сербы, румыны и словаки Венгрии, на основании выработанной в предыдущие десятилетия исторической концепции, уже ссылаются на «исторические» права и несут этот вопрос на политическую арену, требуя от венгерского господствующего класса языковых и политических уступок, закарпатские украинцы еще даже не полностью решили вопрос литературного языка и даже не разработали во всех деталях свою историческую концепцию. Причину этого следует искать в относительной неразвитости закарпатско-украинского общества по сравнению с другими народами Венгрии.

Однако, если и медленно, все же можно обнаружить развитие в закарпатско-украинской обществу, когда в сороковых годах XIX века, венгерский господствующий класс распространяет с имеющимися в его распоряжении мощными средствами, венгерский язык, т. е. приступает к сознательной мадьяризации; он встречает и со стороны закарпатских украинцев определенное сопротивление. Одна часть закарпатско-украинского низшего духовенства развертывает сознательное сопротивление против венгерских школ, вследствие чего печать венгерского господствующего класса обызвляет священников «панславистами», т. е. в тогдашнем смысле слова — врагами венгерского государства, предателями, и объявляет их агентами русского царя. Таким способом возбужденное подозрение продолжает существовать и стоящее под влиянием газет венгерское общественное мнение считает закарпатско-украинских священников совсем до 1918 г. «панславистами». В действительности это, разумеется, обстоит не так и венгерские правительства всегда знают, что значительная часть украинского духовенства является их союзником даже и в мадьяризации.

На основании до сих пор проведенных исследований кажется, что бури вокруг «национального вопроса», наблюдаемые в Венгрии в эту эпоху, почти бесследно проходят над головой закарпатских украинцев. Церковь стремится лишь слегка поднять культурный уровень увеличением числа сельских школ и улучшением преподавательского уровня. Но и эта попытка не может осуществиться, ибо венгерское государство и дворянские жупы и не думают давать средства на организацию школ русского учебного языка, а униатское духовенство не расположено тратить что-либо из собственных доходов на школы. Предложение украинских священников обложить в интересах развития школ крепостных особыми налогами, не принято венгерскими властями, вследствие того, что уже чувствуется приближения революции и нет желания еще больше обременять и без того ожесточенных крепостных.

*

Вот каково было в больших чертах положение, когда возросшие противоречия кризиса феодализма вспыхнули, началась революция 1848—49 гг. и борьба за независимость. Мельникова, в указанных сочинениях, подробно занимается историей этих двух лет и, употребляя местные источники, рисует в общем правильную картину революционных времен. Однако, работа не закончена. В венгерских архивах находится еще огромный материал, который может осветить и другие стороны закарпатско-украинской истории. Донесения венгерских комиссаров, можно сказать, еженедельно отчитываются об отношении украинского крестьянства к революции и — совсем до весны 1849 г. — его считают благоприятным для дела венгерской борьбы за свободу. Так же удалось пролить свет на двоякую роль украинского духовенства. Тогда как мукачевский епископ Попович и следующая за ним семинарская молодежь полностью становятся на сторону революции, прешовский епископ Гаганец ведет двуличную политику и шпионит в интересах австрийцев. Из его круга образуется маленькая группа интеллигентов, которые под руководством Адольфа Добрянского видят в содействии с Габсбургами путь решения закарпатско-украинских проблем. Независимо от этого, вероятно, что группа Добрянского вначале симпатизировала с делом революции, и только увидев, что венгерские дворянские руководители не намерены делать большие уступки в национальном вопросе, стала на сторону реакции, которая, между прочим, прокламирует демагогическим образом равноправие всех народов Венгрии. Это еще в большей степени относится к Духновичу, который, в первую очередь, по причине несправедливо постигнутого его тюремного заключения, присоединяется к группе Добрянского.

Подытоживая сказанное в связи с 1848—49 гг., я бы хотел тут только подчеркнуть, что закарпатско-украинское крестьянство в усиленной мере продолжало начатую уже во время революции борьбу в интересах полней-

шего исполнения отмены крепостного права и после того, как господство перешло в руки Габсбургской реакции. Та часть закарпатско-украинского общества, которая вооруженно присоединилась к борьбе за свободу, замолчала вследствие террора австрийских властей. Потерянная война и несчастные обстоятельства передали руководство закарпатско-украинского общества в руки маленькой группы интеллигентов, собравшейся вокруг Добрянского. Как использует эта группа представляющиеся ей — нежданно-негаданно — возможности, мы подробно увидим в следующих главах.

Крестьянские движения после отмены крепостного права

После подавления революции 1848—49 гг. императорское правительство поставило Венгрию под военное управление и уничтожило и ту ограниченную автономию, которой страна распоряжалась до 1848 г. Венгерская революция поставила на очередь наиважнейший вопрос эпохи — отмену крепостного права, и стремилась осуществить ее на практике. Однако, вследствие запутанных обстоятельств борьбы за свободу и короткого, имеющегося в распоряжении времени, не оказалось возможности закончить великое дело. Таким образом исполнение отмены крепостного права попало в руки реакции и в результате не обозначило коренной перемены в существовании крупных имений в том смысле, что сильно уменьшила бы их объем. Нет! Можно сказать, что крупные имения остались почти незатронутыми. Это было обеспечено не только законом, но и абсолютным государственным аппаратом, в котором крупные помещики продолжали занимать руководящую роль.¹ Разделение власти с буржуазией не обозначало для них опасности, ибо буржуазия свидетельствовала незаинтересованность в вопросе владения землей. Никакой интерес австрийской крупной буржуазии не связывался с подрывом материальной основы класса венгерских помещиков, ее требования были в другой области. И тут венгерские феодальные помещики уступили. Таким способом образовалась тесная связь интересов этих двух классов, определившая развитие Венгрии по пути капитализма. Посмотрим, что обозначало все это с точки зрения русин.

Военная окружная комендатура г. Кошице издала еще летом 1849 г. брошюру, в которой устанавливались необходимые сведения для населения.² Там точно сказывалось какие крестьянские повинности прекратились, какие остались в действии, затем переходили на перечисление земель, остав-

¹ Венгерские историки называют 1849—1867 гг. эпохой абсолютизма. В это время венское правительство, уничтожив старую венгерскую автономию и администрацию, попыталось военной силой и иностранными, в первую очередь австрийскими и чешскими чиновниками управлять страной. Эта система, вследствие пассивной резистенции венгров и международных событий, ослабевших Австрию, потерпела полный крах. Начиная с 1861 г. Вена вынуждена вступить на путь уступок, и в соглашении 1867 г. Венгрия становится опять автономной страной в рамках Австрийской империи, которая с этого времени называется Австро-венгерской монархией.

² Гос. Арх. Венгрии. Absolutizmuskori levéltárak. K. K. Distriktskommissariat, Ungvár. 562/1849.

шихся пока еще в общем пользовании. Наконец власти выражали свою официальную точку зрения относительно отказа исполнения обязанности, что, как мы увидим дальше, случалось ежедневно в области комендатуры, т. е. в Закарпатье. По мнению военной комендатуры массовый отказ от повинности следует рассматривать как оскорбление безопасности собственности. Должно выследить подстрекателей и наказать их. Интересный и характерный документ заканчивается следующим образом: «Поэтому следует следить за святостью права собственности: свобода состоит не в том, чтобы мы грабили чужую собственность, а чтобы каждый человек согласно его физической и моральной силе мог прилежной работой улучшить свою судьбу и плоды его старания и прилежания стояли под общей защитой правительства.» Это классически звучащая дефиниция буржуазной собственности и роли буржуазной государственной власти, разумеется, находило и практическое применение; власти выступали самым строгим образом при выражении недовольства крестьян, в случае их требования земли, но и тогда, если крестьяне стремились добиться возврата крепостной земли, насильно квалифицированной куриальной,¹ что им, в смысле закона, полагалось.

Раздробление крепостных наделов,² начавшееся уже в феодальные времена, продолжалось теперь — с прекращением связанной собственности — в усиленном темпе. Быстро создалась с одной стороны огромная масса безземельных аграрных пролетариев, а с другой — деревенский эксплуатирующий слой. Власти абсолютного правительства тоже заметили это явление, нашли его вредным, зная к чему оно поведет и стремились прекратить его административным путем, но разумеется без результата.

Герингер, начальник новой абсолютной гражданской администрации, в своем постановлении³ от 19 ноября 1849 г. излагает, что раздробление имений приведет к тому, что собственники не смогут содержать себя и поэтому призывает внимание уездных начальников на ряд старых законов, призванных препятствовать раздроблению участков. Но это предложение не было осуществлено, и указанный процесс продолжался во все ускоренном темпе.

На это показывает, между прочим, донесение бухгалтера Бережско-угочского округа Иоганна Иллинца (Johann Illincz), направленное эрцгерцогу Альберту, на которое мы еще не раз будем ссылаться.⁴ Бухгалтер

¹ Куриальной землей называлась часть имения, которая юридически считалась барской запашкой, хотя она обрабатывалась непосредственно крепостными (куриальными). По закону 1848 г. и по распоряжениям австрийских властей куриальные земли не переходили в собственность куриальных крепостных, как это случалось с обыкновенными крепостными наделами.

² В Венгрии крепостные владели наделами или участками (telek), размер которых был установлен законом. Все крестьянские повинности рассчитывались по этим наделам.

³ Номер постановления 4535/g, 1849. Гос. Арх. Венгрии. Distriktskommissariat, Ungvár 204/1849.

⁴ Гос. Арх. Венгрии. Absolutizmuskori levéltárak. Militár und Zivilgouvernement. 11456/2968/1852.

описывает невыразимую нужду русинского народа и показывает на опасности увеличивающегося раздробления крестьянских имений. В связи с этим он видит главную опасность в евреях, число которых постоянно возрастает, причем они стремятся добывать недвижимое имущество. Он устанавливает, что, служа три года в налоговом управлении г. Мукачево, согласно прибывающим договорам покупки земли, один из контрагентов всегда является евреем, а обмен имений между двумя крестьянами никогда не состоится.

Ясно, что Иллинец преувеличивает и верно он сам страдает от антисемитизма, проявляющегося на каждом шагу у чиновников самодержавного правительства. Но, несомненно, что тогда начинается процесс, который привел к тому, что к концу столетия большая часть земли русинских крестьян находилась в руках евреев. Это значит, что закономерно последовавший распад русинского крестьянства находится здесь под действием особенного обстоятельства, которое в известной мере препятствует образованию слоя *русинского кулака*.

Этому факту можно приписать постановление, выданное в октябре 1853 г., которое восстановило ограничения покупки имений евреями, существовавшие до 1848 г. Обоснованием выдачи такого постановления дается цель препятствовать эмиграции. Это одновременно показывает, что уже тогда началась эмиграция, ставшая в последующие десятилетия одним из важнейших явлений истории русинской страны.¹

Интересные данные сообщает нам относительно поземельных отношений главный окружный начальник Виллец (Villetz).²

В своем докладе от 5-го декабря 1849 г. он выдвигает важность обеспечения имущества и беспокоится из-за неуверенного положения имений. Он подчеркивает, что дворянство является крепчайшей опорой престола, но лишено имущества, оно не будет в состоянии поддерживать императора. Это — проблема связей и общности интересов венгерских крупных помещиков и австрийского императорского дома, причем этот союз явно направлен против крестьян. Это и Виллец не скрывает, ибо тотчас же переходит на положение куриальных крестьян и батраков,³ которые будучи самыми бедными, не могли понять, почему законодательство защищает интересы лишь имущественных классов. Вот почему теперь эти слои стремились оспаривать право на куриальные земли.

Согласно Виллецу люди вообще неясно представляют себе сущность крепостных наделов. По одному мнению только те наделы подлежат откупу,

¹ Berzeviczy Albert, Az absolutizmus kora Magyarországon (Эпоха абсолютизма в Венгрии). т. II. Будапешт 1925, стр. 66—67.

² Гос. Арх. Венгрии. Abszolutizmskori levéltárak. Geringer 6721/1849.

³ До освобождения крестьян в 1848 г. феодально зависимое население юридически делилось на два обширных слоя: крестьяне, владеющие наделами и батраки (inquilini, zsellérek), которые владели только домами или же были бездомными.

которые уже во время Марии Терезии (1740—80) были крепостными наделами. А по другому мнению — каждый надел является крепостным наделом, за который уплачивались налоги в кассу жупы в 1848 г. и они все подлежат откупу. Это проблема особой важности в русинском краю с точки зрения помещиков, ибо в первом случае откупная сумма была бы лишь половиной или двумя третями полагающейся при втором варианте суммы, потому что со времени Марии Терезии образовалось трижды, или же по крайней мере вдвое столько крепостных наделов, сколько их было раньше. Как попали сюда эти крепостные наделы, об этом Виллец, разумеется, не говорит, ведь в этом случае он должен бы сказать и то, что образовались не только починки, но помещики в первую очередь добыли столько хороших крепостных наделов уменьшением величины старых наделов. Если бы он это сказал — кто знает на что способны эти венские немцы — может быть они подержали бы интересы крестьян, что уже случилось раз при Иосифе II. Но этого им, правда, не нужно было бояться.

Значит Виллец, хотя и старается быть объективным и не говорит прямо своего мнения, все же стоит за второй вариант, т. е. за помещиков. Однако, он отмечает, что это сильно обременило бы государственный бюджет,¹ но тотчас же находит чудотворное средство — пусть крестьяне платят одну треть откупной суммы.

Другая причина беспокойства кроется в неуверенности лесного угодия. Этому нужно помочь, привести в порядок дело лесов, чтобы защитить их от уничтожения. Дело в том, что крестьяне начали лесоруб.

А теперь возвратимся немного к донесению Иллинца. Интересно, каким видит, попавший сюда издалека чиновник, положение русин.

По его мнению старые жупы считали русина существом между человеком и животным и соответственно с этим, обходились с ним. Венгерское дворянство угнетало и полностью обобрало их, так что закарпатским украинцам постоянно грозила голодная смерть. Они очень плохо питались, едва знали другую еду кроме овсяного хлеба и водки, а мамалига считалась лакомым кушанием. Священники женили 14—16 летних детей, чтобы получать плату за совершение церковных треб (*stólápénz*). Венерическая болезнь постоянно распространялась, и наблюдалась общая дегенерация.

Огромное количество нищих. Русины часто живут вместе с животными в деревянном доме величиной в 8 сажень, где никогда не открывается окно. Господствует общая безработица и в то же время привозят сюда саксонцев из Спишской жупы для различных работ, которые могли бы исполнить и здешние жители. Ввиду того, что в этих краях обычно каждые пять лет неурожай, все доходы налогов употребляются на распределение пособий. Дальнейшая беда, что духовенство призывает внимание верующих лишь

¹ Временно государство брало на себя обязанность выплатить выкуп помещикам.

на надгробную жизнь и не на настоящую. Это естественно соответствует интересам духовенства. Часто случается, что крестьянин зимой в мороз пробирается лешком в город за свечой, чтобы обеспечить спасение души своей на следующее воскресенье. За похороны нужно платить то коровой то быком. Русины святоши часто назначают священника своим наследником.

Для их бедности характерно, что поденщики, как правило, не имеют рабочих инструментов (топора, пилы), они должны предоставляться работодателем. Они почти что не знают железных инструментов. Даже их телеги не обиты железом и т. д.

Это не новая картина, таково было, в общих чертах, положение и в эпоху феодализма. Перемена пока что состоит только в том, что предвещается возрастающая классовая борьба и ускоренный обмен именными поведет в конечном результате к образованию класса, способного руководить борьбой крестьянства в интересах светлой и освобожденной от эксплуатации жизни.

Однако, крестьяне не терпели молча свою судьбу, а усиливали борьбу, начатую во время революции. Официальные акты изобилуют известиями о крестьянских движениях, о мероприятиях против бунтующих крестьян. Нижеследует несколько характерных случаев.

Ужгородское государственное владение имело в с. Турья Ремета малый металлургический завод. По донесению поместного прокурора (фискала) в 1849 г. население окрестности, чтобы добиться большей цены и получить аванс на поставку, не доставило необходимые для углежжения дрова, так что, использовав запасы, металлургический завод прекратил работу. Завод, за неимением денежных средств, не был в состоянии платить больше. Исправник (сольгабиро) ничего не предпринял, и так, завод простоял с декабря 1849 г. по май месяц 1850 г. Из этого получился большой убыток, рабочим металлургического завода пришлось занять добычей руды. Тогда отправили на место военный отряд и дело поручили исправнику Яношу Вайда, «который с большой энергией и строгостью принялся за дело, в кратчайшее время заставил этот ленивый народ приняться за рубку леса, отчасти за деньги, отчасти же за счет значительных существующих транспортных долгов и помощи, оказываемой военным властям».¹

Дело наверно обстояло так, что закарпатско-украинские крестьяне, барщинная повинность которых состояла в рубке леса, были готовы и в дальнейшем исполнять работу, только в случае денежной платы. Деньгами то не очень могло располагать владение, а если они бы и имелись, то и тогда не очень бы захотелось их выплатить. Решение вопроса случилось обычными в эпоху капитализма мероприятиями. Военной силой и исправником забастовка была подавлена. Однако все же имелся определенный успех,

¹ Гос. Арх. Венгрии. Geringer, eln. 83/1851.

если донесение прокурора и не упоминает его. Как никак, все же пришлось что-нибудь заплатить бастующим лесным рабочим.

Беспокойная деревня была эта Турья Ремета, ибо во втором донесении¹ прокурора государственного владения речь идет о занятии пастбища.

Крепостные деревни Реметы «самовластно» заняли общее с владением пастбище. Жуповая комиссия выехала на место и управляющие владением доказали ей, что речь идет об общем пастбище. Это признали и деревенские жители. А после объяснения, что они не имеют на него исключительного права, только попросили разрешения скосить в этом году за малую плату пастбище. На этой основе и заключили договор.

Так, но гладкому исполнению что-то помешало! Исправник Янош Ляхович, сын бедного священника, получивший назначение телерь, как русинский интеллигент, уже во время расследования дела «показал заинтересованность в отношении народа», и после обеда, когда соглашение должно было быть подписано, появился народ под руководством священника Г. Невицкого, «который представился, называя себя руководителем и советником народа. В своей речи он выразил благодарность народа и склонность к соглашению, и наконец вынул из кармана — как он сознался — собственной рукой написанный экземпляр соглашения, с замечаниями, которые по содержанию были тождественны заявлениям, выраженным утром господином исправником Ляховичом».

Руководство владения этого не приняло и грозило наложить запрещение на пастбище до окончательного приговора. На это исправник обсудил дело с населением, которое жалея потерять сено, подписало подлинное соглашение. «А упомянутый господин священник, с лица которого тем самым сорвали маску, пристыженный трезвым рассуждением и миролюбивым характером народа, поспешил, насмотря на сильный дождь, домой».

В этом случае не пришлось употреблять открытого насилия, угроза наложить запрещение оказалась достаточной, ибо оно сделало бы невозможным использование пастбища во время судебного следования. Итак, деревенские жители уступили силе.

Замолчало оружие венгерских борцов за свободу, всюду уже сидели люди венской камарильи, но это конечно, не обозначало никакой перемены с точки зрения крестьянства, даже наоборот — объективно оно оказалось в худшем положении. Помещики таким же образом продолжали требовать барщину и исполнение обязанностей, как до 1848 г. и в течение 1848—49 гг. Они не хотели принять к сведению, что с отменой крепостного права мир переменялся, и крепостные более не могут быть принуждены к исполнению этих обязанностей.

¹ Там же.

В ноябре 1849 г. одни жалобы прибывают за другими в управление окружного начальника против помещиков, которые продолжают требовать барщину и исполнение других крепостных обязанностей. Адольф Добрянский, бывший в то время первым заместителем окружного начальника, призвал внимание начальников жуп, что некоторые лица, используя незнание крестьян, злоупотребляют им и поэтому поручил политическим властям защищать крестьян против помещиков и арендаторов. Если правительство хочет достичь доверия населения, оно должно прекратить такого рода махинации.¹

Иногда вмешивается и главное окружное управление г. Кошице и указывает подчиненным властям расследование определенных жалоб. Так случилось например в деревне Беч, Бережской жупы, пожаловавшей на помещика и на исправника Берзевицы.²

Однако вмешательство властей случилось больше для вида. Я не нашел ни одного случая, где наконец крестьяне оказались бы правыми и получили удовлетворение. Это вполне естественно, ведь в высших учреждениях сидели все вельможи авлического³ чувства. Характерно в этом отношении указание, прочитанное на заседании 17-го сентября 1849 г. ужгородских чиновников под председательством Гедеона Пиллера. Указание было направлено окружным начальником г. Кошице, графом Яношом Сирмаи подчиненным властям. 8-ой пункт этого указа начинается следующим образом: «Испытав на деле, что среди простого народа находятся такие лица, которые из неправильного объяснения и распространения законов и свободы, осмеливаются нападать на законные права их бывших господ помещиков и занимать леса, собственные пастбища, поля и малые королевские сервитуты, в то время как куриальные батраки, распространяют полученную свободу освобожденных надельных крепостных на самих себя и отказываются от исполнения своих обязанностей. . .» и т. д. Из-за этих явлений нужно объяснить народу, что хотя крепостные повинности и прекратились, но права помещиков будут защищены. Куриальные крепостные обязаны исполнять свои договоры. В случае споров или процессов, исправники должны, не долго думая, вновь ввести пострадавшую сторону во владение, а другая сторона может, находясь вне владения — протестовать.

Как ясно это распоряжение! Естественно, что исправники признают правду помещиков, и крестьяне, вне владения, могут протестовать, т. е. потерять процесс.

9-ый пункт распоряжения относится к церковной десятине. Он устанавливает, что в 1848 г. этот налог был отменен, но «народ следует заставить

¹ Гос. Арх. Венгрии. К. К. Distriktskommissariat, Ungvár 196, 198, 202/1849.

² Гос. Арх. Венгрии. К. К. Distriktskommissariat, Ungvár 140/1849.

³ Авликами (aulikusok) называются венгерские магнаты, которые во время войны за независимость 1848—49 гг. стояли на стороне Габсбургов.

к исполнению бывших законно обиходных обязанностей», т. е. униатская церковь, раньше не собиравшая десятины, спокойно сохранила свои прежние доходы.

Единственную положительную черту распоряжений можно найти в связи с вопросом языка. «...Приказывается отклонить каждое насилие, как в церкви, так и в школе в связи с языком, и практически осуществить равноправие языков.»¹ Чиновникам следует употреблять те языки, которые в ходу в жупе, принимать прошения, написанные на этих языках, а также пользоваться ими при публикации объявлений. Однако, о том, что случилось на самом деле в этой области, будет сказано позже.

Закарпатско-украинские деревни, или отдельные крепостные жаловались на самые различные злоупотребления. Деревня Сейков говорит в своем прошении, что при происшедшем семь лет назад размежевании, деревню лишили лугов и виноградников, теперь же объявляют крестьян куриальными и принуждают на барщину.²

Согласно деревням Ярок и Ореховица государственное ужгородское земельное владение требует полной платы за хлеб, разданный им три года назад во время голодовки, хотя по договору им в этом году следовало бы исполнить работу, составляющую всего лишь одну треть цены.³ Хершко Швамлик, еврей из Поросло, крепостной жалуется, что его заставляют на барщину за урбариальный участок, под предлогом, что освобождение крепостных не относится к евреям.⁴

Из жалоб в конце концов выясняется, что помещики употребляли все возможные средства, чтобы обойти закон. Лучшим способом было квалификация крепостных наделов куриальными участками, потому что в этом случае доказательство длилось долго, итак во время процесса помещик оставался во владении, пользовался доходами земли и плодами работы своих бывших крепостных. Какова разница по сравнению с постановлением, изданным революционным правительством весной 1849 г. Оно в спорных случаях оставляло крестьян во владении во время процесса. Да, но революция уже закончена и интересы помещиков все более продвигаются на первый план.

Не следует, однако, предполагать, что здесь речь идет лишь об отзвуках революции. Крестьянские движения продолжались годами и в эпоху абсолютизма.

Наджупан Ужанской жупы докладывает 12-го мая 1850 года, что в с. Касонь уже в течение нескольких лет господствует плохое настроение, случаются «противозаконности» и «поджоги». Споры крестьян и помещиков

¹ Гос. Арх. Венгрии. К. К. Distriktskommissariat, Ungvár 519/1849.

² Гос. Арх. Венгрии. К. К. Distriktskomm ssariat, Ungvár 227/1849.

³ Гос. Арх. Венгрии. К. К. Distriktskommissariat, Ungvár 416/1849.

⁴ Гос. Арх. Венгрии. К. К. Distriktskommissariat, Ungvár 419/1849.

связывают все силы властей. Однако, и это движение удалось подавить.¹

Турьябыстрицкий поддекан Г. Хомичко пишет начальнику жупы на модном тогда литературном языке: «Неспокойный ест народ Рускій околице сея гуртныя, извъстити сіе принуждаюся, предвѣдяще слѣдствія смутная быти могуція. Ибо: много уже роков прошло и у нияких тягобах полеготу, нияких нуждах помощь или доступленіе, нияких правах справку достати не може; под работу урбарскою (барщина) суще нѣт, понеже токмо яко раб повержен, и правды недостоин держан ест; под революціою нѣт, ибо тогды нѣчто требующій, скарги (жалобу) складюцій противо неправедных и его утѣсняющих правителей бунтоватся против краины (государства) казался; — нынѣ под охраною всеобщей державной конституціи, яко голоден хлѣба, так жаден чекает (ожидает) из дня на день, да выслышан будет и исправлен, но сожален кушает, что прозбы, поносы окружному комисарю предположенни все презринны, или на инколы (население), бо не достигает, отлаганны бывают, — во каждом селѣ сто а сто права недоконченны, скарги не выслушанны сносятся и простой, низкій сей народ гадает, что равность перед правом конституцією дарованна мертва токмо на папірю (бумаге) буква. . . »Поэтому он просит послать русинам разумных, любящих русинский народ чиновников, знающих их обычаи и образ жизни, которые успокоят народ.²

Хотя поддекан Хомичко и верно описывает настроение, но предположение его разумеется направлено не на облегчение бед крестьянства, а лишь на использование настроения, чтобы принудить власти к назначению русинских чиновников. Это письмо лишь одно звено организованного действия, начатого в ту эпоху русинской, как светской, так и духовной интеллигенцией в интересах достижения чиновнических должностей.

Сопротивление и движение крестьян продолжалось и в 1851 г. Крестьяне деревни Березово не хотели работать на помещиков и за деньги. Таково же было положение и в селах Дубриничи и Перечин, где целые полосы земли остались необработанными, ибо крестьяне и за деньги не соглашались работать. Сообщающее этот факт донесение считает его удивительным, ведь крепостные ужгородского владения «были до революции, как это общеизвестно, кроткими, мирными и послушными людьми, тогда как ныне совсем выродились».³ Причину находят в частых духовных собраниях, в которых участвуют и русинские чиновники. Вот они и подстрекают народ против старых помещиков и их людей.

Однако с этим предположением едва ли можно согласиться, т. к. крестьяне имели обоснованные причины волноваться. Правда, что и интел-

¹ Гос. Арх. Венгрии. Geringer, 9135/1850.

² Гос. Арх. Венгрии. К. К. Distriktskommissariat, Ungvár 348/1850.

³ Гос. Арх. Венгрии. Geringer, eln. 83/1851.

лигенция неспокойна в эти времена и иногда пытается возглавить крестьянские движения, чтобы в интересах буржуазно-национальных требований, т. е. в своих собственных интересах активизировать крестьян. Однако, эти попытки не удались, да и не могли удасться ввиду того, что они не обладали охватывающей крестьянской программой, при помощи которой активизация масс могла совершиться. Отсутствие такой программы объясняется составом интеллигенции.

Духовенство составляло большую часть интеллигенции. Оно было членом старого феодального класса, все их существование зависело от сохранения феодальных церковных повинностей. Некоторые из них охотно поддерживали бы отдельные требования крестьян, поскольку они были направлены против светских помещиков, но они были вправе опасаться, что тогда и им придется отказаться от пользования крестьянскими повинностями. Русинские священники совершенно ясно видели тесную связь интересов, соединяющую их со светскими помещиками. А тот факт, что преобладающее большинство помещиков было именно венграми, препятствовал обострению их национальных требований. Это объясняет почему противовенгерское острие русинского национального движения было далеко не так остро, как у остальных национальностей Венгрии.

Что же касается светской интеллигенции, которая в течение этой эпохи идет совместно с духовной, и тут нельзя забывать, что численно она меньше последней и кроме того по меньшей мере девяносто пять процентов членов ее — сыновья священников, т. е. бесчисленными нитями связаны с духовенством. Адольф Добрянский и его группа в некотором отношении отличаются от товарищей. Их требования можно, в конечном счете, рассматривать, как буржуазно-национальные требования. Эту маленькую группу можно назвать буржуазной интеллигенцией. Как мы увидим в дальнейшем, они через короткое время и поссорятся с духовной интеллигенцией, которая всеми средствами стремится к компромиссу с венгерским господствующим классом помещиков.

А теперь рассмотрим по подробное один конкретный случай. Речь идет о шаришских селах Матишова, Липник и Хайтувка, отказавшихся от барщины. Дело началось еще в 1848-ом году и судебное решение солгабирова было против сел. Начались бунты и 22-го апреля и 5-го мая 1848 г. в села прибыла для рассмотрения дела комиссия жупы, усиленная русинскими членами. «Комиссия, которая между прочим определенно признала, что арендаторы жестко обращаются с крестьянами, достигла некоторых результатов, которые, однако, имели лишь очень короткое действие.» Скоро после прибытия венгерских, а затем русских войск села снова отказались от барщины, вследствие чего жупа послала на место (*ad faciētem loci*) трибунал жупы. Тот расправился с крестьянами. Снова установили барщину, виновных в ее отказывания присудили к телесному наказанию, а села приговорили

совместно (in solidum) к уплате 400 форинтов судебных издержек. Крестьяне обратились с апелляцией к императору. 3-го января 1850 г. Герингер направил документы окружному наджупану Сирмаи для рассмотрения и на основании последнего объявил 15-го мая судебную процедуру законной. А дело Стефана Сенкова, жителя села Матишова, просившего возмещения за разрушенный дом, просто саботировали.

Из документов ясно видно, что эти три деревни находятся в такой тесной долине, где не могут поместиться два дома — один за другим. Земля — на растяжении перед и за домами, совсем до господского леса — была крестьянской землей согласно урбару Марии Терезии. Крестьяне тогда с точки зрения снижения податей признавали меньшую долю земли, а позже и вырубали лес. В 1811 г. у крестьян было уже вдвое больше земли, чем при Марии Терезии. Хотя здесь прежде не было барской запашки (allodium), помещик все же отрезал небольшие полосы крестьянской земли и осуществил две длинные барские запашки. Одну часть деревни он устроил куриальной, а другую — урбарией. Естественно, что крестьяне всегда выражали свое недовольство, но, по мнению властей, помещик поступил правильно, ибо оставил крестьянам больший участок, чем бы им полагалось согласно урбару и лишь остаточные земли превратил в барскую запашку.

Соответственно этому, наказание, наложенное жупой, законно и также законно требование исполнения не состоявшейся барщины.

По мнению властей также незаконна жалоба крестьян села Липника, ибо здесь хотя и на самом деле помещик лишил 8 крепостных части их земли при постройке стекольной гуты в 1840 г., но ведь они были куриальными крестьянами, итак он имел на то право.

Высшие власти неодобряли дело Сенкова, т. е. разрушение его дома и на этом основании рекомендовали ему обратиться в суд, где он получит удовлетворение.

Власти абсолютного режима упоминают, что «эта необыкновенно большая нужда, в которой живет народ на самой плохой земле Венгрии из-за еврейских арендаторов, действительно невероятна; вследствие соединений и урегулирований бедные, живущие на границе, крестьяне потеряли много употребляемых ими раньше земли и пастбищ; наказания за отказ от барщины и лесные штрафы составляют в большинстве случаев очень большие суммы, ибо не было возможности во время революции обуздать народ. А теперь нужно платить и подати, а куриальных крестьян придавляет едва облегченная барщина, которая, как и в этом случае — на пол участка установлена на 3 дня гужевой барщины в неделю, т. е. 156 дней в год, или же на 208 пешей поденщины. Вот почему эти люди постоянно жалуются, однако, без того, чтобы в существующих обстоятельствах представлялась возможность облегчить их долю, хотя нужда, как мы это уже упомянули — невыразимо велика. Однако жалобы часто лишь воображенные или же их

раньше уже направили на судебный путь и поэтому никаким образом помощь им нельзя».

В конце 1850 г. начали новое расследование в деле упомянутых сельских жалоб. Расследование в этом случае проводил Адольф Добрянский. Естественно, что русинский буржуа не может рассматривать дело чисто с юридической точки зрения и поэтому предлагает, чтобы государство возместило помещикам убытки, получившиеся из-за не имевшей место барщины. Однако венгерский крупный помещик, наджупан граф Форгач, не соглашается с этим предложением и во всяком случае хочет передать дело суду, что разумеется приведет к потере процесса русинскими крестьянами.

Сенкова, бывшего руководителя крестьянского движения, освободили вследствие ходатайства Добрянского, и это Форгач тоже не одобряет, хотя признает, что разрушение его дома никак не соответствует духу нового времени. И в этом случае он предлагает решить вопрос судебным путем. По его мнению причину всех бед нужно искать в прошлом и ликвидировать их, с одного дня на другой, посредством распоряжений — невозможно. Однако император, давший равноправие и разрешив введение «русинского» языка в школу и общественную жизнь, дал закарпатским украинцам возможность свергнуть угнетение. Они могут это сделать, если на самом деле жизнеспособны.

Каким образом это оказалось бы возможным, несмотря на угнетение властей и помещиков, этого благородный граф не упоминает.

Мнение Добрянского немного отличается от предыдущего. Он видит причину нужды русин Шаришской и Земплинской жуп в том, что «они долгие годы подвергались произволу помещиков и чиновников жупы и поэтому потерпели лишения во владении землей при исполнении урегулирования имений; затем, что венгерскому королевскому совету наместника часто подавались фальшивые показания свидетелей и масс. Последствием этого произвола было то, что число шаришских русинов уменьшилось отчасти по причине голодной смерти, отчасти же заразных болезней и наконец эмиграции на 30 000 душ». Это для русинских крестьян благоприятное донесение осталось, само собой разумеется, без результатов, ибо по мнению будапештского референта этого дела Добрянский не прав и причину нужды русин нужно искать в местных обстоятельствах, в образе жизни русин и их лени. Таким образом министр внутренних дел, ссылаясь на императорское постановление, направляет села к вновь учреждаемому органу урегулирования имений с замечанием, чтобы Сенков просил возмещения убытков от главного трибунала в Прешове.¹

Это дело выбрано среди многих других, ибо оно показывает на весьма много сторон крестьянского вопроса. Из него мы видим в каком крупном

¹ Все документы в Гос. Арх. Венгрии в связке документов Geringer, 20.600/1852.

масштабе лишались крестьяне земли до 1848 г., видим, как крестьяне в защиту земли брались за косу и лопату и отклонялись от барщины. Видим, как жупа, прибегая к вооруженной силе, восстанавливает порядок, наказывает телесно и тюрьмой, и даже пользуется средневековыми средствами: разрушает дома руководителей движения, и малого нехватает, чтобы солью не посыпала эти места. Беременную жену Сенкова жандармы просто выбрасывают из постели, так что она чуть ли не умирает и т. д., и т. д.

Можно бы продолжать и дальше, но не нужно. Однако следует вывести заключение, которое приблизительно концентрировано в поговорке, — «ворона вороне очи не выкоплет» — которую русины постоянно повторяли. Вследствие недостатка времени и неправильной крестьянской политики революция мало изменила в положении закарпатских украинцев и, по настоящему и абсолютизм не обозначил значительного улучшения. Но тогда как солгабировы в 1848 г. приказывали разрушать дома, «цивилизованные» австрийские чиновники уже довольствуются простым судопроизводством. Однако, по сути дела, нет между двумя никакой разницы: помещики все еще могут отнимать у крестьян землю, принуждать их к барщине, даже задним числом заставляя к ее исполнению, хотя закон и отменил ее. Слабые начинания, испытываемые со стороны некоторых русинских чиновников не много помогли, но содействовали обострению национальных противоречий. В конечном результате помещики все же были венгры, а арендаторы — еврей.

Закарпатско-украинские чиновники «защищают» народ, и стремятся таким путем приобрести симпатии, стараются дать борьбе национальное направление, как например требование администрации на русинском языке. Однако, эти попытки не достигли больших результатов и мало помалу они прекратились. Закарпатско-украинское крестьянство осталось одиноким в этой борьбе, которую все крестьяне Венгрии: венгерские, румынские, сербские и т. д. вели совместно, без настоящего руководителя против господствующего класса, против венгерских помещиков, когда одновременно им приходилось бороться и против собственных помещиков, против румынского, сербского и т. д. класса помещиков.

Приведенные примеры показывают, что крестьянские движения начались уже в 1848 г., непосредственно после отмены крепостного права, и может быть еще с большей силой продолжались в первые годы абсолютизма. Дальнейшие данные, однако, доказывают, что эти движения и позже не прекратились; то тут, то там волновались крестьянские массы, однако, без того, чтобы слились, соединились бы в крестьянское восстание большого масштаба. Причина этого заключается в том, что государственный абсолютный аппарат до некоторой степени укрепился и кроме того, некоторые распоряжения, — данные на вид в интересах успокоения — достигли тоже определенных успехов.

Для иллюстрации сказанного, мы подробнее займемся уездом Топля, Шаршской жупы, где крестьянские движения длились годами и еще в 1862 г. причиняли властям серьезные заботы, так что их подавлением пришлось заниматься совету наместника.

В деревнях: Гиральтовце, Ференцвагаш, Лучка, Кукова, Павловце, Кечерск, Крачуновце, Калнист, Жолмань, Лужанка и Матовце русинские и словацкие батраки, которым помещики предоставили, за исполняемую на помещичьей земле работу, определенное количество земли, подали прошение на высочайшее имя с просьбой освободить их от барщины.

Это показывает на то, что крепостные не видели никакой разницы между барщиной 1848 г. и нынешней отработывающей системой, так как на самом деле и не было большой разницы. Народ думал, что выезд посланной жупой комиссии случился в исполнении их прошения, но узнав, что происходит лишь расследование, обвинил комиссию в «фальшивости и обманчивости». В целях успокоения масс комиссия отложила слушание на следующий день. Однако, на другой день народ созвал население соседних сел; они объявили, что не намереваются исполнять какую либо работу, и даже требуют больше земли и пастбищ.

На успокаивающее слова народ «...нападая не только все более непристойными, но и запальчивыми словами на авторитет чиновников, положение оказалось опасным, так что комиссия, не сопровождаемая вооруженной силой предпочла, во избежании большей беды, покинув село, вернуться в Прешов».

Расследование просили шаршские помещики, говоря, что упомянутые крестьяне не числились в надельном регистре ни в виде крепостных, ни батраков, владеющих или не владеющих домами. Однако, помещики снабдили их домами, землей, пастбищем, деревом, и поэтому они исполняют помещикам гужевую или пешую поденщину. Таким образом, мы здесь имеем дело со специальным случаем отработывающей системы. Старое положение в сущности не подверглось изменению отменой крепостного права, обязанности крестьян в смысле закона остались в действии. Помещики излагают, что это представляет собой такое арендное отношение, которое имеет место в городах Бардиове и Прешове, где граждане за поденщину дают в аренду часть своих садов. Несмотря на это, батраки хотят присвоить себе права, надлежащие надельным крестьянам. Причину волнения народа «спокойного и покорного» характера видят в том, что «делегаты, вернувшиеся из Вены, обманули массы соблазнительными обещаниями, или какие-то демагоги в погоне за наживой смущают понятия о владельцах грубой коммунистической агитацией». Согласно комиссии и речи не может быть о том, чтобы народ, которого столетиями насильственно закабалляли, сам от себя потребовал бы свои естественные права; предполагается, что в его кругу действуют «коммунистические агитаторы».

Возвращаясь к шарошским украинцам, следует установить, что словацкий начальник жупы употреблял по отношению к крестьянам, как видно, средства обещания. На это указывают несколько замечаний канцлера Форгача, по которому наджупан Главач относится с ненавистью к венграм и имущему классу, тогда как любезно обращается с землепашцами славянского наречия. Однако, в конце концов Главач удостоился хвалы наместника, так как ему удалось тактично и не употребляя вооруженной силы, успокоить движения. Наместник граф Палффи (Pálffy) объезжая Северную Венгрию, лично убедился, как успешно действовал Главач. На этом основании он считает нужным оставить Главача в должности, пока эмоции успокоятся и какой-нибудь почетный человек жупы (явно предполагается венгерский крупный помещик) согласится взять на себя наджупанство.

До сих пор мы показывали этот случай на основании официальных документов, и уже из них не трудно предположить истину. Рассмотрим же теперь частное мнение, которое можно назвать полуофициальным.

Наместник Палффи попросил в связи с шарошскими событиями и бывшего шарошского солгабирова Эде Капи (Kapy Ede) высказать свою точку зрения. Он смотрел на положение значительно объективнее, чем шарошские помещики и сообщил свое мнение наместнику в строго конфиденциальном частном письме.

Это письмо он начинает с процесса экспроприации, начавшейся в Шароше в тридцатых годах. Он излагает, что попытки лишения земли в конце концов не увенчались для помещиков большим успехом по причине сопротивления крестьянства совсем до 1848 г. Капи был тогда главным солгабиром в Шароше, потом уехал и поэтому не знает о дальнейших событиях, но устанавливает, что последующие времена могли благоприятствовать помещикам, ибо размежевание (commassatio) всюду привело к разорению батраков. Однако, требование рабочей силы принудило господ давать жителям, ставшим безземельными, землю в употребление, но «... эти так называемые аренды заключались при тяжелых условиях — вследствие чего за 8 кобла¹ земли батракам приходилось работать в среднем 150 дней, так аренда земли в 2 брагиславские кобла рассчитывалась в 7 форинтов 50 крайцаров». В Шароше помещики стремились получить по возможности больше даровой рабочей силы для обрабатывания, требующей чрезвычайно усиленной работы, земли. Соответственно общественному мнению множество крестьян с участками не заявили, назвали их куриальными и отняли их землю. И на пустые участки также поселили куриальных крестьян и наложили на них тяжелые обязанности. Все это в свое время усколь-

¹ В старой Венгрии долгое время измеряли пашню пожонским (брагиславским) коблом. Пожонский кобел = 62,498 литров. Земля в один пожонский кобел равняется территории, которую засевают одним коблом зерна. Это около 1200 квадратных сажень, т. е. 1 большой венг. гольд.

знуло от внимания правительства и теперь уже трудно помощь беде. Дело в том, что в Шарише находятся теперь около 20 000 оброчных крестьян, которые за 8 браτισлавских коблов земли работают 150 дней, тогда как до 1848 г. за столько же земли работали всего 52, а на некоторых местах лишь 17 дней. Естественно, что крестьяне вследствие этого крайне ожесточены и трудно принудить их к работе. Помочь беде можно бы лишь на основании широкого плана; но и до тех пор следует установить — согласно качеству земли — максимальную барщину, ибо в обратном случае в северных жупах произойдет «ужасная катастрофа»; «здесь будет вторая Ирландия, где междуклассовые столкновения смогут быть предотвращены лишь вооруженной силой, и близорукие корыстолюбивые помещики, ценой моментальной выгоды, готовят свою собственную гибель»¹.

Если где-либо, то именно здесь мы обильно находим данные, подтверждающие существование переходного смешанного режима, пытающегося согласовать новую капиталистическую экономику с феодальными пережитками, тем самым ухудшая положение крестьян. Этот вопрос в связи с венгерским положением конспективно разработан в недавно появившемся произведении,² данные которого мы дополнили специальными шарышскими обстоятельствами, где этот режим еще больше был в ходу, как в других провинциях страны.

Что же касается лишения крестьян земли после отмена крепостного права, то о масштабе последнего говорят следующие данные.

На ужгородского адвоката Имре Дьёндёёши (Gyöngyösi Imre) донесли (он был интернирован в Ужгороде за свою деятельность во время борьбы за свободу и занимался черным прокаторством), что он подстрекает крестьянство. Действительно украинские крестьяне не раз просили Дьёндёёши вести их дела и подавать письменные жалобы. Из защиты адвоката и других заявлений выявляется, что помещики в русинской стране не принимали во внимание существующее 1-го января 1848 г. положение при освобождении надельных крестьян и таким образом причиняли им убытки. Так например, земплинское село Ластомир лишили приблизительно 7—800 гольдов надельной земли. У Тернавки (Ужанская жупа) отняли 200 гольдов надельной, хорошего качества земли, сопровождая это действие тюремным и телесным наказаниями, без того, чтобы жупа предприняла какие либо меры. То же случилось в селе Семан (Ужанская жупа). В Убле (Земплин) помещик осенью 1848 г. отобрал 7/9 часть земли, так что большая часть населения эмигрировала. В Палине (Ужанская ж.) под предлогом разме-

¹ Связка документов относительно дела Гос. Арх. Венгрии. Abszolutizmuskori levéltárak. Visszaállított helytartótanács eln. 17787/1862 és 16344/1862.

² Parasztságunk a Habsburg önkényuralom korszakában (Наше крестьянство в эпоху Габсбургского абсолютизма) 1849—1867. Под. ред. Sándor Pál. Будапешт 1951, стр. 29 и след.

жевания отняли у крестьян без возмещения 4—500 гольдов. А помещик д. Русказа (Ужанская жупа) отобрал почти всю землю у крестьян.¹

Характерно, что Дьёндьёши осудили за подстрекательство только на один месяц, а затем провели строгое исследование против прокурора из-за подтверждения легкого наказания.

Резюмируя, мы можем установить, что выражающаяся в сильных вспышках классовая борьба, начавшаяся в 1848 г., продолжалась во время абсолютизма и даже оживлялась вследствие того, что помещики всюду проводили урегулирование имений, причиняя крестьянству убытки. Наши данные занимают тут в первую очередь пашней, но следует особо рассмотреть вопросы леса и пастбища. Дело в том, что большая часть находившихся раньше в общем пользовании лесов и пастбищ попала в руки помещиков. Часто это случалось так, что помещики предоставляли в распоряжение сел небольшого размера пашни за отказывания от одной части общих пастбищ и пользования лесом. Обыкновенно крестьянские села пользовались такими случаями и так не намеренно содействовали ухудшению собственного положения. Вследствие дифференциации быстрого темпа и других причин крестьянские земли аккумулировались в руках зажиточного слоя, тогда как массы закарпатско-украинских крестьян остались совершенно безземельными. В таких обстоятельствах интенсификация скотоводства могла бы, в определенной мере, помочь положению, но пастбища, и главным образом высокогорные пастбища, были в помещичьих руках, вследствие чего развитие скотоводства встречалось с непреодолимыми препятствиями, как это наглядно показывают события, происшедшие в конце столетия.

Все это происходило в селах и в конце концов обозначало повышения нужды, влияние которой показалась и в городах. Газета *Magyar Hirlap* (10-го февраля 1852 г.) пишет об Ужгороде и устанавливает, что в городе огромное количество нищих, сирот и настоящая голодовка. Официальное расследование затем установило: действительно факт, что в городе множество нищих и сирот, правда и то, что одна часть этих людей живет в конюшнях, но проводит в них лишь одну ночь, потому что именно ночью прибывают из Верховины и Галиции. Власти на другой день занимаются их делами и шлют обратно на место постоянного жительства. Отрицается, что в ноябре 1850 г. люди умирали бы на улице вследствие голода, однако, признают, что в ноябре 1851 г. много бродяг скончалось от «озноба».

И из официальных заявлений выясняется, что лишенные земли и ищущие работу закарпатские украинцы массами заполняли города и, нет сомнения, что под «ознобом» следует понимать голодную смерть, как это доказано другими достоверными данными.

¹ Гос. Арх. Венгрии. *Militär und Civilgouvernement*. 9038/2851; 14435/5110; 17190/6188; 24317/8900, все под 1853 г.

Это дело приводит нас к элементарным несчастьям, которые, в течение столетий, каждые 3—4 года бичевали украинцев, и по этой причине много тысяч падали жертвой голодной смерти. Во время абсолютизма, вследствие данных исторических обстоятельств, повторяющиеся один за другим неурожай имели еще более печальные последствия, чем прежде. Дело в том, что в старые крепостные времена, помещики в случае голодовки снабжали своих крепостных основным продовольствием за лихвенные проценты, теперь же не могло быть об этом и речи, ибо они не были уверены, возвратят ли им вообще продукты, не говоря уже о том, что затруднилось обеспечение ростовщических условий. Таким образом абсолютный государственный аппарат был принужден взять дело в свои руки, чтобы препятствовать массовой смерти от голода, которая уже в эти времена скомпромитировала бы венское правительство перед всей Европой.

Все дело голодовки освещает прошение, поданное на высочайшее имя епископом Прешова Гаганец.¹ Он излагает, что закарпатско-украинский народ живет, вследствие суровости земли, на территории епархии в наибольшей нужде и помочь себе не может из-за полного отсутствия торговли и промышленности. Урожай предыдущих лет (1846—47 гг.) был очень плохим, так что из епархии бежало 18 000 человек, чтобы спастись от голодной смерти, или же не умереть вследствие болезней, причиненных голодом. Все боятся, что неурожай 1851 г. приведет оставшееся население к подобной доле. Брюквенный и овсяный урожай также были уничтожены сильными дождями и наводнениями, итак уже не осталось никаких запасов на новый год. Все это напоминает 1847—48 год, когда «...несчастный народ питался листьями деревьев, молотыми корнями и травой, и счастлив был тот, который мог заправить эту еду горсточкой овсяной муки. Тела людей опухали и они умирали голодной смертью, так что оставшиеся в жизни лишь с наибольшим напряжением могли хоронить погибших». Люди съели всех животных и дошли до того, что в Лехнице, Спишской жупы, убили и съели четырнадцатилетнюю девочку.

В последующих годах также был неурожай и за это время в епархии снова умерли или же переселились в Банат и Трансильванию 25 000 человек. А тогда помещики еще помогали народу, теперь же он предоставлен самому себе.

Галанец просит императора обеспечить откуда бы то ни было необходимые хлеба и зерно и отпустить подати на 1852 г.

Кошицкий окружной надзупан, который в общих чертах разделяет мнение Гаганеца,² докладывает, что распоряжения на счет раздачи хлеба и обеспечения коммунальной работой в ходу. Он только не одобряет освобож-

¹ Гос. Арх. Венгрии. Geringer 21979/1851.

² Гос. Арх. Венгрии. Geringer 23081/1851.

дение от уплаты налогов, ввиду того, что это подстрекло бы другие народы против закарпатских украинцев, и было бы и несправедливым, ведь живут же украинцы и в более плодородных краях.

Различные власти много спорили относительно формы пособия.¹ Некоторые предлагают лишь коммунальные работы, тогда как другие — осуществление запасов в случае нужды, в форме хлебохранилищ. Например в Марамароше предлагается запастись 6000 коблами кукурузы и 2000 коблами овса. Характерно лишь то, что они хотят закупить это количество на месте, а это обозначает, что в помещичьих амбарах хлеб лежит в изобилии, и они намереваются использовать этот случай для продажи по хорошей цене.

В конечном результате удалось препятствовать многочисленной смерти от голода, поскольку раздали самые необходимые продукты, но получающим пособия пришлось отработать цену продуктов в виде коммунальной работы.

Дело повторилось зимой 1853—54 г. Вспомогательная деятельность протекала тогда уже более организованным образом, ведь власти обладали некоторым опытом. Запасы военных складов были использованы, их распределяли на основании мнения организовавшихся в различных местах вспомогательных комиссий. Получавших помощь разделили на 2 группы. Старые и больные получали пособие «к сожалению» даром, другим же нужно было следующим летом отработать полученные продукты коммунальной работой и при низкой поденщине. Из присланных подробных ведомостей выявляется, что в Марамароше получило человек 3000, а в Береге 5000 пособие в продуктах. Это число показывает, что вспомогательная деятельность едва ли была в состоянии решить свою задачу и поэтому правдивыми нужно считать донесения о большом количестве случаев голодной смерти.²

Интересное обстоятельство, что военные власти поставили в распоряжение вспомоществования и хлебную муку, а против этого местные власти запротестовали. По их мнению закарпатские украинцы и понятия не имеют что она из себя представляет, как ее можно сготовить. Поэтому украинцам следует давать лишь кукурузу.

Отмена крепостного права в Венгрии удалила наибольшие препятствия с пути развития капиталистической промышленности. Казалось бы естественным, если в Закарпатье теперь, когда так дешево можно было распоряжаться рабочей силой, одно за другим образовались бы промышленные предприятия (в первую очередь лесопильные заводы и т. д.). Но мы напрасно исследуем данные, и речи нет о развитии промышленности большого масштаба, не возникают новых заводов, итак не могут поглотить русинских крестьянских масс. Причину следует главным образом искать в эконо-

¹ Гос. Арх. Венгрии. Milit. und Civilgouv. 10988/2841/1852

² Гос. Арх. Венгрии. Milit. und Civilgouv. 24369/4937/1854 praes. и важные данные относительно вспомогательной деятельности см. там же под № 3874/1855.

мически зависимом положении Венгрии, отсутствии капитала и т. д. Однако в то время уже были небольшие капиталисты в Закарпатье, которые, соединившись, могли бы достать необходимый для создания меньших или больших заводов капитал. Это, однако, не случилось, нельзя говорить о серьезной индустриализации во время абсолютизма и для подтверждения сказанного приведем один характерный случай.

Металлургический завод в Турья Ремете обратил уже в 1823 г. внимание на каолиновую землю в Дубриничах, отлично соответствующую для обмазывания печки глиной. Руководство завода призвало внимание венского фарфорового завода на этот факт. Наконец в 1841 г. заключили договор между управлением казенных имений и венским заводом и годами везли отмученную каолиновую землю из Дубринич в Вену. Однако в 1844 г. взаимно денонсировали договор. Но венский завод нуждался в Дубриническом материале и, начиная с этого времени, покупал его от торговца по фамилии Поллак, который на месте отмучивал землю. Однако дело не приносило желаемой прибыли и завод, вследствие этого, прекратил в 1847 г. работу. Когда во время абсолютизма, организовали финансовую дирекцию в Ужгороде, она тотчас же захотела построить фарфоровый завод в Дубриничах, чтобы таким способом развить в жупе промышленность и, в первую очередь, рубку леса. В течение 1853 и 54 гг. во всех газетах появились объявления о представляющихся возможностях. Территорию передали бы частным капиталистам при весьма выгодных условиях. Однако, ввиду отсутствия предприимчивости дело не удалось, потому и говорится в официальном донесении: «при тогдашнем безденежье, когда капитал можно было отдавать на прирост без риска промышленных предприятий, не было надежды...»,¹ чтобы построить завод путем частной инициативы. Необходимо обождать более благоприятного положения или построить завод на казенный счет. В случае осуществления последнего предположения, государство не должно бы, время от времени, поддерживать население этой области, а завод был бы сверх того и рентабельным предприятием. Когда же завод уже построен, то и тогда можно всегда продать его частным лицам.

Однако Вена — по общеизвестным причинам — не была заинтересована в развитии венгерской промышленности, а в частности и не в том, чтобы создать конкуренцию венскому заводу; поэтому она просто не ответила на предложения финансового управления, а посоветовала, поискать частных лиц для этой цели. Результат неизвестен, мы, в настоящее время, не знаем, был ли когда-либо построен фарфоровый завод в селе Дубриничи. Однако, в эпоху абсолютизма этот завод не был построен.

Развитие промышленности, и, до известной степени, также и сбыт излишней сельскохозяйственной продукции значительно затруднялись кош-

¹ Гос. Арх. Milit. und Civilgouv. 8752/1922/1856.

марным состоянием путей сообщения. Даже такие существенные стратегические пути, как переход через Карпаты в Галицию, были в запущенном состоянии. Продукцию транспортировали средневековыми способами, на телегах, а через горы — на спине вьючных животных.

Исходя из сказанного понятно, что первые проекты по железнодорожному строительству возникли уже в 1851 г. Любимой мечтой жителей края стал без «классового различия» вопрос о построении Дебрецен—Львовской железнодорожной линии, и поэтому «создали общество дворян и помещиков бережской и соседних жуп, в которое вступили также и уважаемые священники, в качестве представителей народных чувств, чтобы вместе со мной (начальником жупы Табоди — Й. П.) организовать депутацию» и поехать в Вену. Согласно референту дела, личности просителей (в акте слово «предмет прошения» зачеркнут) не соответствующие и таким образом дело на этот раз не увенчалось успехом.

Итак, северно-восточная железнодорожная линия, вместе с ветвями, была построена лишь в 1872 г., тогда как линия Мункачево—Стрый — только в 80-ых годах.¹

¹ *Lehoczy Tivadar, Beregvármegye monographiája* (Монография Бережской жупы). Ужгород 1881, т. II, стр. 292 и след., а для первых проектов см. Гос. Арх. Milit. und Civilgouv. 9407/2496/1862.

Национальные программы и направления во время абсолютизма (1849—1867)

Теперь, после краткого изложения общественно-экономических условий посмотрим, что случилось в области политики, в отношении национальных требований.

Адольф Добрянский, после того, что он окончил свою миссию в Галиции (весной 1849 года он поехал в Львов, чтобы подготовить соединение Галиции с Закарпатьем), добившись слабых обещаний, был назначен правительственным комиссаром к русским войскам, и вернулся в Венгрию вместе с ними. Разгром борьбы за свободу разумеется оказал запугивающее действие на тех членов закарпатско-украинской интеллигенции, которые выступали за венгерское дело, за венгерскую борьбу за свободу. Это было понятно, так как австрийские власти немедленно начали реторсии, и всех сажали в тюрьму, которые каким либо образом участвовали в борьбе за свободу. Они не щадили и священников. Имеется ряд архивных данных относительно того, что закарпатских священников приговорили к более или менее длительному тюремному заключению. Даже против двух епископов начали расследование. Епископу г. Прешова Гаганецу пришлось доказывать, что он невиновен и верен династии Габсбургов, и после короткой оттяжки его реабилитировали, в то время как епископ г. Мункачево Попович не мог освободиться от наказания. Его сняли с функции епископа, и лишь осенью 1850 г. вновь восстановили на должность. Между тем каноник Чургович вел дела в качестве викария, против которого не выдвинули обвинения, хотя он — согласно имеющимся в нашем распоряжении венгерским архивным данным — во время революции в полной мере кооперировал с епископом Поповичом. По всей вероятности это объясняется тем, что Чургович во-время, когда-то в начале 1849 г. установил связи с Добрянским. На это указывает тесное сотрудничество, образовавшееся между ними в последствии.

Следовательно, революционно настроенная закарпатско-украинская интеллигенция, дружески относящаяся к венграм, замолчала, и, естественно, руководство перешло в руки сторонников Добрянского. Адольф Добрянский осенью 1849 г. заново организовал делегацию в городе Прешове,

и 10-го ноября она прибыла в Вену, чтобы добиться исполнения прежних обещаний двора, и завоевать для закарпатских украинцев те национальные права, которые, в свое время, венгерское правительство отказалось предоставить им. Члены делегации встретились в Вене с делегацией галицийских украинцев, как раз пребывавших там, и обсудили проблему соединения Закарпатья с Галицией. Делегаты были приверженцами австро-славянской идеи и стояли на основе мартовской конституции. Ввиду того, что эта конституция не изменила положения отдельных провинций короны и члены делегации знали, что австрийское правительство не одобрило бы проект соединения, то они сразу и отклонили его, и таким образом мысль о соединении была отложена на долгие десятилетия.

Делегации разошлись и каждая из них принялась отдельно ждать в передней. Положение, конечно, значительно изменилось с начала 1849 г., и победивший двор уже передумал исполнение данных обещаний. Закарпатским украинцам это было также известно, и поэтому они выступили с относительно умеренными требованиями. Важнейшие пункты их требований были следующие :

1. Провозглашение мартовской конституции в Закарпатье.
2. Независимо от органов власти жупы, создание административных уездов, насчитывающих по меньшей мере 15 000 украинцев, и признание равноправия закарпатско-украинской национальности в Венгрии.
3. Внедрение русского языка в школе. Установление русских гимназий в отдельных украинских уездах и учреждение академии в Ужгороде, разрешение закарпатско-украинской молодежи учиться в Львовском университете.
4. Назначение закарпатских украинцев во главе украинских уездов. Обеспечение равноправия и одинакового жалования украинских чиновников, священников и учителей с жалованием чиновников и т. д. других национальностей страны.
5. Издание газеты на русском языке в Вене. Разрешение печати кириллицы без ограничения.
6. Построение русинских полков в рамках императорских войск с русинскими офицерами и чиновниками.

Как бы мы ни исследовали эти требования, нельзя отрицать их скромность. За исключением последнего пункта, они все соответствуют мартовской конституции, и их исполнение представляется возможным. О социальных требованиях, о территориальной автономии, собственно говоря, нет и речи, хотя украинские уезды в конечном результате привели бы к последней, так как явно, что пришлось бы соединить их в крупную единицу. Депутация важнейшей задачей считала назначение закарпатских украинцев на официальные должности. Это в конечном результате буржуазное требование, так как оно стремится обеспечить для закарпатско-украинской интелли-

генции соответствующую обеспеченность и чин в государственном аппарате. Но может быть еще более существенным было бы для них, что таким образом назначенные закарпатско-украинские чиновники взяли бы наконец руководство народа в свои руки, причем, поставив этот факт на службу позднейших требований, могли бы выступать с большим весом, как против венгров, так и против австрийцев.

Скромные требования закарпатско-украинской делегации отражают полную сознательность ее членов, что в этом случае никто на свете не стоит за ними. Что же касается народа, делегация даже и не пыталась привлечь его на свою сторону путем какой нибудь серьезной программы, так как одна часть ее членов принадлежала к буржуазной светской интеллигенции, а другая — к феодальному духовному слою. Представление требований народа противоречило бы их классовым интересам, — они стремились добиться власти над народом,

Делегация посетила в Вене Герингера, Баха, а затем Шмерлинга, Елачича и т. д. Всем они излагали свои требования, и всюду получали в ответ, что их просьбы, поскольку они допускаются конституцией, будут исполнены.¹

Путешествие закарпатско-украинской делегации кончилось точно так, как делегаций других национальностей Венгрии; они почти ничего не получали, когда требовали исполнения обещаний, данных в течение 1848—1849 гг.

В конечном итоге и закарпатские украинцы достигли мало, так как важнейшая часть их требований, русские административные уезды и русские полки никогда не были организованы. Только в вопросе украинских чиновников и употребления русского языка были сделаны некоторые уступки, как подробно увидим в дальнейшем.

Военные действия еще продолжались в Венгрии, когда уже приступили к организации новых, централизованных австрийских учреждений. Осенью 1849 года уже действовала смешанная военно-гражданская администрация. Во главе округа Кошице — сюда относилось Закарпатье — стоял генерал Бордоло, тогда как гражданское руководство оказалось в г. Кошице в руках графа Шандора Сирмаи, а в Ужгороде — Игнаца Виллеца. Первым референтом и заместителем Виллеца был Адольф Добрянский, который пользовался, таким образом, большим влиянием в данном уезде, охватывающем несколько жуп. Виллец в общем выслушивал его мнение и распоряжался соответственно его советам. Первостепенная забота нового руководства была, разумеется, назначение закарпатских украинцев на должности. Однако дело было не легко, так как вскоре выяснилось, что нет достаточного количества образованных закарпатских украинцев. Добрянский и

¹ Мельникова, Закарпатская Украина в революции 1848. «Ученые записки Ин-та славяноведения» т. I., М.-Л. 1949, стр. и. 286 след.

Гаганец, также как и капитул г. Мункачево предприняли все, чтобы разыскать живущих разбросано по всей стране закарпатско-украинских интеллигентов и большинство из них тотчас же получило назначение.

Относительно числа закарпатско-украинских чиновников мы имеем в распоряжении ценные данные, так как, когда осенью 1850 г. в связи с режимом Герингера администрация была реорганизована, вытребовали относящиеся к этому вопросу данные. Дело в том, что ужгородская консистория уже тогда выразила свое недовольство, что количество закарпатско-украинских чиновников, назначенных на должность, недостаточное.

Таким образом мы узнаем, что в Ужгородском округе 36 закарпатско-украинских чиновников занимали должность по администрации и юстиции, и к этому присоединялись еще несколько лиц, занимающих посты политического характера (солгабиров и т. д.). Согласно официальным отчетам, за один последний год закарпатским украинцам всюду давали предпочтение и повышали их по службе. Назначение большего количества закарпатско-украинских чиновников было уже невозможно без нарушения соотношения национальностей данного округа. Донесение, автор которого оскорблен обвинениями консистории, бьет обратно, говоря, что закарпатские украинцы не могут показать никаких преимуществ по сравнению с другими национальностями, ни даже в области лояльности (*Wohlgesinnung*), хотя консистория хвастается этим без всякого основания.¹

Из другого донесения выявляется, что в соединенном округе Берег-Угоча 10 из 49 политических, а 7 из 58 должностей по администрации и правосудию заняты закарпатскими украинцами. Половину населения уезда составляют украинцы, а другую — иные национальности. Следовательно соотношение закарпатско-украинских чиновников не соответствует числу украинского населения. Изменить соотношение нельзя, ввиду отсутствия квалифицированных закарпатских украинцев. Вслед за этим, в качестве приложения, представляется список всех «*saracitas*» (образованных людей) уезда, из которого выявляется, что на 208 интеллигентов отпадает только 13 украинцев, которые, за исключением одного единственного лица, все получили назначение. Даже 5 из 17 украинских чиновников попали сюда из Шариша. Список между прочим весьма интересен, так как мы узнаем из него, что 25 из 208 образованных людей были помещиками, 90 — чиновниками жупы, несколько врачей, адвокатов, агрономов, поместных чиновников, 1 учитель и т. д. Донесение впрочем перечисляет 17 закарпатско-украинских чиновников, с приведением их фамилий и должностей, причем среди них самые высшие должности занимают административные главные солгабировы и солгабировы.²

¹ Гос. Арх. Венгрии. Geringer 24940/1850.

² Там же.

Из дальнейших донесений выявляется, что в Шаришской жупе имеется 5 закарпатско-украинских политических чиновников (административные чиновники не приведены). В Ужанской жупе же 16 из 61 чиновников были закарпатско-украинцами, среди них несколько главных солгабиров. Из Марамарошской жупы докладывают, что в управлениях сидят большей частью румыны. Жупа имеет всего два закарпатско-украинских чиновника, за неимением украинской интеллигенции не представляется возможности назначить большее количество чиновников. По донесениям остальных жуп с украинским населением положение и последствия там идентичны.

Резюмируя сказанное, надо установить, что хотя утверждения отдельных жуп и не полностью отвечают правде, поскольку пожалуй еще и возможно было бы найти несколько закарпатско-украинских чиновников, то все же самым большим препятствием расширения влияния украинцев в эпоху абсолютизма — был недостаток интеллигенции, образованных светских людей.

Когда уже повсюду говорили о конце провизории,¹ о внедрении окончательной административной организации, закарпатско-украинское высшее духовенство снова выступило.

Епископ г. Прешова, Гаганец, 24-го апреля 1851 г. обращается к Герингеру с просьбой, чтобы закарпатско-украинские чиновники оставались на своих постах, и в украинских уездах его епархии назначали только украинских чиновников. Он делает упреки, что не существует ни одного единственного украинского начальника жупы, что и составляет главную обиду партии Добрянского. В епархии большая радость постигает духовенство по случаю устраивания с *ngua*² и жалко было бы испортить это настроение увольнением с должности украинских чиновников, то есть сыновей священников. Закарпатско-украинская молодежь ожидает исполнения своих надежд от Австрии, и не желательно теперь разрушить эти надежды. Партия, находившаяся во власти до марта (то есть венгерская партия), стремится отвоевать свои прежние позиции, и так как закарпатские украинцы не имеют аристократии, т. е. протекции, они могут относиться с доверием лишь к правительству. Герингер уверяет епископа, что его просьбы исполнят по мере возможности.³

Однако, заволновалась и другая епархия. Епископ г. Мункачево Попович, которого за это время уже восстановили в функции епископа, представляет просьбу своих священников. В обращении они жалуются на то, что закарпатские украинцы не представлены в учреждениях по мере их соотношения, и просят, чтобы до сих пор служащих украинских чинов-

¹ После поражения революции старая венгерская администрация была заменена переходной, временной военно-гражданской смешанной администрацией.

² Государственное дополнение жалования католического духовенства.

³ Гос. Арх. Венгрии. Geringer, eln. 944/1851.

ников укрепили на месте службы и назначали из их круга и исправников. Во избежании обычного ответа, что для должностей нет украинцев с соответствующим образованием, они одновременно приводят фамилии четырех лиц, которых следовало бы назначить. Двое из них были преподавателями в венгерских школах, один — демобилизованный военный, а четвертый — это Михаил Долинай, мадьяризованный марамарошский помещик, бывший лейбгвардист, «участвовавший затем в эпоху несчастной памяти революции в качестве майора, но уже окропленный иссопом полного очищения». Поскольку донесения, повторяющие отсутствие украинской интеллигенции были верными, доказываются этими четырьмя фамилиями. Мадьяризованные преподаватели, и даже «скомпромитированный» борец за свободу считаются закарпатскими украинцами, чтобы увеличить число украинских чиновников.¹

В конечном результате следует установить, что одна часть национальных требований закарпатских украинцев, касающаяся должностей, была удовлетворена в эпоху абсолютизма, поскольку почти всех образованных украинцев удалось пристроить на службу, а тому, что их желания все же не были полностью удовлетворены в большой степени содействовал — наряду с недоразвитостью украинского общества — факт, что венгерские господа партии Габсбургов, занимавшие руководящие посты, препятствовали этому.

Посмотрим теперь другую часть национальных требований закарпатских украинцев: официальный русский язык.

Согласно временному уставу в отдельных округах язык большинства населения представляет собой официальный язык, который должен употребляться даже при составлении протоколов. Однако, кроме этого следует принимать заявления, написанные и на других языках, и улаживать их соответственно употребляемому языку.

Но на практике дело не было так просто. Шандор Сирмаи, главный комиссар округа Кошице, сразу указывает на затруднения, возникающие в связи с этими распоряжениями. Он подчеркивает, что в Шарише нельзя найти и 50 человек, которые умели бы писать по словацки, а в закарпатско-украинских уездах следовало бы назначать на должности исключительно священников, ибо только они грамотны. Все это, разумеется, только оговорки, и его возражения направлены на защиту положения венгерского господствующего класса. В связи с этим, он указывает, что во времена революции шарийский народ сохранил свое спокойствие под действием «интеллигенции», и внедрение славянских языков лишило бы именно этот слой должностей, а его место заняли бы необразованные люди.²

¹ Гос. Арх. Венгрии. Geringer 22247/1851.

² Гос. Арх. Венгрии. Geringer 2161/1849.

Данное в сентябре 1849 года мнение Сирмаи уже показывает, что вопрос о языке не может решиться для закарпатских украинцев так просто, как проблема чиновников.

Правда, что Виллец и Добрянский в Ужгороде немедленно приступили к употреблению русского языка, принимая заявления на этом языке, однако их решение приводилось по немецки, хотя на актах тот же текст написан и по русски. Исследуя архив ужгородского комиссариата наблюдается следующая картина: большинство заявлений написано по немецки, позже по венгерски, а официальная переписка ведется исключительно по немецки. Русские акты прибывают сравнительно редко, и на них отвечают на том же языке. В таких случаях акты составляются на двух языках, на русском и немецком, причем автентичным был всегда немецкий текст. Признать же русский язык исключительным — не удалось.

Несмотря на это, наблюдаются конкретные и успешные распоряжения в интересах русского языка. Так, напр., его внедряли в ужгородские школы и в гимназию. Уличные надписи в городах вывешивались на русском, венгерском и немецком языках и т. д.

Большие заботы вызвала публикация законов и постановлений на русском языке, так как не было в типографиях кириллицы. Поэтому Виллец уже в декабре 1849 г., а затем в 1850 году неоднократно требует создания такой типографии в Ужгороде, считая неправильным, что 320 000 «рутен» его уезда знакомятся с постановлениями на другом языке. Однако, центральные власти, ссылаясь на бюджетные причины, указали Виллецу, склонить собственника местной типографии к покупке кириллицы. Но, как мы увидим в дальнейшем, несмотря на вмешательство духовенства, из этого ничего не вышло. В конце концов официальный орган печатался в университетской типографии в Пеште. Таким образом дело перевода законов на русский язык попало в руки Ивана Раковского, переведшего законы на великорусский язык, что затем вызвало новые осложнения.

Изданные властями распоряжения, в большинстве случаев, опубликовались на немецком, и часто на венгерском языках. Тогда как не имеются данных о протесте против немецкого языка, кампания против венгерского языка начинается немедленно. Священники, чиновники, епископ Гаганец, ужгородский капитул и т. д., все подряд протестуют против конкретных случаев, когда венгерские чиновники издают распоряжения закарпатско-украинским селам на венгерском языке и т. д. Протесты тут и там венчались успехом, так как венгерским чиновникам делают выговор, но на практике все же сохраняется венгерский язык, потому что официально одобренного «русинского» языка, собственно говоря, и не было, а внедрение великорусского языка, затрагивавшего важные государственные интересы, полностью не удается.

Характерно для точки зрения властей в этом вопросе, что Добрянскому, подтвердившему принятие официального документа на русском языке, по предложению уездного начальства г. Кошице, делают выговор, так как ему следовало бы составить расписку в получении на немецком языке.¹

Противниками русского языка были, однако, не только венгры. Духовнич в одной статье² жалуется на закарпатских украинцев, одетых в доломан, которые считают себя аристократами, не хотят *учиться русскому языку* и даже неграмотны. Они приносят больше вреда, чем венгры. И против Добрянского протестуют священники, закарпатские украинцы.

Спротивление против русского языка было так велико, что даже после повторных попыток не удалось осуществить его равноправия на практике. Постановления со стороны центра хотя и издавались на великорусском языке, но этим вопрос еще не был решен. Часто даже священникам они были непонятны, так что нужно было, в большинстве случаев, пользоваться венгерским текстом.

До какой степени закарпатско-украинские руководители осознавали положение, характерно выявляется из заявления капитула г. Мункачево, в котором обращаются с прошением к уездному начальнику Виллецу, между прочим, с просьбой внедрения в уезде официального русского языка, — но не относительно администрации председателей жуп —, не желая в настоящий момент (29-го декабря 1849 г.) причинить правительству трудностей. Они надеются, что вскоре все начальники жуп будут владеть русским языком, и тогда в их учреждениях также представится возможность для внедрения русского языка.³

Нужно сказать, что в интересах внедрения русского языка в качестве официального, не велось упорной, последовательной борьбы. Предпринимались попытки его внедрения, но крестьяне, которые были заинтересованы в первую очередь, не могли вмешиваться в дело, а разномастный руководящий слой не был единодушным. Выдвинутая на первый план австрийская партия не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы бороться за языковые права, и главным образом не имела ясного представления о точке зрения австрийских властей. Будучи креатурами новой системы, они не осмеливались выступать против нее, довольствовались должностями, и в наилучшем случае пользовались своими учреждениями в интересах распространения русского языка.

Некоторые священники развернули значительную активность в интересах русского языка и для этой цели привлекли и крестьян. Так напр., 6 присяжных и судей села Тополя просят русские экземпляры свода законов,

¹ Гос. Арх. Венгрии. Geringer 1059/1851.

² Зоря Галицька. 1849. № 31.

³ Гос. Арх. Венгрии. К. К. Distriktskomm. Ungvár 29/1850.

снятие венгерских уличных надписей и их замещение русскими надписями. Несомненно, что официальное употребление русского языка было в интересах крестьян, и они и желали этого, но упомянутое заявление все же следует рассматривать результатом деятельности местного священника. Сельские присяжные и судьи отметили заявление крестом вместо подписи, что доказывает их неграмотность. На что, в этом случае, пригодился бы им русский свод законов? Предположим, что священник прочитал бы его им, и таким образом они, хотя бы косвенным путем, использовали его, то все еще не выяснен смысл просьбы уличных надписей на русском языке. Это безусловно указывает на деятельность священника, который в этом случае стремится привлечь крестьян на борьбу за проблемы, характеризующие буржуазную национальную борьбу.¹

Духовенство в общем повсюду выступало в защиту национальных языковых прав. Земплинские священники из окрестности Стропко, например, обратились к наместнику с прошением, написанным на русском языке, в котором они, ссылаясь на закон равноправия национальностей, просят посылать им официальную газету на русском языке, и назначать в уезды с чисто украинским населением русинских руководящих чиновников, а наконец излагают просьбу, чтобы уездные власти вели с ними переписку на их родном языке.²

Имеется еще ряд различных данных относительно национального движения, доказывающих, что это движение характеризуется неорганизованностью. Добрянский и его партия стремятся повлиять на духовенство через два епископа и привести их к действию, однако, это удастся лишь на отдельных местах, ибо, как мы уже говорили, среди духовенства было много оттесненных на задний план элементов, дружески относящихся к венграм, которые не только не участвовали в таких движениях, но и непосредственно препятствовали им.

Совсем иного направления было движение, имевшее место в конце 1849 г. в нескольких пограничных селах Марамарошской жупы. Согласно официальному донесению, население этих сел под действием галицийских «агитаторов», отказалось повиноваться венгерским властям по причине, что их присоединят к Галиции. Это, следовательно, можно отнести к венгерскому излучению — составленных в Львове в начале 1849 г. — планов в деле соединения двух Украин. Власти подавили это движение на долгое время. Оно тогда уже опоздало, ибо украинские руководители и сами отказались от соединения.³

Кроме этого мы имеем в этот период сведения лишь об одном серьезном движении, начатом верхне-земплинскими украинскими священниками,

¹ Гос. Арх. Венгрии. Geringer сводка документов 8097/356/1853.

² Там же.

³ Гос. Арх. Венгрии. Geringer 6721/1949.

в интересах присоединения данной области к ужгородскому административному округу. Они обосновывают это языковыми фактами и единством церковной организации. Но, после длительной оттяжки, ничего из этого дела не выходит; власти рассматривают данное желание результатом деятельности одной фракции, и языковое объяснение также не считают обоснованным, так как на данной территории живет смешанное словацко-украинское население, и в случае присоединения к ужгородскому уезду словаки были бы преданы произволу.¹ Добрянский, по всей вероятности, также был замешан в деле соединения, стараясь таким образом создать прецедент для осуществления закарпатско-украинских уездов, представляющих один пункт требований венского меморандума.

Проблема школ также до известной степени связана с вопросом языка. Нам тем более следует обратить внимание на это дело, так как в названной области во время абсолютизма сильнее всего выявлялись украинско-венгерские национальные противоречия. Эту проблему обсуждали на глазах общественности. Однако дискуссия велась, собственно говоря, по поводу одной школы, а именно — ужгородской гимназии. Начальное обучение, поскольку о таком вообще могла быть речь, находилось в руках церкви, и оно всегда проводилось на русском языке. Значительное изменение в этой области не случилось и во время абсолютизма, и только уже существующее положение было узаконено декретами.

Однако в ужгородской гимназии дело обстояло по другому. Там применяли раньше венгерский язык для обучения и это была единственная средняя школа нескольких жуп. В течение 1849—1850 гг. в гимназии просто внедрили русский язык в качестве языка обучения, — большую роль сыграл при этом только что назначенный школьным инспектором Виктор Добрянский, брат Адольфа Добрянского. Вследствие того, что только половина учеников были украинцами, дело вызвало большое возмущение сперва в венгерской общественности данных жуп, а затем, после того как дело было опубликовано газетами, во всей стране.

Дело направили на официальный путь, причем в дискуссии, прежде всего, участвовали епископы. Сатмарский епископ, Хам протестовал против русского языка преподавания, ссылаясь на исторические права, поскольку школа была основана еще в XVI веке фамилией Другет и в ней, наряду с латинским языком, господствующим языком преподавания всегда был венгерский язык, за исключением закона божьего, преподававшегося для украинских униатов на их родном языке. В противоположность этому, Гаганец утверждает, что школа непременно нужна и всегда была нужна закарпатским украинцам, в интересах образования украинской интеллигенции. Украинцы также имеют право на высшее образование. Они надеются, что

¹ Гос. Арх. Венгрии. Geringer 4126 и 9463/1850.

обучившиеся в этой школе интеллигенты будут содействовать в повышении культурного уровня украинского народа, и в популяризации школ. Венгры имеют столько школ, что правительство уже думает о закрытии нескольких, тогда как украинцы не имеют ни одной школы. Эта школа является предпосылкой образования квалифицированных закарпатско-украинских чиновников, и литература сможет развиваться также только на этой основе.¹

В деле не вынесли решения, пока что ничего не переменилось, т. е. язык преподавания остался русский. Однако, проявлялись все большие трудности, вследствие отсутствия учебников, причем и сами преподаватели не в достаточной мере владели русским языком для преподавания своих предметов, а местный диалект, по причине своей недоразвитости не годился для преподавания. Следовательно некоторые учителя снова перешли на венгерский язык. Этому содействовали также и нападения венгерских газет, постоянно повторявших, что в окрестности Ужгорода живет множество венгров, которые также имеют право обучаться на своем родном языке и т. д.

Когда же в конце пятидесятих годов в официальных австрийских кругах все более распространялась идея о примирении с венграми, тогда русский язык преподавания более не получал и минимальной поддержки со стороны государственной власти. Таким образом и удалось оттеснить его на задний план.

Относительно католических гимназий, церковь приняла позицию за преподавание на венгерском языке, и, следовательно, капитул г. Минкачево также был принужден разделять это воззрение. В конечном результате, совет наместничества объявил 21-го октября 1861 г. ужгородскую гимназию школой со смешанным языком преподавания, причем русскому языку пришлось довольствоваться скромной ролью вспомогательного языка.²

Местные закарпатско-украинские писатели считают, как правило, эпоху абсолютизма и непосредственно следовавшие за ней два десятилетия — периодом рождения закарпатско-украинской светской интеллигенции. В этом они, собственно говоря, и правы, так как до 1848 г. нельзя говорить, ни в отношении численности, ни общественного веса, о значительном слое образованных людей. Вполне естественно, что новый слой интеллигентов является представителем закарпатско-украинского буржуазного класса. Но с какими трудностями образовался и этот слой, мы покажем приведением нескольких численных данных.

Число закарпатско-украинских гимназистов в учебном году 1859—60 было 230, то есть 20% всей молодежи, учащейся в 9 католических гимназиях данной области.³

¹ Гос. Арх. Венгрии. Geringer 14.489/1852.

² D. Rapant, Videňské memorandum slovenské z roku 1861. Turč.-Sv. Martin 1943, См. документы, стр. 108—112.

³ Там же, стр. 110.

В 1863 г. 50 закарпатско-украинских студентов учатся в пештском университете, а может быть еще больше в юридических высших учебных заведениях г. Кошице и г. Надьварад.¹ По сравнению с числом закарпатско-украинского населения, превышающего полмиллиона, это ничтожно мелкие цифры.

И с другой точки зрения была эпоха абсолютизма существенна для национального развития закарпатских украинцев. Мы здесь имеем в виду создание периодической печати. Национальности Венгрии издавали, в общем, уже в первой половине XIX века какие-нибудь газеты или журналы, однако, у закарпатских украинцев эта проблема выдвинулась впервые — на основании имеющихся до сих пор данных — только в 1848 г. и ее осуществление случилось уже в эпоху абсолютизма. А эта проблема полностью актуализировала вопрос о языке. Дело в том, что при создании какого либо периодического издания отнюдь не безразлично, на каком языке оно публикуется. Таким образом вопрос закарпатско-украинской печати принял форму, разделяющей черты, выясняющей различные в вопросе языка позиции, и вместе с тем, принудил закарпатско-украинских литераторов интенсивно заняться своими собственными языковыми проблемами.

Вопрос об издании закарпатско-украинской газеты был — по инициативе Духновича, каноника г. Прешова — выдвинут еще осенью 1848 г., но мукачевская консистория отложила дело, дожидаясь окончания революции. По истечении года, непосредственно после поражения борьбы за свободу, епископ Гаганец хлопотал об этом деле, в результате чего консистория и решила купить типографию, оборудовать ее кириллицей, и издавать народную газету на русском языке. Значительную роль в принятии этого решения играло обстоятельство, что примас Сцитовский (Scitovszky) предложил распространение венгерской «Католической народной газеты» и в Мукачевской епархии.

Однако, на этот раз ничего из этого не вышло. Первую газету издало правительство, которое перевезло одну львовскую газету вместе с редакцией в Вену. Заголовок этой газеты: «Вестник для Русинов Австрийской Державы». В редакции Венгрия не была представлена, но газета имела целый ряд корреспондентов, которые сообщали о важнейших событиях Закарпатья.

Но сразу выдвигается и тут вопрос языка. Духнович вначале увлекается «карпатским или бескидско-русинским» языком, т. е. по сегодняшней терминологии, он приверженец украинского направления. Однако, впоследствии рекомендует приближение к церковному языку, чтобы устранить, таким образом, мешающее действие многочисленных местных диалектов. И другие личности принимают позицию за народный язык, однако, их голоса

¹ К. Студиньский, А. Духнович и Галичина. «Наук. зборн. Просвѣта», 1924. стр. 87

постепенно углушаются голосом приверженцев великорусского литературного языка.

Австрийское правительство видит в этом направлении опасность и сперва лишает газету поддержки, а затем устраняет редакторов с должности; новый редактор помещает в газете статьи на любом диалекте. В Венгрии тогда уже господствует великорусское направление, вследствие чего корреспонденты газеты прекращают связь с «Вестником». Итак еще раз упускается случай, использование которого способствовало бы приближению двух частей украинского народа.

Следующая фаза развития закарпатско-украинской печати начинается по венгерской инициативе. Дело в том, что общество «Святого Стефана» в конце 1855 г. решает издавать наряду с немецкими и словацкими церковными газетами, также и закарпатско-украинскую газету. Редакцию поручают Ивану Раковскому, официальному переводчику правительства, приверженцу великорусского направления. Таким образом «Церковная газета» появляется в 1856 г. на великорусском языке. Однако наступает беда с абонентами, число которых все уменьшается, по причине непонимания языка газеты. Вмешиваются и власти, запрещают употребление великорусского языка, а на это Иван Раковский весной 1858 г. прекращает издание газеты. Однако, несколько дней спустя газета вновь появляется под названием «Церковный Вестник». Язык газеты по существу не изменяется, только гражданский шрифт заменен церковными буквами. Однако, вследствие вмешательства властей, после появления 10-го номера и эта газета прекращается в конце 1858 года. Таким образом закарпатские украинцы остаются, в течение полного десятилетия без газеты. Следующая попытка начинается только в 1864 г. со стороны общества «Святого Василия», в результате чего в 1867 году появляется газета «Свет», на великорусском языке, ибо общество «Святого Василия» было в руках приверженцев Добрянского, т. е. великорусского направления.¹

Буржуазные историки, как правило, довольствовались объяснением безуспешности и прекращения первых закарпатско-украинских газет и журналов вмешательством венгерских властей и тем, что они печатались на великорусском языке. Несомненно, что эти два фактора играли определенную роль в неудаче периодической печати, но главная причина кроется в ином. Исследуя причину безуспешности, надо иметь в виду также и круг читателей, с которыми можно было считаться, и содержание закарпатско-украинских газет. При этом выявляется, что широкого круга читателей, собственно говоря и нет, так как большинство закарпатско-украинского общества неграмотно. В селах не найти больше 4—5 грамотных людей, при-

¹ Данные взяты из работы *Bőr György, A magyarországi ruszin időszaki sajtó a XIX. században* (Закарпатско-украинская периодическая печать в Венгрии в XIX веке). Клуж 1943.

чем 2—3 из них священники или «певцечители». А значительная часть последних читает венгерские или немецкие газеты. Преобладающее их большинство говорит уже по венгерски, т. е. идет по пути мадьяризации. При таких обстоятельствах весьма трудно издавать русскую газету, если нет под рукой какой-нибудь субвенции. Состав слоя, с которым можно считаться в качестве читателей, причем сюда относятся также редакторы газет и журналов — объясняет и содержание газет, или же их бессодержательность. Наряду с огромной массой статей религиозного и морального содержания, носящего характер проповеди, почти исчезают изредка появляющиеся политические или экономические сообщения, и местные корреспонденты сообщают также скорее курьезы из сельской жизни. Редакторы не имеют никакой серьезной общественной, политической или экономической программы. В этих газетах нельзя выявить даже и следов прогресса. Назвать положительным можно только настаивание на вопросе языка и стремления в интересах развития литературы. Но при данных условиях лишь условно следует понимать вышесказанное. В это время уже существует украинский литературный язык, и в Галиции приступили к его употреблению. Однако, факт, что украинский литературный язык обычно фаворизировался более или менее прогрессивными элементами, был достаточным, чтобы вызвать сопротивление закарпатско-украинских священников-литераторов, бывших, почти без исключения, реакционными славянофилами. А их идеями, никак нельзя было вербовать массу читателей, ни даже 300—500 абонентов, несмотря на то, что их газеты распространялись и в Галиции¹.

Тут следует еще упомянуть литературную деятельность каноника Александра Духновича, который основал в г. Прешове литературное общество и вспомогательный студенческий кружок. Он сам написал несколько книг, которые долгое время применялись в школах в качестве учебников. Его литературная деятельность охватывала рассказы, стихотворения, пьесы и т. д. Между прочим он был автором песни «Я русин был, есмь и буду», бывшей в течение десятилетий гимном закарпатских украинцев. Выяснение его точки зрения в вопросе языка довольно трудно, так как сборник его произведений не был опубликован, а позднейшая литература хотела поставить его как приверженца то украинского, то великорусского направления, в зависимости от позиции авторов. Мы имеем сведения о том, что одно из его сочинений, посланное в г. Пешт для печатания, было переработано Раковским на великорусский язык, и так опубликовано и т. д. Однако, несомненным кажется, что Духнович в конечном результате переменял свою точку зрения, и к концу своей жизни, по всей вероятности, приблизился к великорусскому направлению. Высказывания Духновича, в которых он

¹ Подробно занимается этим вопросом: *Н. С. Воскресенский*, Начало журналистики в Закарпатье. «Научные записки Ужгородского государственного университета.» т. VI. Ист.-фил. серия. Ужгород 1952.

выступает за построение связей с Галицией показывают, что в одно время он находился на правильном пути. Правда, там в это время тоже господствуют приверженцы великорусского направления, но исходная точка Духновича совершенно иная. Он неоднократно устанавливает, что венгерские и галицийские украинцы говорят на одном и том же языке, и ввиду того, что он в первую очередь стремится создать народную литературу, естественно, что ее язык должен быть понятен народу.

Как бы ни обстояло это дело, несмотря на богатую литературу в связи с деятельностью Духновича, выдвинутый вопрос должен быть решен специальным исследованием, так как существующая до сих пор литература не отнеслась к нему с соответствующим его значению весом и, главным образом, объективностью.

Что же касается связей между закарпатскими и галицийскими украинцами, можно сказать, что они — в период абсолютизма — ограничиваются почти исключительно областью литературы. Большая часть произведений Духновича и Кралицкого опубликованы в Галиции. Закарпатские корреспонденты пишут целый ряд статей в галицийских газетах, так что в эпоху, когда в Венгрии вообще не существует украинской печати, взгляды украинцев Венгрии относительно многих вопросов нам известны из галицийских газет.¹

Парником личных связей между закарпатскими и галицийскими украинцами была венская церковная семинария, где они вместе учились и горячо дружили.

Подраставшее во время абсолютизма поколение было последним, сохранившим свои связи с Галицией, однако, только до тех пор, пока там господствовали приверженцы великорусского направления. А когда в Галиции продвинулось направление «народовцев», венгерские украинцы отступили. Позднее же, после соглашения с австрийским правительством 1867 г., завязывание и поддержание отношений — вследствие угнетающей венгерской политики — значительно затруднились, и только к концу столетия можно обнаружить слабые попытки к оживлению связей. Тогда уже галицийские украинцы, приверженцы украинского литературного языка, берут дело в свои руки, однако, до 1918 г. не могут достичь значительных результатов. Во время существования старой Венгрии связи между закарпатскими и галицийскими украинцами никогда не становятся и никогда не были такими тесными, как в эпоху абсолютизма.

В конце пятидесятых годов в быстром темпе начался процесс, приведший к соглашению 1867 года. В Вене осознали, что без венгерского господствующего класса и еще менее против него, не представляется возмож-

¹ К сожалению эти газеты не имеются в Венгрии и следовательно я мог пользоваться — при соблюдении надлежащей осторожности — лишь выдержками, появившимися в монографиях.

ности управлять монархией. Сильно укрепилось направление, стремившееся построить империю на немецко-венгерском господстве, на совместном угнетении других национальностей.

С нашей точки зрения решающим поворотом было восстановление венгерского официального языка в 1860 г. Правда, что данное распоряжение содержало некоторые уступки в пользу языков национальностей, но в действительности они никогда не были осуществлены. Таким образом ограниченное употребление русского языка в учреждениях, можно сказать, сразу прекратилось, и то же самое случилось и в школах. Только в сельских церковных школах пользовались еще русским языком, но после 1867 года, при учреждении государственных начальных школ и в этой области начали наступление.

Разумеется, представлялись большие трудности, так как закарпатские украинцы стремились защитить достигнутые ими скромные результаты. Вначале они возложили свои надежды на парламент 1861 года, надеясь представить там свои обиды и требования. Адольф Добрянский развернул особенно большую пропаганду в интересах национальных требований, и сам он выступил на выборах с конкретной национальной программой. Отдельные пункты его программы следующие :

1. Закарпатско-украинское воеводство по сербскому примеру.
2. Особое территориальное закарпатско-украинское собрание.
3. Выбор епископов по обычаю униатов.
4. Особое закарпатско-украинское архиепископство.
5. Объединение закарпатско-украинских округов в самостоятельную административную единицу.
6. Назначение закарпатско-украинских чиновников на высшие должности, соответственно процентуальному соотношению украинского народа.
7. Самостоятельная автономная национальная территория.¹

Эта программа, которая на первый взгляд кажется немного путанной и противоречивой, немедленно становится ясной и понятной, если мы рассматриваем ее в связи с докладом Добрянского, которого он, правда, не смог произнести в парламенте 1861 года, вследствие нижеизложенных обстоятельств, но опубликованным им впоследствии на немецком языке.²

Однако, прежде чем перейти на этот доклад, следует еще вкратце изложить деятельность Добрянского, начиная с того времени когда он переменил свою должность первого референта в г. Ужгороде на пост секретаря наместничества (1850). Добрянский еще до своего отъезда из г. Ужгорода купил имение на территории Силезии, с которым он приобрел звание рыцаря.

¹ По № 19-го апреля 1861 г. газеты «Idők Tanácsa». М. Лелекач, Нови причинки до політичної діяльності. А. Добрянського. «Наук. збор. тов. Просвіта». 1937—38, стр. 163—164

² Rede des ungarischen Landtags-Abgeordneten Adolf Ritter von Dobransky in der Adressangelegenheit. Wien 1861.

Однако, выплатив покупную цену в русских империялах, его заподозрили в неблагонадежности. Против Добрянского начали расследование,¹ но, кажется, что подозрение не подтвердилось, так как после этого его назначили секретарем. Нельзя отрицать, что у Добрянского были связи с Россией, так как будучи комиссаром при царских войсках, он был награжден за свою деятельность в этом качестве русским орденом.²

Впоследствии он обменял свое имение на другое в Венгрии в селе Чеклес (Cseklész), непосредственно простирающееся близ границы.

Мы сравнительно мало знаем о работе Добрянского в совете наместничества, и лишь одно косвенное данное указывает на то, что он развертывал в качестве инженера значительную деятельность в г. Надьварад в связи с урегулированием р. Марош.³ Однако, нет сомнения, что он поддерживал постоянные и тесные отношения с членами ужгородского и прешовского капитула, с самыми активными факторами сельского духовенства, а также и с выдающимися личностями закарпатско-украинской светской интеллигенции.

В 1861 г. в шаришском уезде Зборова его избрали депутатом в парламент. Но в Будапеште, сразу, уже на первом заседании его прозвали «москальским вождем»⁴ и панславистом, и что еще важнее — подали петицию против его мандата, так что он не мог участвовать на дальнейших заседаниях.

Мандатная комиссия на заседании от 30-го апреля выдала решение об упразднении мандата «не вследствие политического прошлого и настоящего ответчика, а исключительно ввиду незаконностей, случившихся при выборах.» Просьбу по упразднении его мандата подал кандидат противной партии, который заявил протест относительно 1. деятельности Добрянского в интересах австрийской реакции, 2. из-за незаконностей при выборах, так как в своем уезде «он подстрекал говорящее на русском языке население не только против венгров, но и против своих собственных священников и начальников», и кроме того, он не доказал свое правомочие избираемости и на два часа прервал выборы, чтобы за это время его партийные лидеры смогли обрабатывать народ. На основании печати и донесения главного солгабирова было установлено, «что избранный депутат подстрекал народ, используя против господ барщину; что его сторонники провозглашали русского царя, как покровителя народа против венгерского тиранства, представляя повышение коблины духовенства как результат деятельности 1848 г. кан-

¹ *Berzeviczy, Az absolutizmus kora Magyarországon* (Эпоха абсолютизма в Венгрии). т. I., Будапешт 1922, стр. 217.

² Гос. Архив Венгрии. К. К. Distriktskomm. Ungvár 240/1849.

³ А. Бескид, Добрянский как вождь и общественный деятель. «Карпатский Свет» 1929, стр. 644.

⁴ Венгерское выражение для обозначения людей, стоящих на царской службе во время подавления венгерской революции русскими войсками в 1849 г.

дидата противной партии Йожефа Яковича и обещали отмену коблины и еще другие уступки в случае избрания Адольфа Добрянского, и вообще настолько возмутили народ против своих священников и так называемого класса, носящего пальто, что последним пришлось удалиться с места выборов, чтобы не разделить судьбу бадружальского униатского священника, затоптанного народом, и которому удалось спастись лишь благодаря вмешательству уездного главного солгабирова».

Поскольку здесь речь идет о вымышленных обвинениях — яснее всего выявляется последствиями. После длительной дискуссии, ввиду различных противоречий, большинство комиссии приняло позицию за дальнейшее расследование, и наконец, после долгой оттяжки, отражающей сильную антипатию венгерских депутатов к «москальскому вождю», проведение расследования поручается Габору Варади, принимающему, однако, поручение лишь с условием, что он проведет следствие только после обсуждения весьма важного ответа на королевский адрес по случаю открытия сессии парламента. Повидимому хотели препятствовать участию Добрянского в дискуссии. Таким образом, Варади подал лишь 6-го июля 1861 г. результат расследования. Очевидно выявилось, что обвинения необоснованы, так как мандатная комиссия, на основании новых данных предложила реабилитацию Добрянского, однако, пленум принял позицию за отмену его выбора.¹

Итак, Добрянский не мог участвовать на заседаниях парламента, но свою подготовленную речь, как уже было сказано выше, он опубликовал в Вене на немецком языке.

Исследуем теперь эту брошюру, ибо она содержит не только личное мнение Добрянского. Он представляет национальные требования, предварительно обсужденные им с церковными и светскими руководителями закарпатских украинцев, и, что является более веским — исторически обоснованные. Брошюра Добрянского служит основой для буржуазной историографии и национальных требований последующих десятилетий. И когда, вследствие постоянно усиливающегося венгерского наступления, требования национальной программы становятся непрестанно скромнее, историческая идеология, обоснованная в брошюре Добрянского, его данные и выводы становятся устоями закарпатско-украинской буржуазно-националистической историографии. Эта историография предприняла все, чтобы поддержать, и подтвердить историческую концепцию Добрянского, которая при применении современных способов исторического исследования, внезапно обрушается.

Работа Добрянского делится, собственно говоря, на две части. Первая часть занимается самой существенной проблемой сессии 1861 г. парламента, — отношением между Венгрией и другими частями монархии Габсбургов.

¹ Данные: Az 1861. évi magyar országgyűlés (Венгерский парламент 1861 г.). Пешт 1861, т. I—III.

Сущностью его аргументации является, что между Австрией и Венгрией уже столетиями существует не персональная, а реальная уния, и он доказывает свое утверждение различными, самопроизвольно выбранными, текстами законов. Революционные законы 1848 года он считает незаконными, потому что их издали противоконституционно, и остальные части монархии вообще не приняли их и т. д. Его позиция является даже более реакционной венских правительственных кругов. Ее сущностью является возвращение к феодальному состоянию до 1848 г., обеспечивающему отдельным национальностям определенную автономию. Он принимает только отмену крепостного права, но и это не на основании закона 1848 года, а лишь потому, что она на самом деле уже осуществлена, причем провели даже возмещение убытков, и эти проблемы урегулированы различными патентами, так что аннулировать ее никак нельзя.

Вторая часть работы Добрянского исключительно посвящена национальному, и в первую очередь — закарпатско-украинскому вопросу. Он излагает в длинном историческом введении политику мадьяризации, начатую в первой половине XIX столетия, и резким тоном бичует непримиримую позицию венгерского руководящего класса в связи с этим вопросом. Он выступает за равноправие народов Венгрии, и желает осуществить его на территориальном основании, т. е. выступает за пределы культурной автономии. Он хочет разделить страну на пять национальных округов. О территориальном отпадении, о соединении с Галицией, уже не говорит, ибо является приверженцем австро-славянского направления и эти вопросы, ввиду ожидаемого сильного и единого сопротивления венгров, не были актуальными при дворе. Впрочем никакой интерес австрийских господствующих классов не связывался с повышением числа украинцев галицийской коронной провинции, подозреваемых в симпатии к России. Правильнее считалось держать галицийских украинцев под угрозой поляков, а закарпатских украинцев — под угрозой венгров.

Добрянский резюмирует требования закарпатских украинцев в нижеследующих пунктах :

1. Всюду, где закарпатские украинцы живут в компактной массе, следует создать чисто украинские жупы. Официальный язык этих жуп должен быть русский, с употреблением кириллицы. Возможные не-украинские острова пользуются — в пределах уезда — своим собственным языком.

2. Автономию созданных таким образом жуп (жуп с ріум) никаким образом нельзя уменьшить централизованными распоряжениями (министерства, милиции и т. д.). Закарпатско-украинские, словацкие, румынские, сербские и венгерские жупы следует объединить в отдельные округа, которые должны бы обладать собственным апелляционным трибуналом и высшими учебными заведениями. Школы должны распределяться так, чтобы в каждом национальном округе были гимназии. Пусть пештский университет

остаются венграм и немцам, а четыре юридических академии следует распределить по остальным четырем уездам (и очевидно развивать их в университеты, хотя Добрянский определенно не указывает на это).

3. Для каждой национальности Венгрии, и так, и для закарпатских украинцев следует, на основании их старых прав, обеспечить возможность организации автономных национальных собраний, которые имели бы право приносить решения в национальных, церковных, школьных и административных вопросах, не принимая во внимание окружающих границ (это представляло бы решение культурной автономии сверх территориальной автономии). Назначенный королем светский сопредседатель собрания получил бы место в верхней палате государственного парламента. Собрание имело бы право распоряжаться с предоставленной ему частью религиозного и учебного фонда. Кроме того, по румынскому примеру, следовало бы установить особое закарпатско-украинское архиепископство, а в г. Хусте реорганизовать старое марамарошское епископство. И так же в каждой жупе надо бы вновь установить главное благочиние.

4. Закарпатские украинцы, точно также как и остальные национальности, должны быть представлены особыми секциями в дворцовой канцелярии, и при совете наместничества. Ввиду того, что в Пеште живет много русских, там надо установить русскую церковь, причем священник данной церкви мог бы выполнять функцию войскового священника.

5. Законным образом следует разрешить, чтобы обедневший, вследствие угнетения, народ мог бы организовать для церковных и духовных целей коллекции в зарубежных странах, и ввозить книги. Нужно предоставить возможность легальной массовой эмиграции, чтобы в случае возобновления угнетения, народ мог пользоваться этим средством.

До перечисления этих требований Добрянский дает подробное историческое введение, по существу направленное на их подкрепления, доказывая что это не новые требования, а что тут речь идет лишь о возобновлении старых прав. Здесь формулируется уже упомянутая нами историческая концепция.

Ход мыслей этой концепции следующий: закарпатские украинцы являются коренными жителями Закарпатья, они жили там уже до завоевания страны венграми. В эпоху королей из дома Арпадов, а затем Анжуйских королей, они жили на собственной территории, под господством своего князя, юрисдикция которого означала, как в гражданско-правовых, так и в уголовных делах — высшую инстанцию. Политическое управление было тоже совершенно автономно под руководством шолтысов. Полную свободу закарпатских украинцев ликвидировали лишь при внедрении урбара Марии Терезии, и впоследствии, когда начались стремления мадьяризации, положение закарпатско-украинского населения стало еще значительно тяжелее.

Исторические воззрения Базиловича и Лучкая здесь впервые получают политический оттенок. Путем самопроизвольной интерпретации раскрытого ими исторического материала, Добрянский выявляет в первую очередь, что закарпатские украинцы были коренным населением Закарпатья, а затем доказывает существование полной автономии закарпатских украинцев в течение столетий. Выхватывая отдельные слова или стереотипные формулы документов (часто фальсификаций), ему удается выявить украинских князей и украинскую автономию. Он например доказывает, что закарпатско-украинская область, собственно говоря, была разделена на жупы только во второй половине XVIII столетия и т. д.

Естественно, что требования Добрянского никогда не были осуществлены, и спустя несколько лет, в новом положении уже никто не помнил их, и даже сам Добрянский никогда больше не упоминал этого дела. Осталась лишь историческая концепция.

Сравнивая эти требования с требованиями других национальностей Венгрии, следует установить, что требования национальных жуп и уездов являются общими, а что касается остальных пунктов, то и их можно найти у них, если и не в этой связи. Однако, имеется одна большая разница между требованиями закарпатских украинцев и других национальностей. А именно, у украинцев мы видим, что гражданские и церковные требования более или менее сливаются; ведь в пределах одного пункта мы например находим автономию национального собрания и образование закарпатско-украинского архиепископства и т. д. Другие национальности Венгрии уже продвинулись дальше. У них церковные власти оттеснились на задний план, и хотя и выражаются еще церковные желания, они строго отделяются от политических и культурных требований. Подчеркиваются всегда последние.

Разумеется, что это явление объясняется отсталостью закарпатско-украинского общества. Программа Добрянского не его личная программа, в ее разработке приняло участие и украинское высшее духовенство. Ясно, что архиепископство и епископство в г. Хуст служат его интересам. Но мы находим здесь и такое требование, которое не оставляет сомнения в том, что и низшее духовенство принимало участие на совещаниях. Организацию главных благочиний, т. е. назначение на эти должности можно объяснить лишь тем, что епископы, не дававшие назначений на теоретически существующие главные благочиния, тут уступали давлению низшего духовенства.

Подытоживая сказанное, нужно установить, что требования Добрянского—самые радикальные претензии, когда-либо составленные закарпатскими украинцами до 1918 г., но в них все же отсутствует самая существенная часть: объединение с галицийскими украинцами. Конечно, об отпадении не могло быть и речи, потому что буржуазная линия, представленная Добрянским и линия священников, отстаивающая феодальные интересы, не

могли желать разрыва с Габсбургами. Добрянский и товарищи были типичными представителями австро-славизма, идеи преобразования монархии — в федеративное, располагающее славянским большинством, государство. Характерно, что объединение венгерских и галицийских украинцев было бы осуществимо и в пределах Габсбургской монархии, но этот вопрос сняли с повестки дня, ибо в каждом отношении пресмыкались перед Веной. Добрянский и товарищи были в полном смысле слова слугами Габсбургского абсолютизма и это значительно снижает их — можно сказать — прогрессивную деятельность, заключавшуюся в защите как закарпатско-украинской национальности, так и русской культуры в борьбе против венгерского угнетения. Их противоречия объясняются тем обстоятельством, что они представители появляющихся в неразвитом обществе буржуазных зачатков, которые, ввиду неимения за собой реальной силы, принуждены кооперировать с феодальным слоем закарпатских украинцев в борьбе против венгров. Однако, и сплотившись, они не представляют серьезную силу, с которой нужно считаться, и поэтому ищут дальнейшего союзника, которого и находят в лице Габсбургов. Союз с закарпатско-украинским *народом* — естественное решение — был в их глазах невозможностью. Буржуазное направление, представленное Добрянским, может быть и попыталось бы построить крестьянские массы в боевой порядок, но первоочередный союзник — духовенство — этого не допустило. Привлечь массы на борьбу национального направления оказалось бы возможным только путем решения земельного вопроса, которого духовенство не осмеливалось затронуть. Кроме того ясно, что пришлось бы поднять вопрос отказа от коблины и роковины, ибо без этого едва представлялась бы возможность привести крестьянские массы на общую с духовенством платформу. Но этого духовенство до того страшилось, что скорее предпочло бы отказаться от всякого участия в национальной борьбе. Но и так, точка зрения духовенства не была единодушной, не все священники поддерживали Добрянского. Что же касается партии соглашения, то она была сильна, но пока что еще бездействовала, собираясь за счет закарпатско-украинского народа достигнуть соглашения с венграми. Духовенство не компрометтировало себя, роль тарана предоставляло Добрянскому, чтобы при изменении условий безоговорочно примкнуть к венгерскому феодальному классу, столетиями защищавшему интересы закарпатско-украинского духовенства. Духовенство обладало прекрасным нюхом. В то время, как согласно Добрянскому кооперация венгров и немцев против славян была теперь уже навеки невозможной, священники придерживались обратного мнения. И они были правы! Мы увидим, что не задумываясь, они станут на путь соглашения и на представляемую им службу общественного и национального угнетения.

Восстановление венгерского языка в виде официального языка, вызвало некоторое опасение со стороны группы Добрянского. Однако, ввиду

того, что упомянутое постановление разрешало употребление национальных языков в определенных областях, тут и там в русинских кругах начались резкие выпады против так называемых «обид».

Так случилось, что осенью 1862 г. по случаю путешествия наместника, угочские священники передали ему прошение, жалуюсь, что власти Угочской жупы в переписи 1862 г. определили население, без его знания — венгерским большинством. Октябрьский диплом обеспечивает национальные права и поэтому духовенство не считает вероятным, что император допустил, чтобы «ми не могли пользоваться правами, исходящими из нашей национальности, главным образом : чтобы мы не могли употреблять в администрации и тем более в судопроизводстве наше дражайшее сокровище, обеспечивающий наше существование, язык». Русинский народ Угочской жупы, более 30 000 человек, может общаться с чиновниками лишь посредством толмача — невыносимое положение.

Прошение составил Андрей Попович, верешмартский священник и кроме него подписались еще 7 священников и один помещик, Михаил Шуба, который подписал и 4 фамилии участвующих сельских старост.

В результате расследования установили, что просители неправы, — каждый чиновник знает язык народа. Это подкрепляется массой писем, как от священников, так и из деревень, снабженных печатью. Мы не можем решить кто был прав. Возможно, что чиновники знали немного по украински и по румынски, но по всей вероятности, не пользовались этими языками. Во всяком случае не письменно. Из материала расследования обнаруживается, что защита была прекрасно организована, куча доказательств говорит о быстрой и точной активности и тем самым дело становится довольно таки подозрительным.

Дело закончилось тем, что мукачевский епископ получил строгое распоряжение : нельзя терпеть, чтобы его священники переступали круг их деятельности. Прошение следует рассматривать национальной агитацией и такого рода дела должны прекратиться согласно государственным интересам.¹

Подобное действие началось в Угоче со стороны Севлюшского (Виноградовского) помощника благочинного и его священников. Они требовали, чтобы официальная газета и постановления посылались на русском языке. Однако, здесь, по донесению наджупана, шла речь лишь о деятельности одной фракции. Население не понимает языка официальной русской газеты и даже севлюшский священник не мог огласить одного постановления, так как не понял его. Он осмелился огласить его, лишь получив венгерский текст. По мнению наджупана следует отклонить прошение, ведь это не дело народа.²

¹ Гос. Арх. Венгрии. Geringer, eln. 18454/1862.

² Гос. Арх. Венгрии. Geringer, eln. 22864/1862.

Хорошо исследуя этот случай выявляется, что и много крестьян подписали прошение, или отметили крестом. Нужно предположить, что тут нет и речи о фальсификации священников. Что касается непонятности официальной газеты, то это в общем соответствует действительности, ибо она появлялась на чистом великорусском языке, итак не могла быть понятной сельскому народу. Но закарпатско-украинский литературный язык не существовал, вследствие чего требование было бесспорно обосновано и справедливо.

Мнение надзупана обозначает начало действия, пытающегося добиться полного вытеснения русского языка, и оно победоносно закончилось в 1867 г.

Упомянутые действия закарпатско-украинского духовенства связаны с деятельностью Добрянского. Это выявляется, когда газета «Sürgöny» 19-го января 1862 г. полностью опубликовала циркуляр, направленный Добрянским закарпатско-украинским благочинным, достоверность которого была признана и самим Добрянским в течение позжего расследования дела советом наместничества. Содержание циркуляра следующее :

Минуло время урожденной аристократии в Европе и лишь в Венгрии можно обнаружить ее пережитки. Наступил час прекратить религиозное и национальное угнетение. Закарпатско-украинская церковь и нация требуют свободы, без нее невозможны просвещение и развитие духовенства и сельского народа. Закарпатско-украинский народ должен освободиться от гнета венгерской церкви и аристократии, или он пропадет. Достигнуть же этого можно только путем равноправия, и на это теперь предоставляется возможность, ибо императорское правительство покровительствует свободному развитию национальностей. Он сам уже много трудился в этом деле, но теперь нужно, следуя примеру остальных национальностей (он имеет в виду словацкий меморандум) подать прошение на высочайшее имя, а для этого требуется полномочие.

Добрянский коротко дает и форму полномочия, которое надо бы укрепить церковными и сельскими печатями. Пусть пошлют полномочие ему, или кому-нибудь другому, достойному доверия. Дело это нужно исполнить быстро и тихо, т. е. секретно.

В коротком комментарии газета «Sürgöny» выражает свое удовольствие по поводу циркуляра, ведь он по крайней мере разоблачает «стремления крайней левой стороны» национальностей. «Кратко говоря вот в чем состоят стремления: отмена всех позитивных прав; ведь каждое позитивное право ничего другое, как пережитки феодализма, обезземление помещиков, не только новый раздел страны, но и новый раздел владений и все это во имя национального права *ad majorem Dei gloriam*. Дивись цивилизованная Европа».

Точка зрения газеты «Sürgöny» характерна. Она даже не пытается постигнуть суть дела, а просто старается показать дело, как нарушение

существующего общественного порядка, так, как венгерский помещичий класс всегда воспринимал национальные требования. По его мнению — дать национальностям права обозначало бы потерю имений для помещиков. В этом имеется доля правды, но, может быть следовало бы подчеркнуть не имения, ведь буржуазные национальные требования угрожали в сущности не им, но на самом деле грозили власти, которой раньше обладал венгерский помещичий класс над закарпатско-украинским народом именно при помощи своих имений. За эту то власть и боялся венгерский помещичий класс, ведь в новых обстоятельствах закарпатско-украинский народ, пробудившись к сознательности и распоряжаясь правами, не их бы выбрал депутатами, не им бы занимать должности исправников и чиновников жуп и т. д.

Циркуляр Добрянского вызвал большое волнение. Наместник Палффи выражает свое возмущение и советует канцлеру Форгачу удаление Добрянского с должности советника в управлении наместничества, ибо : «он осмелился возбудить в одной части населения Венгрии такие мечты, пользуясь роковым и подстрекающим обоснованием, которые не только не осуществимы, но лишь способны еще более возбудить раздражение духа и таким образом затруднить или даже препятствовать необходимому с каждой точки зрения примирению противоречий в государственно-правовых отношениях». Хотя канцлер Форгач в теории согласен с удалением Добрянского, но по определенным причинам хочет довольствоваться лишь строгим выговором, предупреждая его, что, в случае повторения, он сам себя сможет винить за беду в которую попадет. «Одновременно следует освободить его от функции контроля отделов управления наместничества и нельзя поручать ему никакую работу, при которой он был бы в положении проводить свои опасные взгляды и засвидетельственную им до сих пор наклонность к пристрастию».¹

В течение 1864 и 1865 годов власти постоянно обсуждали вопрос употребления национальных языков. И в совете наместничества также приготовили проект, в связи с которым Добрянский предъявил свое противоположное мнение и составил контрпредложение ; однако, оно не имело никакого результата. Ведь по мнению Палффи «(Добрянский)... кажется страстно стремится к такой цели и в области национального вопроса, которая скорее скрывает в себе ядро распрей среди национальностей государства, чем достижение отеческого намерения Его Величества, заключающееся в обоснованной надежде взаимного примирения ; отклонить же его от этого направления мне не удалось, ни заботливым намеком на его благополучие, ни отеческими предупреждающими словами, ни даже серьезным предостережением.»²

¹ Гос. Арх. Венгрии. Visszaállított helytartótanács, eln. 1942/1862.

² *Rapant*, Videňské memorandum, стр. 367.

Наконец проект закона о национальностях был готов. Наместник Палффи представил его для одобрения, но не рекомендовал его издание. Однако, канцелярия императорского двора с малыми исправлениями приняла проект, на что наместник Палффи опротестовал исправления. На самом деле тут хотели лишь выиграть время. Однако, в конце концов дворцовая канцелярия непосредственно указала совету наместничества издание постановления и его исполнительного указа, согласно которому в общем разрешалось употребление национальных языков в сельском управлении.¹

Однако, это дело вызвало большие споры не только в помещенных учреждениях, и совете министров, но и в кругах высоких закарпатско-украинских чиновников и священников. По донесению полицейского директора г. Кошице Маркса от 2-го декабря 1864 г., королевское решение, выданное в деле вопроса языков передается из рук в руки и оживленно обсуждается. Соответственно полицейскому донесению тут идет речь о постановлении, выданном в связи с жалобой арадских румын, но более правдоподобным кажется, что закарпатские украинцы именно обсуждали проект постановления о национальностях и противоположное мнение Добрянского. Может быть, что Добрянский именно в результате этих прений сделал наброски. Это представляется вероятным на основе коллаборации, выявляющейся из циркуляра Добрянского.²

Циркуляр Добрянского показывает, что он намеревался быстро действовать. Не только в интересах согласования закарпатско-украинского действия с — подобного направления — попытками словаков. Нет, имелась еще другая, более существенная причина. Дело в том, что заволновалась противоположная партия, не стоящая на платформе Габсбургов и не желающая найти решение с их помощью, а наоборот, вследствие соглашения с венграми. Времена благоприятствовали этому направлению. Нужно было спешить во избежание того, чтобы это направление привлекло колеблющееся духовенство и Добрянский потерял бы свою руководящую роль, которую он бесспорно играл с 1849 г., еще более укрепившуюся вследствие его положения советника совета наместничества. Рассмотрим теперь поближе, какую форму приняли угрозы.

16-го марта 1691 г. газета «Sürgöny» опубликовала открытое письмо с подписью «Некоторые марамарошские русины» под заглавием «Требования наших соотечественников русинского языка».

Письмо в длинном введении выражает мнение, что нельзя отклониться от удовлетворения законных и естественных требований национальностей. Венгерская печать готова уже признать закарпатских украинцев народом, родной язык которого — венгерский, но положение обстоит совсем иначе.

¹ Ук. соч. стр. 439—446.

² Донесение Маркса в ук. соч., стр., 436—437.

Закарпатские украинцы любят свой язык и свою национальность и ежель и признают превосходство венгерской культуры, не могут отказаться от развития собственного языка, своей нации. Письмо говорит, что закарпатские украинцы и венгры уже давно живут в братской дружбе и это отношение постоянно углубляется. Вот что привело украинский народ принять не меньшую долю участия в обороне родины — в венгерской борьбе за свободу (1848—49 гг.), как сами венгры.

Учитывая все это, авторы письма устанавливают, что «на нашей родине, где столько национальностей, только основанное на национальностях народное представительство было бы в состоянии начертить и установить законные и естественные требования национальностей». Эта мысль наполняет Добрянского ужасом, ведь он занял позицию на стороне феодальных учреждений, допуская лишь малые изменения и намерен решить национальный вопрос, в первую очередь, путем постановлений. Цель, в конце концов одна и та же и у марамарощев, ибо и они хотят представительства закарпатских украинцев как в законодательстве, так и в жупах. Но, тогда как стремление Добрянского — достигнуть автономной территории, марамарощы отстают на шаг, они удовлетворяются преобразованием избирательных округов в национальные, причем требуют обеспечения, чтобы никакой избиратель не мог пользоваться своим влиянием в другом округе.

Однако же, когда марамарощы высказывают желание, чтобы народ на месте избирал уездных служащих, а чиновники жуп избирались представителями сел и наряду с этим уезды были бы по возможности едиными с точки зрения национальности, тогда снова выявляется резкое противоречие с Добрянским, вследствие того, что в его планах народу определяется лишь незначительная роль.

Марамарощы довольствуются тем, что во все школы назначают оплаченных государством преподавателей литературы для каждой национальности и обязанностью местных чиновников владеть языком народа, что опять не согласуется с проектом Добрянского, направленном на исключительные языковые права.

Если мы теперь сравним в общем эти две группы требований, то установим, что проект Добрянского значительно радикальнее, можно сказать прогрессивнее другого. Он хочет самостоятельный закарпатско-украинский округ с отдельными органами, и намеревается выключить всякое влияние центральной власти, органы которой считает угнетающими венгерскими органами, от которых хорошего ждать нечего. И если этот взгляд и оправдывается последствиями, все же он совершает огромную ошибку, стараясь решить национальный вопрос независимо от демократизации страны. Добрянский сторонник Габсбургов и не демократ. Его взгляды и деятельность отражают типичного габсбургского бюрократа, желающего господствовать без народа. Однако, в то же время его проект все-таки про-

двигается в направлении буржуазного развития, ибо в конечном результате территориальная автономия вытеснила бы венгерскую конкуренцию, как с политической, так и с экономической точки зрения. Естественно, что последнего Добрянский еще не видит и, главным образом, еще не существует закарпатско-украинской буржуазии, извлекающей из этого прибыль. То, что Добрянский тем не менее придерживается этой линии, объясняется фактом, что его представления не совсем оригинальные. Словацкие и чешские связи Добрянского, его сотрудничество со словаками (идея словацкого прошения на высочайшее имя от 1861 г. принадлежали ему;¹ венское министерство полиции рекомендует его на должность² как надежного *словака*) делают ему возможным иметь в виду более развитые условия чем закарпатско-украинские и перенять желания развитой чешской и — по сравнению с закарпатско-украинской — более развитой словацкой буржуазии.

Украинцы Марамароша реальнее, они исходят из почвы венгерской действительности. Они противники Габсбургов, вместе с венграми боролись в 1848—49 гг., и не хотят особого автономного закарпатско-украинского округа, а довольствуются украинскими уездами. Желают народного представительства и хотели бы обеспечить украинские интересы путем украинских депутатов. Но до поры до времени довольствуются получить половину депутатов, полагающихся им согласно пропорции закарпатско-украинского населения.

Нет сомнения, что марамарошцы ищут путь, ведущий к соглашению с венграми и в интересах своих целей не хотят вступить в союз с Габсбургами. Несмотря на это, нельзя их назвать прогрессивными по сравнению с Добрянским, потому что венгерский господствующий класс уже не представляет 1848—49 гг., более не прогрессивен, и сам стремится к соглашению с Габсбургами. Хотя этого марамарошские украинцы в это время едва ли могли знать, мы можем лишь объективно, полностью принимая во внимание тогдашнее историческое положение, оценивать их точку зрения.

Закарпатско-украинский вопрос не сходил с повестки дня. 9-го и 10-го апреля газета «Sürgöny» снова публикует письмо с подписью «Унгифи» (Сын Ужского комитата), которое в общих чертах согласуется с марамарошцами, только подробнее представляет украинские требования. Установив, что украинцы, когда-то славившись многими блестящими именами, «теперь лишились всей красоты и гордости знатного господского сословия, и кроме священников и немногих образованных светских лиц, нет у народной массы выдающихся граждан», объясняет, что в самом деле и украинцы имеют национальные претензии. Однако, они не стремятся к территориальной

¹ *Rapant*, Videnské memorandum, стр. 136

² «(Dobránszky) ... ist als die Quintessenz loyaler und antimagyarischer Gesinnung bekannt.» Акт дворцовой канцелярии 19-го декабря 1861 г. № 1044.

самостоятельности. Автор письма противоречит тем, которые под именем «Русинско» («Ruthénia») хотят организовать отдельную провинцию. По его мнению закарпатские украинцы просят лишь следующего :

1. Неограниченное разрешение на развитие собственного языка. Пусть правительство не вмешивается в этот вопрос, подобно предыдущему правительству, желавшему предписать украинцам буквы, правописание, грамматику и т. д., так, что не желавшему принять эти условия редактору единственной церковной газеты пришлось лишиться места.

2. Свободное употребление собственного языка в церкви.

3. Развить ужгородскую гимназию в высшее учебное заведение, с употреблением преимущественно русского языка. В трех гимназиях, где учатся украинские школьники, назначить русских преподавателей литературы и закона божьего, переорганизовать ужгородскую учительскую семинарию для подготовки сельских учителей, и наконец, организовать сельские школы, как русского, так и венгерского учебного языка.

4. Представителей закарпатских украинцев в центральных управлениях следует определять в надлежащем числе ; пусть народ непосредственно избирает местных чиновников и депутатов парламента. Что же касается центральных чиновников жуп, то их избирание должно производиться представителями уездов в главном городе жупы.

5. Избирательные округа следует организовать согласно уездам, уездные чиновники должны знать язык народа и проживать в уездах.

6. Разрешить от времени до времени под законным надзором закарпатско-украинские сеймы, на которых на русском языке обсуждались бы церковные, школьные и касающиеся народа общественные дела.

Автор письма упоминает древнюю населенность закарпатских украинцев, старые привилегии, т. е. их историческое право, требует особого сейма, но одновременно протестует против обвинения в каком-либо панславизме и т. д.

Хотя он определенно и подчеркивает, что разделяет взгляды марамарощев, однако, требования его расширяются и несомненно можно доказать влияние направления Добрянского.

Мы не знаем кто были марамарощцы, не знаем кто был Унгифи, однако, попытаемся решить проблему. Марамарощцы были, без всякого сомнения, живущие там мелкие дворяне, которые боролись вместе с венграми за свободу, и дружески относились к ним, представители направления соглашения на основании равноправия с венграми. Унгифи же был, по всей вероятности, священник, сторонник венгров, стоящий, однако, под влиянием Добрянского и его группы. Но он был гораздо реальнее последних, и хорошо знал, что закарпатско-украинские требования в концепции Добрянского и его партии, даже при поддержке Габсбургов, неосуществимы, и поэтому искал компромиссное решение.

Исследуя все три концепции следует установить, что общественные проблемы почти не играют в них никакой роли. Бичующие феодальное угнетение слова Добрянского направлены не против феодального строя вообще, а только против национальной политики венгерского феодального класса. Марамарощы стоят на основе взятого в буржуазном смысле слова «представительства народа», хотят дать народу право непосредственного содействия при избирании своих депутатов. Однако, ни они, ни Унгифи не выходят за эти пределы. Тут нет и речи о требованиях, которые могли бы возбудить народ, или об экономических и общественных реформах, рассматриваемых с буржуазной точки зрения прогрессивными. Добрянский хочет с помощью Габсбургов бороться против венгров, тогда как марамарощы и Унгифи стремятся к соглашению с ними. Последние предприняли первые шаги по пути компромиссного решения национального вопроса. Можно предположить, что они взяли бы на себя и участие в совместной борьбе против Габсбургов. Не их вина, что из дела ничего не вышло; ответственны венгерские господствующие классы, заключившие соглашение с Габсбургами против национальностей монархии.

Таким образом Добрянский должен был немедленно пасть, а сотронники соглашения с венграми отступили сперва суживая свою программу, а затем совершенно отказываясь от нее. К концу столетия значительная часть закарпатско-украинской интеллигенции мадьяризировалась. На место национальной борьбы вступили общественные и экономические вопросы, так как эмиграция огромного масштаба и т. н. «схизма» обозначили повышение классово-борьбы закарпатско-украинского крестьянства. Перед этой общей «опасностью» закарпатско-украинские буржуазные элементы, феодальная церковь и венгерское правительство сплотили свои силы, чтобы обезоружить — с помощью принятых для вида мер — крестьянские движения, грозящие полной утратой их доходов.

Соглашение 1867 года закрывает беспокойную фазу закарпатско-украинской истории. Медленность развития до борьбы за свободу 1848 г. в огромном масштабе ускоряется во время революции. Однако, тогда как у других национальностей Венгрии уже существовали общественные предпосылки, необходимые для развития национальных движений, причем они играли в конкретных условиях монархии — часто по вине венгерского господствующего класса — контрреволюционную роль, то у закарпатских украинцев наблюдается совсем иное положение. Факт, что еще не существует буржуазии, и следовательно руководство находится в руках феодального духовенства, придает закарпатско-украинским движениям специальный характер. Крестьяне идут по пути крестьянства как венгерской, так и остальных национальностей, в то время как духовенство и светская интеллигенция разделяются на две группы. Группа Добрянского следует примеру буржуазии прочих национальностей, даже стремится организовать крестьянское

восстание против венгров, но с небольшим успехом. Эта группа лишенная общественного фона, берет затем, в эпоху абсолютизма — вследствие благоприятного взаимодействия обстоятельств — руководство в свои руки, и достигает определенных результатов в области употребления русского языка, назначения чиновников и т. д. Однако, венгерский господствующий класс, считая все эти успехи результатом противовенгерской политики Габсбургов, относится к ним вначале с пассивной резистенцией, а затем, когда под влиянием международных поражений Австрии его вес возрастает, переходит к наступлению, и путем соглашения 1867 г. одним ударом уничтожает все, чего — ценой тяжелой борьбы — Добрянский и его группа добились в эпоху абсолютизма. Основная ошибка молодого закарпатско-украинского национального движения состояла в том, что оно, не учитывая действительного положения, с самого начала продвигалось в неправильном направлении. А когда Габсбурги оказались в трудном положении и, — по своему обычаю — совершили стовосьмидесятиградусный поворот, т. е. заключили соглашение с венграми, закарпатские украинцы оказались совершенно одиночками, и не были в состоянии бороться против огромного перевеса венгров. Положение иллюстрируется нагляднее всего примером Добрянского, который после соглашения покинул политическую арену. Вскоре он постигает, что жалко было отказаться от идеи соединения с Галицией, ибо в случае объединенных усилий, украинцы представляли бы серьезную силу в монархии. Итак, он перемещает центр своей деятельности в Галицию, но уже поздно. Польская реакция в Галиции, при поддержке венгров, привлекает его к суду, и наконец он принужден влачить жалкое существование в изгнании в г. Инсбруке до своей смерти в начале XX. столетия.

А теперь рассмотрим немного вопрос «русинского» языка. В эпоху абсолютизма источники говорят постоянно о «русском», «russische» или «ruthenische» языке. Что же, на самом деле, надо подразумевать под этими названиями?

Духнович, самый выдающийся писатель данной эпохи, пользовался местным диалектом, смешанным с великорусскими и церковно-славянскими элементами. Как уже было сказано, его мнение в вопросе языка еще не полностью выяснено. Однако, нет сомнения, что вначале он принимал позицию за местный литературный язык, — в более широком смысле за украинский язык, — позднее же отказался от этого направления и выдвинул церковный язык на первый план, объясняя это тем, что употребление местных диалектов — ввиду их множества и различий — не может обеспечить единство литературного языка. К концу своей жизни он, по всей вероятности, испытал влияние Ивана Раковского, вернейшего сторонника великорусского направления. Раковский, будучи русским переводчиком правительства, переводил законы на великорусский язык, и редактировал свои газеты также на этом языке. Великорусское направление осталось, можно

сказать, одиноким на арене; поддержанное австрийским правительством «украинское» направление не смогло укорениться в Венгрии. Позиция Добрянского также проявлялась с большим весом. А по его мнению развитие украинского языка в литературный язык — это измена против русского народа, и отпавшие (украинцы) сами обессиливают себя этим, так как они не смогут справиться в Галиции с польским, в Буковине с румынским, а в Закарпатье с венгерским языком.¹

Это было мнение руководителей, но не все разделяли его. Споры вокруг вопроса языка закарпатско-украинских газет показывали, что много грамотных закарпатских украинцев не принимали великорусский язык по причине непонимания его, а учиться они не намеревались. Итак, все попытки, направленные на укоренение великорусского языка, ввиду отсутствия читателей, были заранее обречены на неудачу. Естественным направлением развития было бы внедрение украинского литературного языка, обладавшего в данную эпоху уже превосходными произведениями. Правда, что этот язык подавляли в России, его употребление запрещалось законом, но, несмотря на все это, он продолжал развиваться. Однако, закарпатские украинцы в Венгрии мало что слышали об этом. Когда же украинское направление добилось господства и в Галиции (собственно говоря, его свободно употребляли лишь там, ибо в России украинский язык был запрещен), тогда закарпатским украинцам представилась возможность перенять его. В том, что это не случилось, содействовали особые причины, как мы увидим в дальнейшем.

Противники великорусского языка в Венгрии, в конечном результате, приняли позицию за развитие одного из местных диалектов в литературный язык, и в этом не малую роль сыграли венгерские правительства. Однако, эти попытки не увенчались успехом. Вследствие исторических причин, закарпатские украинцы не обладали таким центральным, преобладающим диалектом, который мог бы развиться в литературный язык. Между употребляемым в польских пограничных областях диалектом лемков и марамо-рошским диалектом гуцулов имеется весьма большая разница, и ни один из отдельных диалектов не перевешивал остальных по численности. Кроме этого у закарпатских украинцев не было такого городского центра, не было центральных культурных учреждений, которые могли бы способствовать господству местного диалекта. Для закарпатских украинцев осталась лишь одна возможность: принятие украинского литературного языка, понятного для всех, который окончательно обеспечил бы образование единого украинского народа. В том, что последний процесс настолько затянулся и завершился лишь в наши дни, большую роль сыграл вопрос языка, который

¹ А. С. Будилович, Об основных воззрениях А. И. Добрянского. СПб., 1901, цит. у А. В. Попов, Ев. І. Сабов. «Карпатский Свет» 1929, стр. 550.

почти в течение полного столетия разделял закарпатских украинцев на сторонников великорусского, украинского и местного направления, и этим, в значительной мере, препятствовал их культурному развитию.

Следует еще отметить, что уже во время абсолютизма непрерывно встречались, или же продолжались нападения, обвинявшие закарпатских украинцев в любви к царю, в симпатии к России, в стремлениях территориального отложения и т. д. Не взирая на то, что в сердце закарпатско-украинских крестьян все время жила мечта о соединении с братьями за Карпатами, эти обвинения, в большинстве случаев, необоснованы. Значительная часть закарпатско-украинско й духовной и буржуазной интеллигенции конечно тяготела к русской литературе, ибо, как мы видели, они рассматривали великорусский язык своим литературным языком. Весьма понятно, что русская литература, обладающая огромными ценностями, выдающиеся представители которой жили в данную эпоху, оказала большое действие на закарпатско-украинских читателей. Однако, сверх этого и в общем, кроме культурных отношений, обвинения не отвечают правде. Руководящий слой эпохи абсолютизма был другом Габсбургов, сторонником австро-славизма, и не оглядывался за пределы монархии.

После соглашения 1867 г. Закон о национальностях 1868 г. на практике

В истории закарпатско-украинского общества абсолютизм представляет совершенно замкнутую, круглую, хорошо ограничиваемую эпоху. Соглашение 1867 г. означает решающий поворот в области национального вопроса, поскольку начинается — и быстрым темпом продвигается — оттеснение закарпатских украинцев. Они одним махом теряют значительную часть закарпатско-украинских чиновников, ибо венгерское правительство снимает всех с должностей, и назначает на административные, учебные и т. д. посты — венгров, или же, в лучшем случае, лояльных, находящихся на пути мадьяризации закарпатско-украинских интеллигентов. Тотчас же прекращается употребление русского языка в официальной жизни, и обрывается обучение на русском языке в ужгородской гимназии. Итак, восстанавливается прежнее положение эпохи до 1848 года, когда русский язык употребляли исключительно в существовавших тут и там церковных начальных школах. Однако мадьяризация продвигается теперь еще дальше. Начинается наступление и против этих начальных школ. Всюду устанавливают государственные школы, в которых языком преподавания служит один лишь венгерский язык, а русский язык сохраняет свое прежнее место в лучшем случае на уроках закона божьего и т. д. Однако, 1867 г. в общем не означает в истории закарпатско-украинского общества решающего поворота. В соотношении сил, определяющих исторический процесс, в их деятельности не наблюдаются больших изменений. Переход к капиталистическому хозяйству продвигается дальше и, в лучшем случае, мы отмечаем в темпе определенное ускорение.

Самая характерная черта истории закарпатско-украинского общества в эту эпоху — это быстрое разложение крестьянства, значительное обнищание крестьянских масс. Этот процесс обуславливается не исключительно и не в первую очередь приростом населения, как это утверждают отдельные представители буржуазной историографии, которые никак не могут умолчать этот — бросающийся в глаза — факт. Главная причина повсеместно наблюдаемого в Венгрии процесса кроется в приходе к полной власти капиталистического хозяйства.

Если мы немного исследуем вопрос классовой борьбы и эмиграции крестьянства, то не трудно представить себе, что это означало для закарпатских украинцев.

Нигде в Венгрии эмиграция не принимала таких гигантских масштабов, как в Закарпатье. Ее действие на экономическую жизнь закарпатских украинцев было настолько погубно, до того грозило доходам эксплуатирующих классов, что государственные власти должны были принять строгие меры в интересах прелютствования эмиграции, а даже значительными суммами поддерживать определенные буржуазные мероприятия, направленные на создание ресурсов для закарпатско-украинского аграрного пролетариата. Эти мероприятия были приняты к концу столетия, в эпоху, представляющую в Венгрии начало эпохи империализма. Тогда закарпатско-украинский национальный вопрос официально становится «социальным» вопросом и, начиная с этого времени совсем до 1918 года, венгры рассматривают его таковым.

Следовательно в истории закарпатско-украинского общества эпоха капитализма разделяется на три хорошо различаемые друг от друга периода. Первый период — это эпоха абсолютизма, второй — эпоха, начиная с соглашения до 1897 г., т. е. период до начала деятельности правительственной комиссии горного края, и третий — период от 1897 до присоединения Закарпатья к Чехословакии.

Относительно второго, обсуждаемого здесь периода, мы почти что не имеем литературных данных, а относящийся к закарпатским украинцам материал архивов по большей частью выбраковали. Статистики данной эпохи не достаточны для того, чтобы на их основании совсем точно проследить преобразование закарпатско-украинского общества в эту эпоху. Однако, положение вдруг изменяется в первые годы следующего периода. Архивный материал возрастает, статистические данные становятся более подробными, так что можно нарисовать поперечный профиль закарпатско-украинского общества, и на основании сопоставлений с эпохой абсолютизма можно в больших чертах нарисовать также и развитие, имевшее место в промежуточный период. В настоящий момент нам приходится применить этот не совсем правильный способ, надеясь однако, что дальнейшие исследования оправдают полученные нами результаты, или же — пополнят их конкретными данными.

Предмет этой главы происходит скорее из круга надстройки. Несмотря на это, я должен лишний раз подчеркнуть сильное разложение, происходящее в кругу закарпатско-украинского крестьянства, отмечая одновременно, что результат этого разложения — образование слоя зажиточных крестьян (кулаков) и преобразование крупных масс в аграрный пролетариат — не протекает по обычной линии. Только вторая часть этого диалектического двойного процесса проявляется обычным образом.

В конце столетия налицо огромная масса безземельного аграрного пролетариата. Он, однако, не может превратиться в промышленный пролетариат, в первую очередь потому, что крупные владения Закарпатья не переходят полностью на капиталистическое хозяйство (имение гр-а Шёнборна, представляющее две трети Бережской жупы, еще и в 1910 году является скорее охотничьим угодьем) и вообще в Закарпатье не строят капиталистическую промышленность в таких размерах, как это было бы возможно. Местный и центральный капитал в этой территории не организует промышленных предприятий крупного масштаба.

В последние годы некоторые украинские марксистские историки, очевидно по примеру Галиции, называют Закарпатье колонией Австро-венгерской монархии, стремясь таким путем объяснить отдельные проблемы.¹ Не говоря теперь о том, что марксизм-ленинизм ясно определяет, что такое колония, и это определение едва-ли применимо к данной территории, даже и в случае употребления этого слова в переносном смысле, следует делать разницу между Закарпатьем и Галицией. Дело в том, что Галиция представляет собой особую провинцию австрийской короны, тогда как Закарпатье является органической частью Венгрии. Об особой экономической политике в отношении Закарпатья, таким образом, не может быть и речи. Называть Закарпатье колонией, *австрийской* колонией можно было бы только в том случае, если вся Венгрия целиком была австрийской колонией. Согласно венгерским историкам, однако, экономическая и политическая зависимость, в которой находилась Венгрия в XIX столетии по отношению к Австрии, показывает лишь некоторые черты колониальной зависимости, а после 1867 года и об этом нельзя говорить.

После сказанного, выдвигается вопрос, можно ли рассматривать Закарпатье колонией *венгерского* господствующего класса? И на это следует отвечать отрицательно, ведь венгерские господствующие классы рассматривали Закарпатье интегральной частью страны и, согласно имеющимся в нашем распоряжении данным, они не проводили там дискриминационную экономическую политику. В Закарпатье администрация была такая же, как и в Венгрии, те же законы были действительными, его жители имели те же формальные права и едва-ли можно доказать, что венгерские помещики проводили бы в Закарпатье в своих вековых имениях такую сознательную экономическую политику, которую можно было бы назвать колониальной. Дело в том, что угнетающая национальная политика еще не является колониальной. Мы таким образом считаем, что это неправильное употребление слова следовало бы изменить, так как во многих случаях оно может стать

¹ В. В. Усенко, Вплив Великої жовтневої соціалістическої революції на розвиток революційного руху в Закарпатті в 1917—1919 рр. Київ 1955. Автор дает первой главе следующее подзаглавие «Закарпаття — колонія Австро-Угорщини». Подобные выражения встречаются также и в «Истории Украины» т. I. Киев 1953.

исходной точкой ошибочных толкований и оценок. В то же время надо подчеркнуть, что мы никоим образом не желаем снизить сущность факта тяжелого экономического и национального угнетения со стороны венгерских господствующих классов, из которых первое с полным весом обременяло и венгерский класс трудящихся.

Это значит, что при исследовании развития закарпатского капитализма мы имеем дело не с проблематикой колониального капитализма, а с проблемой экономически отсталой, неплодородной, горной пограничной области многонациональной страны, продвигающейся по медленному и тягостному прусскому пути. Проявляющиеся в этом краю явления наблюдаются, хотя бы и не с такой резкостью и в других провинциях Венгрии, и о качественных различиях нельзя говорить даже при сопоставлении с центральными, населенными венграми, территориями страны. Единственным добавлением в Закарпатье было национальное угнетение.

Но все же наблюдаются отклонения, и специальные черты развития капитализма в Закарпатье наглядно выявляются.

Так например, упомянутый процесс разложения сел, сильно отклоняется от типичного. Число русинских кулаков и, главным образом, их общественный вес и влияние не проявляются так, как это можно наблюдать у остальных национальностей Венгрии, потому что значительная часть земли закарпатско-украинских бедняков переходит в руки ростовщиков не-украинской национальности. Согласно достоверным данным, под конец столетия, 60—70 процентов закарпатско-украинских земель, и по меньшей мере такая же часть поголовья скота были в руках ростовщиков не украинского происхождения. Официальные статистики не отражают фактического положения, так как они принимают во внимание лишь кадастры, тогда как в Закарпатье земля попадает в руки ростовщиков таким путем, что изменение официально выявляется лишь в случае секвестра, или же продажи с молотка. Из этого, конечно, вытекает много последствий и в отношении национального вопроса, как мы увидим в следующей главе. Теперь же отметим только то, что в эпоху после соглашения процесс обезземливания крестьян протекает в постоянно ускоряющемся темпе, а возможности устройства на работу в промышленности имеются лишь в узких рамках. По этой причине эмиграция, первые следы которой наблюдаются уже в эпоху абсолютизма, разрастается в крупнейшем масштабе.

Обнищание повышается систематически повторяющимися голодовками. Хотя в эпоху железных дорог голодная смерть встречается реже, и государственная помощь становится более эффективной, тем не менее, такие случаи наблюдаются еще в значительном количестве.

Так, например, русские газеты «Голос» и «Moskauer Zeitung» в 1880 году сообщали в длинных статьях о ужасном положении закарпатских украинцев. Они подчеркивали, что случаи голодной смерти случаются еже-

дневно, а разбой и грабеж также повседневные явления. Жители Закарпатья пекут хлеб из муки с примешенной древесной корой и т. д. Частные благотворительные учреждения не могут помочь, а правительство отпустило на помощь полумиллиону закарпатских украинцев всего 300 000 форинтов. Характерно, что мукачевский епископ, распоряжающийся доходами в 40 000 форинтов, дал бедствующим всего 50 форинтов. Экзекуторы работают хорошо, и закарпатские украинцы массами эмигрируют в Америку.

В ответ на статьи, опубликованные в русских газетах, началось расследование. Бережский наджупан в довольно откровенном донесении раскрыл положение Министерству внутренних дел. Он говорит, что вследствие неурожая грозит голодовка. Власти предприняли необходимые меры, организовали вспомогательные комитеты. Однако из донесения выявляется, что бедствующим предоставили ничтожную сумму. Таким образом «... бедствие по причине чрезвычайного холода достигло таких размеров, что... несмотря на принятые меры прибыли известия о смертных случаях от голода, и к сожалению, проведенное расследование, хотя и не во всех, но в трех случаях, установило голодную смерть.» После этого просили от правительства пособия в 30 000 форинтов, и в течение полугода и получили 15 500 форинтов, из которых содержали 7 народных столовых и распределили кукурузу среди бедствующих. Работоспособных жителей весной нанимали на работу при дорожном строительстве и вырубке лесов. Взыскание налогов прекратили.

На это министр внутренних дел отправил венскому министру иностранных дел энергичное опровержение: «Согласно вполне достоверным официальным донесениям в бедствующих областях каждая семья, каждое лицо, без различия национальностей совершенно обеспечено, о голодной смерти никогда не было и не могло быть и речи.» «Сообщения указанных газет следует рассматривать как тенденциозную клевету отдельных панславистских агитаторов». Если еще добавить, что уже донесение наджупана немного ретуширует жалкую картину, тогда лишь можно себе представить фактическое положение и наглость венгерских властей.

Второе поучение этого случая показывает на конкретном примере, что именно подразумевается в эпоху соглашения под «тенденциозной клеветой панславистских агитаторов.» Понятие панславизма, считая с тридцатых годов, несущественно изменилось.¹

Однако, крестьянство и в эту эпоху не терпело молча эксплуатацию со стороны помещиков и арендаторов, все повышающиеся налоги и эксплуатацию духовенства. Кроме эмиграции мы имеем сведения о грозных крестьянских движениях, то есть наряду с умеренной формой классовой борьбы настала очередь и боевых, угрожающих выступлений. В этот период, конечно,

¹ Гос. Арх. Венгрии. Miniszterelnökség (в дальнейшем: М. Е.) 2767/1880.

не было революционного положения, силы, защищающие классовое государство капиталистов и помещиков легко справлялись с недовольным крестьянством, и этим обуславливается, что основная форма классовой борьбы осталась эмиграция.

Рассмотрим теперь более серьезный случай.

В имении гр-а Потоцкого, в шаришском селе, Малом-Липнике, которое было в руках арендатора по фамилии Шаламон, батраки отказались от повинностей, и дело дошло до того, «что под влиянием некоторых бессердечных подстрекателей дело перешло в мятеж, подавленный вооруженными силами.» В общем, в этой области арендаторы не могут взыскивать свои требования, так как батраки ничего не имеют. Арендаторы, вследствие недостатка рабочих сил, возникшего по причине эмиграции в Америку, находятся в весьма затруднительном положении. Батраки зарабатывают в лесопильнях окрестности больше, чем у помещиков, обеспечивающих им дома и приусадебные земли, и поэтому они «плюют на них.» Согласно мнению поджупана, батраков следовало бы выбросить из домов, применяя вооруженные силы, и поселить на их место людей, желающих работать. Кроме этого, жителям с. Липника следовало бы объяснить, что тут речь идет не о крепостном отношении, а об отношениях частного (буржуазного) права. Говорят, что в других селах данной жупы крестьяне знают это, и поэтому они и исполняют свои обязанности.¹

Выявляется, что в закарпатско-украинских областях в 1887 г. отработка все еще в ходу, и бывшие крепостные рассматривают это как бы продолжением барщинных отношений. Но, здесь появились еще два специальных местных фактора. Одним фактором была эмиграция, которая действительно принимала в это время в западных областях Закарпатья уже такие размеры, что можно было говорить о недостатке рабочей силы (более на восток эмиграция увеличилась только позже), а другой фактор — это лесорубная промышленность (она значительна в эту эпоху лишь в Шарише и в Марамароше), тоже ставящая помещиков в трудное положение, и все больше принуждающая их перейти на наемный труд.

Организация промышленных корпораций в Берегове, Мукачево, Нижнем Верещке, Тарпа и Касонь показывает также определенные новые оттенки. Большая часть организующихся, правда, венгерские ремесленники, но находятся среди них несколько закарпатских украинцев. Все эти корпорации появились в 70-ых годах.²

Одновременно появляются и первые общества по распространению кустарной промышленности, работа которых перенимается к концу столетия государством.

¹ Гос. Арх. Венгрии. Belügyminisztérium (в дальнейшем : В. М.) eln. 917/1889.

² *Lehoczky T., Beregvármege monographiája* (Монография Бережской жупы) т. II. Ungvár 1881, стр. 124.

Тогда же организуются первые сберегательные кассы со средним капиталом (Берего-мукачевский, 1863; Мукачевский кредитный и ипотечный банк, 1872; Мукачевский народный банк, 1872), деятельность которых среди закарпатских украинцев пока что, из-за отсутствия данных — нам неизвестны. Кажется вероятным, что они финансировали, в первую очередь, торговые сделки, и не распространялись на область земельного кредитования, которое в это время полностью находилось в руках ростовщического капитала.

Возвращаясь теперь к предыдущей главе, надо повторить, что соглашение 1867 г. означало ликвидацию партии А. Добрянского. Добрянский и его сторонники, как общеизвестно, настолько обслуживали систему абсолютизма, что после такого коренного поворота, каким было соглашение, после полной перегруппировки политических сил, им пришлось исчезнуть. Добрянский по всей вероятности и сам знал это, и поэтому он на этот раз выступил на парламентских выборах среди словаков, и — нужно сказать — успешно. Хотя теперь не аннулировали его мандата, все-же, несмотря на положение депутата, он в политической жизни Венгрии больше не играл значительной роли. Его закарпатско-украинские биографы и современники обычно говорят, что, увидев продвижение венгерского направления на первый план, он испытал отвращение к политике и ретирировался в частную жизнь. Согласно непроверяемым данным премьер-министр Коломан Тиса, боявшийся Добрянского, так как последний был переводчиком в 1849 г., когда Тиса, якобы, вместе с другими лицами предложил венгерскую корону одному из членов русской царской семьи, хотел назначить его министром путей сообщения, но Добрянский отказался.

Однако, отвращение к политике едва ли можно представить себе ввиду активности Добрянского. Факты показывают, что он немедленно устанавливает живые отношения с Галицией, с тамошними москвофильями, и когда они все больше попадают в беду и вытесняются либеральными украинскими «народовцами», он сам едет в Галицию, чтобы взять в свои руки руководство ослабевшей партии. Это, однако, не удается, так как австрийские власти стоят на стороне народовцев, устраивают пресловутое дело о государственной измене и Добрянский и его дочь попадают на скамью подсудимых. Правда, что они оправданы судом, однако достаточно этого дела, чтобы покончить Добрянского в Галиции. Его роль в Венгрии также невозможна. Противники Добрянского организуют, между прочим, покушение против него, в котором ранят его сына, и следовательно ничего другого не остается, как полный уход с политической сцены, или же эмиграция в Россию. Добрянский не может — несмотря на хорошие связи — решиться на этот шаг. Один из его сыновей служит в русской армии, дочь вышла замуж за русского человека и также переселилась в Россию, он сам, однако, все же предпочитает роль добровольной ссылки. Он живет в Инсбруке до своей смерти

в 1903 г., как королевский советник в отставке, а его именем в Венгрии управляет его жена.

Руководящий закарпатско-украинский слой и, в первую очередь, одна часть духовенства думали, что национальные права закарпатских украинцев должны бы, в какойнибудь форме, обеспечиваться венгерским парламентом. Подготовки закона национальностей 1868 г. продлились долгое время, и точно также, как и остальные национальности Венгрии, закарпатские украинцы предъявили целый ряд петиций, прошений, меморандумов и т. д. в ведомственные и не ведомственные места. Подробно обсуждаемые в нижеследующем прошения до сих пор не были известны в литературе, и мы впервые попытаемся их оценить. Следует уже теперь отметить, что они никакого действия на закон национальностей 1868 года не оказали, что из требований, выдвинутых в этих прошениях, почти ничего не было осуществлено, так как венгерские власти препятствовали даже и тому, чтобы парламентские комитеты подробно занимались ими.

Измененные времена характеризуются ярче всего делом прошения земплинских священников, которое, собственно говоря, можно рассматривать первым закарпатско-украинским процессом государственной измены. Из материала расследования¹ выявляется следующее положение вещей.

Земплинские священники обнародовали крупный национальный сход, программа и требования которого были нижеследующие :

I. Относительно национальности

1. Законное обеспечение равноправия всех национальностей Венгрии
2. Разрешение свободного употребления желтосинего русского флага наряду с венгерским.
3. Разрешение представлять прошения на родном языке, и получать ответ на том же языке.
4. Назначение чиновников по мере соотношения национальностей, и учреждение — в рамках министерства народного просвещения — особого униятского отдела.
5. Набор закарпатско-украинских призывников в особые полки.

II. Относительно языка

«Дипломатическим» языком² остается венгерский язык, но законы и декреты должны опубликоваться и на языках национальностей, и в вен-

¹ Гос. Арх. Венгрии. В. М. еln. 1868. XLV. а. 1060.

² Согласно тогдашнему словоупотреблению под «дипломатическим языком» следует подразумевать язык центральных властей, который необходим для обеспечения однообразия и эффективности государственной администрации.

герском парламенте каждой национальности следует разрешить употребление собственного языка.

III. Относительно жуп

1. Во избежании конфликтов, жупы организуются согласно национальностям.

2. На жупских совещаниях пользуются языком народа.

3. Перепись для выборов и голосование должны проводиться по отдельным селам, и при проверке со стороны доверенных кандидатов в депутаты.

IV. Относительно церкви

1. Законное обеспечение автономии униатской церкви и влияние светских лиц на церковное управление.

2. Возвышение мукачевского епископства в архиепископство.

3. Обеспечение прежних прав церкви, как и избирания епископов, женитьбы и отпускания бороды.

4. Обеспечение бюджетом церковных субвенций.

5. Обеспечение правительством доходов священников.

6. Построение униатской церкви в Пеште, и создание там же униатского прихода.

V. Относительно дела воспитания

1. Поручения дела воспитания церкви.

2. Обеспечение русского языка преподавания наряду с венгерским.

3. Учреждение профессиональных школ.

4. Создание как духовной, так и учительской семинарий в г. Прешове, и прогимназий в г. Хомонна.

5. Уплата учителей правительством.

6. Обеспечение права свободных собраний для закарпатских украинцев в целях повышения культурного и материального благосостояния.

Министерство внутренних дел узнало об этом из газет, и потребовало от жупы Земплин материал расследования. Из последнего выяснилось, что «на данном собрании, несмотря на все усилия священников-подстрекателей принимали участие всего лишь 21 священника, 4 певцуучителя (канторы) и 8—10 земледельцев, так как патриотические священники и мирный народ упорно отказывались участвовать на нем.» Однако, донесение устанавливает и то, что *народу* не сообщили о содержании прошения, что *народ* подстрекали неосуществимыми обещаниями, и наконец произошли злоупотребления фальшивыми подписями и насильственно вынужденными печатями. После ска-

занного, разумеется неудивительно, что протоколы о допросах подтверждают эти противоречивые установления. Подозрительным является только то, что замешанных священников не позвали на допрос. А допрошенные лица все крестьяне, которые утверждали, что не знали о содержании прошения, или же — и это самое существенное — священники, якобы, сказали им, что с помощью прошения — работающие на господ крепостные (!) будут освобождены, что право содержания кабаков отнимут у господ, что отменят гербовую пошлину, будут русские школы, и их детей назначат на должности и т. д. Особо высланная жупская поверочная комиссия сделала из этого заключения, по которым: «. . . . факт, что названные господа священники, хотя и представить противогосударственные подстрекательства и махинации незначительного меньшинства при помощи злоупотребления подлинными сельскими печатями и, так сказать, фактической фальсификацией последних, как определенные желания населения всего края, тем более осуждаем, что они стремились путем заманчивых приманок привлечь на арену политической борьбы такие элементы общества, которые в силу своей наивной добродушности крайне доверчивы, но если их доверие усиливается посредством соблазнительных доводов до фанатизма, — могут стать весьма опасными для общественного строя и вместе с тем и для свободы, поскольку названные господа священники, по определенным показаниям допрошенных свидетелей, при умалчивании чисто национальных претензий толковали данное прошение до подписывания в том смысле, что оно направлено на возбуждение желаний, касающихся исключительно материальных интересов народа, которые, принимая во внимание нынешние условия и обстоятельства, одновременно и в такой степени, как это невежественный народ после подобной предистории мог бы ожидать, — едва ли осуществимы: напр., освобождение куриальных крепостных крестьян, прекращение малых королевских регалией, акциза и гербовой пошлины и уплата народных учителей и священников за счет казны».

Однако согласно комиссии эти национальные движения не находят отклика среди населения области и когда им объясняют, как обстоит дело, они выражают свое недоумение. Во время расследования ни один из свидетелей не сделал заявления относительно национальных требований, и все даже объявили себя исключительно только лицами «русской религии», т. е., хотя в протоколе расследования это определенно не сказывается, закарпатские украинцы — на самом деле — и не имеют национальности!¹

Жупа намеревалась предать закарпатско-украинских священников суду в деле фальсификации документов, и поэтому неоднократно просила Министерство внутренних дел вытребовать от парламента подлинное, формулированное в результате совещания, заявление и вернуть его жупе. После

¹ Акты см. Гос. Арх. Венгрии. В. М. елп. 1868. XLV. а. 1060.

длительной оттяжки это случилось, и таким образом подлинное прошение не оказалось для меня доступным. В настоящий момент я не могу проверить, соответствует ли простая копия, на основании которой начали судебное дело, оригинальному прошению. Однако вероятно, что не может быть между ними большой разницы и следовательно мы должны довольствоваться имеющимся в нашем распоряжении текстом.

Принимая во внимание все обстоятельства, дело, по всей вероятности, обстояло так: одна часть земплинских священников (речь идет о группе Добрянского, как это выявляется из программы), желая придерживаться конституционного пути, хотела представить свои взгляды парламентской комиссии, подготовляющей закон о национальностях. Соответственно указаниям Добрянского (см. его циркуляр к благочинным в 1862 г.) они, в интересах большего веса прошения, стремились снабдить его сельскими печатями. Священники объяснили дело сельским старостам и присяжным и, конечно, на месте конкретизировали ожидаемые последствия прошения. Это было возможно лишь обнадеживанием освобождения крестьян от самого тяжелого бремени. Таким образом и удалось добиться печати нескольких сел. Это одно из первых проявлений сотрудничества духовенства и зажиточного крестьянства. Подписавшиеся светские лица были исключительно старосты и присяжные, и так весьма вероятно, что они были богатые крестьяне. Что же касается показаний крестьян, то не следует принимать их дословно, так как они были принуждены давать их согласно желаниям исправников и жупских чиновников.¹

Какова была дальнейшая судьба дела, мы не знаем. Неизвестно наказали ли священников или нет, так как жупский архив нам недоступен.

Представленные требования, как было указано, тесно связаны с требованиями Добрянского 1861 г., но в них уже не говорится об автономной закарпатско-украинской территории. После соглашения, положение до того изменилось, что не было возможности и думать об этом.

Требование, стремящееся обеспечить светским руководителям влияние на церковь, указывает на смещение в силовых отношениях. Роль светской,

¹ По свидетельству надежного украинца, в начале XX столетия, когда он вернулся в свое родное село, крестьяне просили его написать прошение, чтобы данное село в следующем году — при разделении государственных арендных пастбищ — получило пастбище, простирающееся в его соседстве, а не другое пастбище, в 8 километров, которое должно бы получить другое село. В день после внесения прошения, солгабиров, который был, впрочем, другом моего знакомого, велел жандармам привести его и обвинил в фальсификации документов. Устроили очную ставку с крестьянами, просившими его написать упомянутое прошение и фамилии которых, — ввиду их неграмотности — он подписал вместо них. Крестьяне, опуская глаза отрицали, что они просили моего знакомого написать прошение. Можно представить себе способ подготовки крестьян! После показания крестьяне ушли, а солгабиров смеясь, разорвал документы и дружески попросил моего знакомого не вмешиваться в местные дела. Тут дело обстояло так, что ввиду большого расстояния и то и другое село не могло пользоваться пастбищами, и вот путем косябы обеспечивали значительные доходы для солгабирова и для некоторых из его заинтересованных друзей.

буржуазной интеллигенции в руководящем слое закарпатских украинцев возросла, хотя еще не произошел разрыв между ней и духовенством. В соответствии с этим программа в деле воспитания означает большой шаг вперед, хотя в обучении еще стремятся обеспечить церкви руководящую роль. Интересно, что из закарпатско-украинского сейма сохранилось лишь собрание, служащее обеспечению «культурного и материального благосостояния». Это также знамение времени.

Но после соглашения заволновались не только земплинские священники. 18 бережских священников и целый ряд сельских старост и присяжных также обратились к законодательству с прошением, но их требования по сравнению с прежними значительно снизились. Однако, они неправильно адресовали прошения в Министерство народного просвещения, где его отложили *ad acta*, с объяснением, что следует обждать обсуждаемого в настоящее время решения законодательства. Прощение хотело именно оказать действие на законодательство, доказать ему свою правду и ориентировать его. Однако, министерство саботировало дело, которое таким образом никогда не попало в руки парламентской комиссии,¹ занимающейся вопросом национальностей.

Кроме земплинской и бережской — наблюдаются движения также и в угочской и марамарошской жупах. Еще до прошения земплинцев прибыли подобного текста петиции этих жуп в Министерство внутренних дел. Обе петиции были подписаны целым рядом священников, несколькими адвокатами и сельскими старостами, а марамарошское прошение было подписано кроме этого также и депутатом 1861 г. Георг. Маркошем. Последнее прошение являлось по всей вероятности результатом деятельности венгерской партии, что обнаруживается, как скромными требованиями, так и тоном прошения. В нем выражается радость по поводу восстановления конституции, доверие к правительству и надежда, что их скромная просьба будет исполнена. Они сожалеют, что венгры не заботятся о закарпатских украинцах. 750 000 закарпатских украинцев не имеют ни одного наджупана своей национальности, тогда как у румын их четыре. В министерствах за исключением Негребецкого ни один закарпатский украинец не занимает видного поста. Поэтому они просят назначение Петра Долина на должность в Министерство народного просвещения, где в 1849 г. он был секретарем отдела, и Георг. Маркоша, депутата, который везде бы постоял за себя.²

Таким образом в этом прошении и речи нет о национальных требованиях, оно содержит лишь просьбу о назначении большего количества закарпатско-украинских чиновников. Разумеется, что по сравнению с про-

¹ Гос. Арх. Венгрии. Vallás és közoktatásügyi minisztérium (в дальнейшем: VKM.) 1867. II. 2. 2502.

² Опубликовано *Kemény G. Gábor*, *Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez* (Акты о национальном вопросе). т. I. Будапешт 1952, стр. 53—54.

шением землинцев — эта просьба, полностью отказывающаяся от национальных прав, кажется реакционной. Долинай и Маркош, представители бывшего закарпатско-украинского мелкого дворянства и их партийные сторонники думают, что время действия наступило. Прежде всего они ожидают награду за свое поведение в 1848—49 гг., за которое они подверглись во время абсолютизма преследованию, и ввиду того, что у них нет больших имений или других ресурсов, хотят вступить на государственную службу, достичь высших чинов и пользоваться уважением и всеми связанными с положением атрибутами. Они и постольку не заботятся о судьбе закарпатско-украинского народа, поскольку партия Добрянского, и нет у них национальных требований. Да и не могут они иметь их, ибо уже вступили на путь мадьяризации. Долинай и Маркош были первыми примерами закарпатских украинцев, которые впоследствии в течение полувека представляли своего народа, хотя, собственно говоря, уже не имели ничего общего с украинцами, и часто даже забывали свой родной язык.

Венгерские власти, разумеется, использовали случай и хотя и скудно, но все же назначили претендентов на некоторые менее важные должности. Ссылаясь на этот пример, впоследствии можно было в общем доказать «либеральную» национальную политику, а в частности и то, что закарпатские украинцы на самом деле — венгры. Мадьяризованные закарпатские украинцы, разумеется, ничего не имели против господствующего тогда воззрения, согласно которому как мы уже упоминали — венгры и закарпатские украинцы — братские народы, что закарпатские украинцы, так сказать, венгры, говорящие на русском языке, который через короткое время, в первую очередь, при помощи государственных школ, также изменится в венгерский язык. Поэтому, начиная с эпохи соглашения, с опаской избегают даже употребление обычного, находящегося в данную эпоху в ходу термина «рутен», вступившего на место термина «венгерский русин», и официальные источники говорят в общем об «униатских венграх», об «униатском народе» и т. д.

Мы видели несколько попыток, направленных представить парламенту национальные требования. Однако, вследствие вмешательства властей эти попытки не увенчались успехом. Но не так обстоит дело на другой стороне! Та же землинская жупа, которая препятствовала тому, чтобы национальные требования закарпатских украинцев попали в парламент, принимает резолюцию в национальном вопросе, и представляет ее в надлежащее ведомство. Жупа и г. Прешов совместно формулируют свою позицию в национальном вопросе. В качестве исходной точки они выбирают проект подкомиссии парламента 1865 г., подвергая его резкой критике. Факт, что этот проект предусматривает каждые три года возможность перевыборов местных управлений (определение их языка), он нарушает единство государства, причиняет расходы, и сам содействует образованию национальных партий.

Ведь народ не слушает заграничных подстрекателей, а довольствуется использованием родного языка в сельских, церковных, школьных, семейных и частных делах. Итак они просят властей решить проблему так, чтобы «обеспечить наше (венгерское) национальное и государственное существование и политическое единство родины». Если венгерский язык не был бы муниципальным языком, то создалось бы многоязычное государство, «которое хотя и могло быть короткое время свободно, и даже процветать, но ни в коем случае не было бы венгерским». Однако, в подчиненных муниципальных ведомствах следовало бы разрешать употребление родного языка. Поэтому венгров нельзя обвинять в мелочности.¹

Естественно, что официальный земплинский взгляд одержал победу, потому что он выразил воззрения венгерских господствующих классов. Однако, закон о национальностях 1868 г. дал еще меньше земплинской жупской комиссии, и — что еще важнее — не осуществил и то малое, что закон разрешил в области национальных прав. Под покровительством этого закона (его можно было использовать в целях пропаганды) венгерская буржуазия и помещики продолжали национальное угнетение, обладающее долгим прошлым. Благодаря сравнительно стабильным внутренним условиям и благоприятному положению внешней политики, это наступление достигало все больших результатов, и в венгерской общественности мало помалу распространялась мысль о тридцати миллионной венгерской нации. Впервые ее высказали во время тысячелетней годовщины занятия страны венграми (1896), но по существу она возникла уже в предшествующие десятилетия. Магьяризация и, в первую очередь, магьяризация быстрого темпа, была существенной заботой всегдашних правительств, чиновников жуп и т. д. Темп здесь, собственно говоря, определяется помещичьим классом, который связывает магьяризацию со своими собственными классовыми интересами. Эксплуатация миллионов крестьян национальностей не может быть безразличной для них. Факт, что они венгры, — по мнению помещиков — связывает господствующий класс с эксплуатируемым классом, и это уменьшает общественные противоречия. Национальные движения всегда социального направления, и если удастся магьяризовать национальности, то это будет означать укрепление господствующего общественного строя. Поскольку это мнение ошибочно — кажется не следует особо подчеркивать.

Итак, можно сказать, что национальный вопрос в связи с закарпатскими украинцами до первой мировой войны не был выдвинут в такой форме, как это наблюдалось у остальных национальностей Венгрии. Теперь достаточно уже принимать несколько полицейских мер, чтобы прекратить все попытки такого рода. Каждое звено, каждый член государственного аппарата

¹ Гос. Арх. Венгрии. М. Е.—1867 — I. b—156/1830, 2003

наблюдает за национальностями, и малейшее подозрительное явление вызывает тщательное внимание и поднимает шум.

В 1880 году земплинский наджупан возмущается уже и потому, что в закарпатско-украинских школах дети здороваются, говоря «слава». Это, разумеется, сразу квалифицируется панславистским движением и напрасно объясняют священники, что это приветствие отчается венгерскому «*discé-tessék*», латынскому «*laudetur*». По мнению наджупана это означает на украинском языке «похвалени» и объяснение священников неправильно. Само собой разумеется, что священники правы, и слово «похвалени» — это словацкое выражение (на данной территории жители говорят на переходном словацко-украинском диалекте). В конце концов священникам запрещают пользоваться словом «слава».¹

Следующий случай отражает напряженное внимание и повышенную нервозность господствующего класса. Министр внутренних дел получил конфиденциальное донесение, согласно которому на жупских выборах, состоявшихся 11 ноября 1880 года, в избирательных округах Ёрдарма и Капош, Ужской жупы, «вместо прежних господ депутатов избрали совершенно простых лиц». Забаллотировали Жигмонда Берната, известного депутата девяти парламентов, и окружного судью Бела Чука. «После таких фактов, главным образом, если они часто повторяются, весьма возможно, что и другие лица добровольно покинут политическую арену, которая и так, по большей частью уже находится по праву *viriliz* в руках . . . евреев.»²

Последствия таких случаев заставили правительство лучше организовать выборы их кандидатов, которые всегда были члены господствующего венгерского помещичьего класса, избирались какими бы то ни было средствами. Выборы проводились в атмосфере открытого террора, взяток, антисемитской пропаганды и последующих реторсий, и еще десятилетиями обеспечивали посты депутатов, и жупских чиновников венгерским помещикам, или же их кандидатам: захудалым, уже не владеющим землей бедным родственникам.

В вышеупомянутом случае, к сожалению, неизвестно кто эти избранные кандидаты, но кажется вероятным, что они не были закарпатские украинцы, так как в противном случае в донесении уже наверно стояла бы пара слов о «панславизме».

Относительно состава оппозиции, имеются конкретные сведения в связи с ужгородскими выборами 1867 года. Дело в том, что Кальман Кандо по причине своего назначения в советники министерства, отказался от мандата. «Знатная интеллигенция» жупы хотя и приняла позицию за его новое избрание в депутаты, но «реакционная» партия, состоящая из униатского и

¹ Гос. Арх. Венгрии. В. М. еln. 1232/1880.

² Гос. Арх. Венгрии. В. М. еln. 1986/1880.

католического низшего духовенства, из чиновников камеры и лесоправления, аптекарей и преподавателей ужгородской главной гимназии, приняли всевозможные меры в интересах избрания молодого адвоката Гезы Мочари (Mocsáry Géza). «Это были факторы, которые, подстрекая окружных и городских низших избирателей, обремененных долгами и обанкротившихся мастеров и сброд . . . против правительства и аристократии с лозунгами „долой господ“, „да здравствует демократия“, пытались унижить это священное право народа в настоящее восстание».¹

Грубый тон и взгляды донесения хорошо характеризуют воззрение правящих кругов в связи с выборами. А ведь здесь и речи не было о национальном вопросе!

Наджупан предложил увольнение дисциплинарным путем чиновников, принимавших участие в «злоупотреблениях при выборах», притом в такой форме, чтобы причина этого решения не выяснилась. Следует найти недостатки в их работе, и на этом основании уволить их.

Факт, что Министерство народного просвещения перевело на этом основании всего лишь одного преподавателя, но мы не знаем что случилось в остальных заинтересованных министерствах. Вероятно, там последовали советам наджупана.

Исследуя состав оппозиции мы отмечаем, что здесь в первую очередь, идет речь о городской мелкой буржуазии, которой надоело господство помещиков, их родственников и клик. Только ссылка на роль низшего униатского духовенства показывает, что в оппозиционном движении участвовали и национальные элементы. Их вес и роль мы не можем оценить. Несомненно, что руководство было в руках венгерской мелкой буржуазии, и закарпатско-украинские священники лишь тайно поддерживали их. При большей активности, безусловно выдвинулось бы обвинение в «панславизме» или руссофильстве.

До какой степени не надо было считаться с серьезным закарпатско-украинским национальным движением, выявляется из сводного донесения наджупана жупы Шариша из 1882 г. Прежде всего он излагает свое трудное положение, вытекающее из факта, что он — поселевец — не принадлежит к двум семейным кликам, с незапамятных времен управляющим жупой. Затем дает описание условий жупы. В общем он рассматривает положение удовлетворительным, и отмечает лишь два отрицательных явления: эмиграцию и организованное движение по мадьяризации, имеющее весьма вредные последствия. В общем условия удовлетворительны, так как « . . . с одной стороны наш, как правило, усердный, бедный словацкий и русинский народ будучи уже по своей природе миролюбивым, спокойным, послушным, совершенно свободным от склонности к придиричivosti, и в общем и целом

¹ Гос. Арх. Венгрии. ВКМ. 1867. III. 10 t. 5601.

неиспорченным вследствие патриархальных отношений, общеизвестно существовавших с давнейших пор не только между помещиками и бывшими крепостными, но и между местной интеллигенцией и народом в северном краю нашей родины, и в частности в Шаришской жупе, тщательно поддерживаемых и в настоящее время со стороны разумных людей, еще и в настоящее время преимущественно питает доверие к своим прежним помещикам и их потомкам, к священникам и местным господам начальникам, и они — можно сказать — уверенно руководят ими . . .», причем последние также стараются сохранить эти отношения. Епископы также способствуют этому, и таким образом «. . . везде в Северной Венгрии появляющиеся панславистские и русские национальные подстрекатели до сих пор вообще не имели доступа к католической и кальвинской части нашего словацкого народа, а также только к незначительной фракции униатской части населения (это закарпатские украинцы — Й. П.)».

Такая благоприятная, с точки зрения господствующего класса, обрисовка условий была лишь потому необходима наджупану, чтобы прежде всего стабилизировать свое собственное положение, а затем послужить основой сделанных им выводов: правительство обязано поддерживать дворянство!¹

Таким образом, по мнению шаришского наджупана, национальные движения не опасны. В этом то он хотя и прав, но совершенно ошибочен взгляд, согласно которому эти движения вызываются деятельностью подстрекателей.

Но не все наджупаны и исправники разделяли его мнение. Они постоянно пронюхивали и находили подстрекателей. Посмотрим, что донесли в этом деле министерству внутренних дел в 1875 г., которое на основании опубликованной в чешской газете статьи, посланной из Ужгорода, боится воскресения закарпатско-украинского движения.²

По мнению тогдашнего шаришского наджупана лишь несколько лиц представляют панславистское направление в жупе «. . . но тем серьезнее и глубже руссофильская тенденция закарпатских украинцев, которую следует особенно принимать во внимание ввиду того, что закарпатские украинцы составляют приблизительно одну треть жупского и городского населения, и эту большую массу, стоящую на низшей ступени образования, при случае, легко возможно довести до фанатизма противогосударственными подстреканиями, проводимыми под прикрытием религиозности». «Подстрекатели и приверженцы этого противогосударственного направления — члены униатского клира, исключительно представляющие наряду с несколькими адвокатами и чиновниками закарпатско-украинскую интеллигенцию, среди которых хотя и встречаются похвальные исключения, но в преобладающем

¹ Гос. Арх. Венгрии. В. М. еln. 1875 XIV. а. 1406.

² Там же.

большинстве они проявляют склонность к руссофильству.» После этого он называет несколько священников, — по его мнению — «самых опасных» представителей этого направления, и призывает внимание на прешовский семинарий, главный очаг этого направления.

Управляющий Ужской жупой поджупан подозревает кантора села Бекеня в панславистских махинациях, так как он абонент львовской газеты «Слово». По соглашению с почтмейстером тот посылает эти газеты поджупану, а некоторые номера переправляются им в министерство, чтобы их там прочитали, и если они ничего особенного не содержат, то он просит вернуть их обратно. По его мнению закарпатско-украинские священники ругают и совершенно отделяются от нового мукачевского епископа — И. Пастеля, считая его венгерским наемником.

Согласно марамарошскому наджупану в его жупе не наблюдается никакого движения, хотя имеется несколько лиц, которые радовались бы ему. Он посылает список абонентов русских газет его жупы. Из этого выявляется, что 35 лиц абонируют появляющуюся в Ужгороде газету «Карпат», в то время как 15 лиц абонируют галицийские газеты.

По донесению бережского наджупана в его жупе влияние Добрянского совершенно прекратилось и нет никаких движений.

Венгерские власти держат ухо востро и узнают о каждом волнении, о каждом незначительном событии, и предпринимают необходимые меры. Большую помощь оказывают при этом мукачевский и прешовский епископы, которые со времени соглашения приверженцы каждого венгерского правительства.

Так напр. прешовский епископ Миклош Товт в 1878 г. донес министерству народного просвещения, что из России присылают подстрекательские книги. Он считает такой книгой на пр. работу прешовского каноника Духновича об истории прешовской епархии, изданную в Санкт-Петербурге, также как и появившееся там же издание «Славянский Сборник» с этнографической картой славян, призывающий славян к сотрудничеству.¹

В 1879 г. по просьбе марамарошского наджупана перевели благочинного с. Ясини И. Романеца за то, что он проводил записки в метрическую книгу на русском языке и демонстрировал свой антипатриотизм.² В 1880 году препятствовали назначению священника с. Иза И. Раковского в каноники, потому что он был раньше сторонником Добрянского.³

Мукачевский епископ в обоих случаях благосклонно исполнил просьбу министерства.

В 1886 г. Министерство народного просвещения обращается через Общее министерство иностранных дел монархии к римскому папе, потому

¹ Гос. Арх. Венгрии. VKM. eln. 478 и 610/1878.

² Гос. Арх. Венгрии. В. М. eln. 3535/1879.

³ Гос. Арх. Венгрии. В. М. eln. 1986/1880.

что в мукачевском капитуле сидят, якобы, руссофильские священники, которые в своих изданиях употребляют тройной крест, и в литургии также внедряют православные обряды.¹

Почти каждый год встречаются случаи увольнения с должностей. В большинстве случаев это происходит на основании только подозрения. Так на пр. в случае Георгия Пирчака, учителя в селе Медведьювци, который был уволен с должности, потому что он получил по почте русские листовки, тогда как по мнению прокуратуры не было основания начать судебный процесс.²

Нельзя отрицать факта, что с наступлением девяностых годов, русская православная церковь начала определенную пропаганду среди закарпатских украинцев в интересах обращения в православие. Этой пропагандой руководили переселившиеся в Россию закарпатско-украинские священники. Они посылали по почте брошюры, преимущественно через американских украинцев и в них, разумеется, всегда подчеркивалось единство русского народа, а именно это обстоятельство, больше всего возмущало венгерские власти.

Рассмотрим одну из этих брошюр. Ее автором был закарпатско-украинский священник, Михаил Сарич, родом из села Маковица; напечатали брошюру в Петербурге в 1893 году, и он отправил ее всем своим знакомым по почте, а распространением занимались и американские закарпатские украинцы. Исследованный нами экземпляр попал в Венгрию именно из Америки.³ Его содержание следующее:

Закарпатские украинцы представляют собой неотделимую часть великой русской нации. Хотя государственные границы отделяют их друг от друга, но вера и литургия объединяют их. Затем дается исторический взгляд на прошлое, причем отделение славян друг от друга рассматривается как дьявольское дело римского папы, а также и немцев и венгров. Унию церкви он считает делом дьявольского папы и иезуитов. После отмены барщины господа должны были бы сами хозяйничать, но они ничего в этом не смыслили, так как всегда жили трудом народа. Поэтому они поручили свое хозяйство евреям, а сами занимаются политикой, и ломают себе голову над тем, как можно бы заново поработить народ. Господа размежевали свои земли от земель сел, и вместе с тем они распространили слухи, что барщина будет обложена не по числу лиц, а по величине наделов. Вследствие этого крестьяне, разумеется, объявили меньше земли, чем у них было на самом деле. Размежевание проводилось затем с помощью жандармерии, на основании этих переписей, то есть от крестьян отнимали их исконные земли, луга

¹ Гос. Арх. Венгрии. VKM. eln. 1978/1887.

² Гос. Арх. Венгрии. VKM. eln. 1787/1892.

³ Гос. Арх. Венгрии. М. Е. 1902. ХХIII. 638, 852, 1436, 1590, 1895. Подлинник брошюры исчез из связки актов и таким образом мы могли пользоваться лишь точным венгерским переводом, изготовленным судебным присяжным переводчиком.

и пастбища. Одновременно начали с помощью униатских священников истреблять из сердца народа все, что было русским. При помощи иезуитов и еврейских купцов начали следить за каждым словом русского человека. Запретили закупку дров из помещичьих лесов, не разрешали употребление пастбищ, преследовали русских в школах, иногда даже заключали их в тюрьму, и прогоняли их из родины. Однако, господа не нажились, ибо вместе с народом и сами обеднели. Их имения перешли в руки евреев, а они принуждены работать за какие-нибудь 25—30 форинтов в канцеляриях.

Брошюра рисует идеальную картину о временах до отмены крепостного права, которое автор пережил в своем детстве. Однако, вернувшись после двух лет по окончании своего образования на родину, он нашел у старого, богатого, довольного, свободного русинского народа лишь остатки прежнего богатства. Дома в руинах, или в руках евреев, сады заброшены или уничтожены, луга присоединены к помещичьим землям и т. д. и т. д. Все, что было 10—20 лет тому назад — как бы в воду кануло. Положение безвыходное, народ должен эмигрировать. Враги народа, господа отняли их древние исконные земли, леса и пастбища. Их помощники и друзья — это униатские священники, евреи и австро-венгерские власти.

Все это, разумеется, божье наказание, потому что закарпатские украинцы отвергли веру своих предков. Необходимо вернуться в православие. Брошюра излагает затем необходимые, связанные с этим сведения и призывает народ к действию против униатских священников. Заканчивается же она словами: «Вы все, милые братья и сестры, носящие православные имена, не забывают, что принадлежите к великому русскому народу, господствующему над одной шестой частью всего мира, что русская нация представляет самую мощную империю мира, голова которой всемогущий царь, от его слова зависит судьба народов, и перед ним дрожит весь мир.»¹

Подобный ход мыслей содержит и брошюра, напечатанная в Вене в 1894 г.²

Мы не хотим преувеличить действие этих брошюр и русской православной пропаганды, однако, нет сомнений, что они до определенной степени способствовали движению, названному «схизмой», которым мы подробно займемся в дальнейшем. Однако, действие этих брошюр проявляется только в первые годы XX века, и его можно выявить лишь в отдельных случаях, так как венгерские власти успешно препятствовали их распространению.

По мнению венгерских властей серьезных национальных движений, по настоящему, и не было среди закарпатских украинцев. Подобного мнения придерживалось также и Общее министерство иностранных дел, которое, на основании конфиденциального донесения, сообщило венгерскому пре-

¹ Цитат переведен на русский язык из точного венгерского перевода.

² Где треба искати правду.

мьер-министру, что, согласно галицийским украинцам, пропаганда среди закарпатских украинцев не поладает на плодородную почву. По донесению одного из агентов галицийского украинского общества, закарпатские украинцы еще долгое время не будут причинять неприятностей венграм, но, с другой стороны, и мадьяризация также не будет успешной. Всего лишь 12 украинских священников заказали русские журналы из Галиции, но в руки народа их дали только отобранно. По мнению этого агента, в случае австро-венгерского конфликта закарпатские украинцы стояли бы на стороне Австрии, но так как такого конфликта нет, то украинцы верные подданные. Молодые закарпатско-украинские священники уже воспитаны в венгерском духе, и не понимают народа. Народное образование в Венгрии сильно хромает, так как получившие свое образование в венгерских школах закарпатско-украинские учителя, во избежании подозрения агитации, ограничиваются обучением венгерского политического катехизиса.¹

А ведь львовский агент был прав. Дело народного образования действительно хромало в Венгрии, но не по названной им причине.

Согласно донесению марамарошского школьного инспектора от 1871 года,² в жупе было всего лишь 185 школ, из которых 2 муниципальные, а остальные церковные. Только 37 из посещенных им 167 школ соответствуют требованиям в отношении числа учеников. Только 5861 из 16853, подлежащих обязательному обучению детей, посещают школы. На двух местах причиной является расстояние, а на 9 местах то «... что жители вследствие гнетущего материального положения зимой не снабжают детей надлежащей одеждой». Кажется вероятным, что положение обстояло так не только на 9 местах, а в преобладающем большинстве закарпатско-украинских сел. Да, если и были бы в достаточном количестве и в соответствующей величине школы, то и тогда посещали бы их не все закарпатско-украинские дети.

В данную эпоху в этих церковных начальных школах язык обучения был преимущественно русский. Нападение против русских школ началось лишь к концу столетия, при учреждении государственных школ.

Но не так обстояло дело в ужгородской гимназии. В 1880 году русский язык объявили необязательным предметом и даже закон божий преподавался по венгерски. Дело прошло негладко, ибо консистория протестовала, и протокол расследования установил виновность нескольких преподавателей в преследовании русского языка. Однако, все это не увенчалось успехом, ибо русский язык был совершенно оттеснен на задний план.³

Венгерское правительство уже раньше считало венскую духовную семинарию Барбареум панславистского направления, и начиная с 1873 года

¹ Гос. Арх. Венгрии. М. Е. 1893. II. kútfő № 203 и 1123.

² Гос. Арх. Венгрии. VКМ. 1871. II. 18/9380/22056.

³ *Бескид*, Попрадов. «Карпатский Свет». т. II, 1929, стр. 414—417.

семинаристов посылали для высшего образования исключительно в Пешт или в Эстергом.¹

Дело общества св. Василия весьма характерно для условий данной эпохи. Это общество было разрешено еще в 1864 году советом наместничества. Оно создано по инициативе группы Добрянского.²

Целью общества св. Василия было редакция, составление, издание и распространение школьных и прочих полезных книг на русском (в подлиннике «русский язык», в автентичном венгерском переводе «*gorosz* язык) и на венгерском языках. Под «русским» языком в этом случае без всякого сомнения следует подразумевать великорусский язык. Общество состояло из сторонников Добрянского, согласно которым закарпатские украинцы не нуждаются в особом литературном языке, а они должны пользоваться великорусским языком. Первые издания общества появились, на самом деле, на великорусском языке.

Общество основали, собственно говоря, лишь в 1866 году, и председателями были избраны Адольф Добрянский и Иван Раковский. Оба были сторонниками великорусского направления. До 1871 года обоих председателей избирали каждый год заново. Общество не развернуло большой активности, оно издало всего четыре календаря, одну всемирную историю в двух томах, один учебник по географии, и книгу арифметики на великорусском языке. Язык изданий, и главным образом содержание всемирной истории и географии не понравились венгерским властям, и новому ужгородскому епископу, Панковичу, который запретил употребление данных учебников в своей епархии.

Мукачевский епископ, по инициативе министерства решил роспуск общества, или по меньшей мере его реорганизацию. Последнее и удалось, поскольку при выборах общества в 1871 году «на должности председателей общества избрали патриотических лиц правительственной партии, обладающих трезвыми политическими принципами, именно в 1871 году советника министерства внутренних дел А. Негребецкого и каноника Эдэна Бачинского,

¹ См. там же стр. 411.

² Здесь следует дать краткое объяснение выражений: «русинский» и «русский» язык. Мы пользовались до сих пор попеременно выражениями «русинский» и «русский», во избежании недоразумений. В наших источниках, однако, попеременно встречаются выражения «рутенский» и «русский» язык. Значение этих выражений различное в отдельных языках. Даже для закарпатских украинцев значение этих выражений не было ясным. В нижеследующем мы постараемся вкратце уяснить различные значения данных слов.

В венгерских источниках под выражением «*gorosz nyelv*» следует подразумевать *русинский* язык (прежде всего в произведениях, появившихся до 1867 года) или же *великорусский* язык. Значение следует определять в каждом случае отдельно. В немецких источниках под названием «*ruthenische Sprache*» следует подразумевать всегда русинский язык в Венгрии или Галиции, то есть украинский язык, в то время как «*russisch*» или «*russische Sprache*» обозначает великорусский язык. Положение более запутано в русинских источниках. Здесь под термином «русский язык» или его вариантами можно подразумевать как великорусский, так и русинский язык, в зависимости от позиции автора. Значит, в случае русинских текстов следует, чтобы определить точное обозначение выражения, в каждом случае иметь в виду позицию, принятую автором в вопросе языка.

а в 1872 г. директора государственного имения Г. Маркоша и титулярного каноника Ю. Фирцака.

Начиная с этого времени деятельность общества постоянно ослабевала, что обуславливалось стремлением епископа во что бы то ни стало распустить общество. Несмотря на это, общее собрание общества в 1873 году высказалось за необходимость существования общества, «избрало на должности председателей патриотических лиц партии Деака» и вменило обществу в обязанность способствовать делу народного воспитания. Ежедневная газета «Карпат» является представителем направления общества. По мнению вице-председателя общества, каноника Даниловича, одной из главных заслуг общества было «... что фракции партии Добрянского, порвав со своими старыми принципами мало помалу прилаживались к кругу общества умеренного и патриотического духа, где их убеждения выясняются, их литературная деятельность направляется в правильное русло, благодаря чему вредоносные принципы Добрянского в нашем краю становятся невозможными для будущего». Он же призывает внимание правительства на факт, что полмиллиона закарпатско-украинского народа нуждается в учебниках, и что издание учительской газеты также не ведет к цели, ибо редакторы после начальных экспериментов перешли к такому диалекту, которого закарпатские украинцы не понимают. В области народного образования обществу предстоит решение крупных задач, но их осуществление возможно лишь при систематической ежегодной субвенции со стороны правительства.

Однако, из государственной субвенции ничего не вышло. Общество было слишком подозрительным, чтобы получать деньги от государства. И следовательно, как высланная в 1902 году Министерством внутренних дел комиссия установила, интерес к обществу со времени вытеснения партии Добрянского уменьшился, и оно, с 1881 года, давало знать о себе лишь тем, что отдельные лица издавали под его именем календари и песенники. Затем, в 1895 году, когда из избранного на последнем общем собрании состава чиновников остался в живых только Д. Гебей, 42 члена собрались и заново основали общество. В 1896 году, вопреки нападений Е. Меллеша, они высказали реорганизацию общества и это было принято к сведению Министерством внутренних дел. Согласно донесению делегированной поверочной комиссии нет доказательств, подкрепляющих выдвинутые против руководителей общества обвинений в антипатриотизме. По мнению комиссии роспуск общества не желателен, так как вызвал бы большую реакцию. Комиссия не соглашается с мнением, что закарпатско-украинское духовенство поддерживает связи с русскими панславистскими обществами. Наконец епископ Фирцак взялся за роспуск общества, что и случилось в 1902 или 1903 году.³

³ Относительные акты см. Гос. Арх. Венгрии. VKM. 1869. II. 3 t. 2159; VKM. 1870. II. 3 t. 1564, 3513; 1871. II. 3 t. 25247; 1871. II. 3 t. 6521; 1871. II. 4 t. 25124; 1873. II. 8 t. 25247; В. м. 864/1874 (XIV. 1. связка); VKM. eln. 4095/1902.

На полное ослабление закарпатско-украинских национальных движений указывают выборы 1884 года, в связи с которыми уже нигде не было выдвинуто обвинение, что закарпатские украинцы поддерживают национальных лиц. Таким образом не изумительно, что правительственному аппарату везде удалось добиться избрания представителей правительственной партии, которые во всех случаях были венгерскими помещиками. Характерно, что даже все кандидаты в депутаты оппозиции были венграми, и в большинстве случаев — помещиками.¹

Компликации возникли лишь в Марамароше, в жупе со смешанным украинско-румынским населением, сущность которых сводится согласно наджупану Яношу Лоньяи к нижеследующему:

В данной жупе два кандидата правительственной партии были забаллотированы на выборах против председателя коллегии адвокатов и директора Марамарошсигетского банка, Петера Якаб и против Петера Михальи, румынского национального депутата.

По мнению наджупана Якабу помогли прежде всего взятки и прекращение кредита. Он, якобы, платил 10 филлеров за голос, и тем самым — согласно наджупану — впервые применил взяточничество в жупе. Угрозой же прекратить кредитование еврейским торговцам он тоже добился нескольких голосов.

Избрание же Михальи удалось благодаря румынским священникам и учителям, которые сумели активизировать румынских избирателей.

Донесение наджупана² рисует нам интересную картину о марамарошских условиях, и проливает свет на национальную политику одной части венгерского господствующего класса.

Согласно наджупану, евреи жупы были готовы пойти на жертвы в интересах поддержки правительства и это подтверждает его убеждение, что «венгерские государственные интересы всегда найдут в евреях верных и весьма полезных сторонников против национальностей». Он надеется, что с помощью государственных школ еврей жупы, начисляющие 33 тысячи человек, в близком будущем мадьяризуются, «причем 24 тысячи интеллигентных и имущих венгров, соединяя свои силы с евреями, всегда будут господствовать над 60 тысячами румынов, особенно вследствие того, что русинский народ, живущий во большей частью на казенных территориях, как это наблюдалось на сигетских выборах, с таким беспримерным доверием и преданностью слушались живущих среди них королевских лесничих, что, напр., русские избиратели из села долины Тисы устояли даже против денежного подкупа членов партии Якаб». «Замечательные и в другом отношении

¹ Относительно выборов в Бережской и Ужской жупах см. Гос. Арх. Венгрии. В. М. еп. 2525/1884.

² Там же.

королевские лесничие и горные служащие в Марамароше самые воодушевленные миссионеры венгерских государственных интересов, и покупка крупных общинных и смешанного владения лесов со стороны государства окажется не только с точки зрения лесоводства, но и в интересах венгерского дела весьма полезной.»

Позиция наджупана Лоньяи представляет точку зрения венгерского помещичьего класса в национальном вопросе. Успех мадьяризации евреев он считает несомненным, так как их дети посещают венгерские школы, а затем на основании принципа *divide et impera* можно обеспечить господство «имущих», находящихся по численности в меньшинстве венгров над румынами; это не трудно провести, так как составляющий большинство жупы закарпатско-украинский народ политически не играет роли, ведь им руководят венгерские лесничие и горные служащие.

«Идеальная» картина, нарисованная им о закарпатских украинцев, разумеется, далека от действительности. Закарпатские украинцы не добровольно слушаются лесничих, а уступают насилию. Вырубка леса в казенных лесах была для закарпатских украинцев жизненным вопросом. Работа же зависела от лесничих, которые, разумеется, использовали свое положение также и при выборах. Если закарпатско-украинцы на открытых голосованиях не голосовали за правительство, то они не получали больше работы. Вот в чем состояло магическое действие лесничих и горных служащих на закарпатских украинцев.

Положение затрудняется обстоятельством, что русинское общество все еще не обладает таким руководящим классом, который выступил бы за национальные интересы, организовал и повел бы закарпатско-украинское крестьянство — может быть совместно с румынами — на борьбу против венгерских господствующих классов. Слабый и разномастный закарпатско-украинский руководящий слой не единоклюбен; большинство поддерживает правительство, чтобы обеспечить себе несколько должностей. А немногие буржуазные интеллигенты и деревенские священники, которые ясно видя положение и существующие проблемы, готовы были выступить за украинское национальное дело, окруженные шпионами и находясь под постоянным наблюдением, не были в состоянии найти друг друга и приступить к серьезному действию. Будучи приверженцами великорусского направления, они и за границами страны не находят необходимую поддержку, так как в Галиции в то время уже победило украинское направление. Русинские факторы Венгрии единогласно отвергают попытки сближения украинцев и предпочитают устраниваться от дел, заниматься аполитичной литературой, несмотря на отсутствие какого-либо успеха, ибо написанные на великорусском языке произведения не встречают отклика в кругу, говорящем на украинском языке, народа.

Положение прекрасно характеризуется одним из представителей галицийского буржуазного национального направления, в статье, написанной об отношениях между венгерским и галицийским украинцами.¹

Гнатюк сообщает, что связи между венгерскими и галицийскими украинцами (он имеет в виду прежде всего литературные связи) существовали лишь до соглашения 1867 г. Начиная с этого времени они значительно ослабевают вследствие вмешательства венгерских властей. Отдельные факторы старого великорусского направления еще сохраняют до начала восьмидесятых годов свои связи с галицийскими друзьями, но после этого все прекращается. Внедрением венгерского языка в школы обучение галицийских украинцев в Венгрии или закарпатских украинцев в Галиции делается невозможным.

При продвижении в Галиции украинского направления связи прекращаются. Галицийские «народовцы» (либеральная галицийская буржуазная партия) не заботятся об украинцах в Венгрии. Во второй половине семидесятых годов попытки Драгоманова, направленные на оживление связей, также остаются безуспешными. Закарпатские украинцы поверили утверждениям австрийских властей, что Драгоманов якобы анархист, и не стали с ним говорить.

До середины девяностых годов все попытки сближения остались безуспешными. Пожилые закарпатские украинцы объясняли свою нерешительность страхом перед венграми, а молодые воспитывались уже в венгро-фильском духе, и не испытывали нужды в галицийских связях.

Гнатюк затем приводит несколько выдержек из писем, освещающих точку зрения пожилого поколения закарпатских украинцев в отношении украинского направления в Галиции. Так, согласно священнику с. Чертежа, Ставровского—Попрадова, одному из выдающихся закарпатско-украинских литераторов, украинская партия в Галиции чрезмерно радикальная, противоцерковная, ослабевает русский народ, пишет на непонятном языке, и — что важнее всего — друг поляков. По мнению Ставровского, русины Венгрии осуждают данное направление.

Можно сказать, почти подобные взгляды излагает священник Ев. Сабов, также литератор. Сабов считает украинский язык львовского общества Шевченко непонятным, выступает за великорусский язык и объявляет, что в Венгрии нет такого украинца, который поддерживал бы это направление. Такого же мнения придерживается и Силвай (Метеор Уриел).

Вот представители старого поколения. Но у молодежи дело обстоит иначе. Из их писем выявляется, что они принимают позицию за украинский язык, предпринимают все возможные меры, чтобы предоставить русинам

¹ Вл. Гнатюк, Причинок до исторії зношин Галицьких и угорських Русинів. «Лит.-наук. вістник». Львів 1899.

Венгрии написанную на украинском языке литературу. Согласно молодому поколению, основным препятствием поднятия уровня образования народа является факт, что нет украинской литературы. Существующая литература написана на великорусском языке, и следовательно недоступна народу. Гнатюк считает самым активным и одаренным членом молодого поколения украинцев Г. Стрипского, который занимается идеей составить украинский словарь, и поддерживает постоянные связи с галицийскими украинцами и т.д.

Статья Гнатюка освещает точку зрения закарпатско-украинской интеллигенции. Ставровский, Сабов и Силвай, все три литератора, принадлежащие к поколению до борьбы за свободу, пропитаны славянофильскими идеями, и считают себя прежде всего русскими. По их мнению литературным языком закарпатских украинцев может быть исключительно великорусский язык, славящийся великими и ценными литературными произведениями. Все три консерватора не понимают украинского литературного движения, но и не имеют желания постигнуть его.

После длительной борьбы украинское направление одержало победу в Галиции, причем оно под руководством Ивана Франко является представителем прогресса как в области литературы, так и в политическом отношении. Благодаря Франко, в украинскую литературу проникает утопический социализм, на первый план выдвигаются общественные проблемы, и их радикальное решение путем революции.

Закарпатско-украинские священники — только они занимаются литературой — ввиду своего классового положения относятся вначале с подозрением, а затем с открытой ненавистью против украинцев. Напр., Ставровский квалифицирует их врагами церкви! Однако, этого еще не достаточно, в церквях объявляют украинцев «сторонниками дьявола». Для русинских священников Венгрии царская Россия является образцом, и употребление великорусского языка в этом случае связано с их социальными взглядами.

К концу столетия большинство закарпатско-украинского духовенства уже было мадьяризовано, вопрос языка уже не означал для них проблемы. А старые руссофилы вымирали, и не представляли серьезной силы.

Упомянутые Гнатюком молодое поколение же, во главе со Стрипским, колебалось, не будучи истинными «украинцами» ни в языковом, ни в общественном отношении. Правда, что ввиду отсутствия литературы и исторических данных, мы еще не можем принять окончательной позиции в этом вопросе, но кажется вероятным, что между молодой генерацией украинской партии и венгерским правительством существовали определенные связи. Эти украинцы хотели принять один из местных диалектов в качестве литературного языка, и это соответствовало тенденции венгерского правительства, предпринимавшего все меры в интересах того, чтобы закарпатско-украинские издания появлялись не на русском литературном языке. Венгерское правительство рассматривало пишущих на русском языке закарпатских украинцев

всегда подозрительными, обвиняло их в руссофильстве и тенденциях отложения. Только позиция Стрипского нуждается еще в выяснении, так как впоследствии он опубликовал свои произведения на украинском литературном языке, т. е. принял украинский язык. Однако, его хорошие отношения к венгерскому правительству нуждаются еще в дальнейших исследованиях.

На общее состояние закарпатско-украинской литературы и в частности — журналистики, указывают следующие данные.

После «Церковного Вестника» последовала большая пауза в области закарпатско-украинской периодической печати. Общество св. Василия начало свой еженедельный журнал, «Свет» в 1867 году. Однако, вследствие русского языка и статей, выпадающих против мукачевского епископа, этот журнал уже в 1871 году реорганизовался под названием «Новый Свет». Но, ввиду полного отсутствия заинтересованности, журнал уже к концу 1872 года прекратил появляться.

После нескольких частных инициатив, реорганизованное общество св. Василия начало издать в 1872 г. еженедельный журнал под названием «Карпат», язык которого была смесь церковно-славянского и великорусского языка. Между тем венгерское правительство издавало «Газету для народных учителей» на русинском языке (на великорусском и в течение двух месяцев на народном языке), к которой министерство земледелия издавало приложение.

За период от 1885—1903 гг. ужгородская газета «Листок» представляла закарпатско-украинскую литературу на великорусском языке. Число абонентов постоянно уменьшалось именно по причине языка, особенно после того, как 1897 года общество св. Василия публиковало еженедельный журнал «Наука», написанный на народном языке. «Наука», и наряду с этим журнал «Неделя», также написанный на народном языке, изданный Министерством земледелия, означали решающий поворот. Исчезло великорусское направление и на его место вступило поддержанное венгерским правительством народное направления.¹

Относительно издания закарпатско-украинских книг мы не располагаем особым исследованием. Однако, без всякого сомнения можно установить, что на «русинском», то есть на русском языке появилось ничтожное количество произведений. Все это указывает на успех мадьяризации. Закарпатско-украинская интеллигенция и мелкая буржуазия научились в школе венгерскому языку, читали венгерские газеты и венгерские книги. Массы закарпатско-украинского народа же вообще не читали, ибо либо не умели читать, либо не понимали написанных на великорусском языке произведений, которые, кроме того и не занимались проблемами, интересующими

¹ Bőör György, Ук. соч.

народ. В Венгрии произведения на русском языке, занимающиеся политическими или общественными проблемами не публиковались в данную эпоху, а галицийские издания подобного содержания не попадали в руки народа. Таким образом для закарпатско-украинского народа образование стало недоступным. Закарпатско-украинских детей заставляли в государственных школах выучивать несколько венгерских предложений, они ознакомились с латинскими буквами, но серьезного образования не получали. В результате едва-ли можно было найти в Европе такой глухой уголок, где народ жил бы в таком глубоком невежестве, как в Закарпатье.

Резюмируя, можно установить, что эпоха соглашения означала для закарпатских украинцев как в общественном, так и в национальном и культурном отношении застой. Экономическое положение ухудшилось, эмиграция приняла огромные размеры, национальное угнетение усилилось и не проявлялось и минимального повышения культурного уровня. Как венгерское правительство, так и руководящий слой закарпатских украинцев считают положение невозможным и начинается эпоха принятых на вид мероприятий, когда стараются государственной деятельностью помочь экономическому положению закарпатских украинцев, чтобы предотвратить начало революции, которая неустойчиво должна наступить. Государственные реформы, разумеется, только принятые на вид меры, ибо они не решают основную проблему: земельный вопрос. Мы имеем дело с грандиозной попыткой — бросить пыль в глаза — направленной, между прочим, на прекращение или же уменьшение национальных противоречий. Дело в том, что закарпатско-украинские крестьяне ненавидели существующий общественный строй, господ и ростовщиков, и это было для господствующих классов постоянной, непрерывной проблемой. Исключительно на основании существования и обострения данной проблемы можно объяснить «русинскую акцию» и прочие правительственные распоряжения.

В начале XX века

Конец XIX века обозначает перелом всемирно-исторического значения. Наступила эпоха империализма и эпоха пролетарских революций. В нижеследующем попытаемся показать происшедшие в эту эпоху перемены в закарпатско-украинском обществе.

И в первых главах мы занимались развитием закарпатско-украинского общества, изменениями в поземельных отношениях и прогрессирующей, параллельно с этим, общественной дифференциацией. За неимением, однако, подробной статистики, мы естественно, могли построить эти установления лишь на разбросанные данные и вследствие этого наша картина представляется столько в общих чертах.

В конце столетия положение меняется, публикуются регулярные статистические данные, которые, хотя и не всегда соответствуют нашим целям, не во всем отвечают требованиям, однако, с надлежащей критикой представляют возможность успешного использования.

На основании данных переписи 1910 г. и других статистических отчетов мы попытаемся нарисовать в дальнейшем поперечный разрез закарпатско-украинской общества, всюду показывая на изменения и на ход развития. Наши данные относятся к Ужской, Бережской и Марамарошской жупам, где жило преобладающее большинство украинского населения.

В первую очередь посмотрим распределение занятий в названных жупах: на пр. в Ужской жупе — из 162.089 жителей — 112 482 (69,4%) занимается сельским хозяйством. Горное дело, металлургия, промышленность, торговля и сообщение, вместе предоставляют лишь 31 349 (19,3%) возможность существования, тогда как другие занятия распределяются в маленьких пропорциях на остальных жители. Если же мы рассмотрим распределение занятий только среди закарпатских украинцев, то нашим глазам представляется следующая картина.

Из 61 711 украинцев — 54 775 (88,7%) земледельцы, 2754 (4,46%) ремесленники, 128 (0,2%) купцы и т. д. Соединив 3 жупы в процентуальной таблице, получается:

Жупа	Земледельцы		Ремесленники		Купцы	
	Среднее жупы	Украинцы	Среднее жупы	Украинцы	Среднее жупы	Украинцы
Ужская	69,4	88,7	12,9	4,46	3,7	0,2
Бережская ..	70,5	88,8	11,8	3,9	4,4	0,3
Марамарош- ская	69,1	89,2	9,5	4,7	4,6	0,88

Возможно предъявить возражения в связи с данными венгерской переписи относительно пропорции национальностей, но нет причины сомневаться в данных, относящихся к распределению занятий. Если бы мы увеличили количество закарпатских украинцев, приведенные процентуальные числа едва бы изменились, значит мы можем опираться на эти цифры.¹

Пока достаточно отметить, что цифры представляют нам картину невероятно отсталого общества. Сопоставление относящихся к закарпатским украинцам данных с общей сложностью жуп, т. е. со сводкой относительно венгров, немцев (евреев), показывает, что закарпатско-украинское общество на много меньше развито венгерского общества.

Если мы обдумаем, что эти численные данные содержат в себе и иждивенцев, значит членов семьи, глава которой имеет это главное занятие, тогда нам нужно установить, что почти нет ремесленников среди закарпатских украинцев, торговца же найти так трудно как белую ворону. Ввиду того, что в исследованных жупах больше 60% ремесленников работают без подмастерья, то представителями закарпатско-украинских ремесленников являются лишь несколько сельских кузнецов, портных и сапожников, тогда как сельские лавочники играют роль купцов.

Все это показывает, что никак нельзя говорить, в полном смысле слова, о закарпатско-украинской буржуазии. К вопросу же сельской буржуазии мы вернемся позже.

Приведенная таблица содержит лишь общие данные и не применима для заключения из нее существенных выводов относительно структуры закарпатско-украинского общества. По этой причине мы составим теперь другую, более подробную таблицу, также на основании данных переписи 1910 г., которая еще яснее осветит тогдашнее положение.²

¹ Эти цифровые данные были составлены нами на основании статистических отчетов. Позже мы нашли официальную сводку (*Les négociations de la paix hongroise. Budapest 1920, т. IIIа, стр. 398*), данные которой показывают малое отклонение. Объяснение, на чем оно основывается мы, в настоящее время, дать не можем, и поэтому придерживаемся собственных исчислений.

² Эти числа были составлены из таблиц *Magyar Statisztikai közlemények. Új sorozat. Т. 56. стр. 436 и след.*

Распределение землевладения и занятий в Бережской, Ужской и Марамарошской жупах (специализировано по зарабатывающим) на основании отчетов переписи 1910 г.¹

Жупы		Венгры	Немцы	Словаки	Румыны	Украинцы	Евреев всего
Помещики свыше 1000 к. х. ²	Бережская	13	—	—	—	—	(5)
	Ужская	7	—	—	—	—	(4)
	Марамарошская	10	13	—	4	1	(10)
Помещики от 100—1000 к. х.		103	19	—	—	3	(58)
		49	8	3	—	1	(30)
		49	179	—	122	52	(187)
Арендаторы свыше 100 к. х.		73	1	—	—	—	(68)
		11	7	2	—	—	(16)
		—	5	—	1	—	(5)
Землевладельцы от 50—100 к. х.		240	66	—	—	33	(124)
		164	20	26	—	—	(41)
		143	182	—	521	333	(190)
Землевладельцы от 10—50 к. х.		4474	1238	45	—	4292	(557)
		3213	197	3203	—	2291	(283)
		1298	1158	—	8038	10120	(1118)
Землевладельцы от 5—10 к. х.		4078	1266	104	—	10237	(1028)
		2058	153	3870	—	5685	(143)
		565	620	—	5049	9055	(610)
Землевладельцы ниже 5 к. х.		5358	648	49	—	13007	(650)
		1837	210	2337	—	8960	(259)
		753	1264	4	6729	13132	(1252)
Батраки		3169	49	13	8	1851	(49)
		1124	11	928	—	1161	(20)
		207	77	—	1300	1731	(51)
Сельскохозяй- ственные рабочие		8330	208	20	6	6414	(405)
		2050	68	1898	1	1832	(117)
		969	1157	14	8597	11573	(1154)
Самостоя- тельные ремесленники		3212	877	20	14	499	(1911)
		1703	572	485	6	298	(1174)
		1917	2248	13	413	507	(2786)
Подручные		3766	1113	154	17	1033	(1689)
		2691	473	566	11	783	(988)
		2913	1713	112	425	1116	(2189)
Самостоятельные купцы		1148	702	—	—	37	(1688)
		584	512	35	—	20	(1055)
		689	2117	—	8	16	(2751)

¹ Вследствие того, что статистика 1910 г. не употребляла понятия «национальность», а работала с терминами «родной язык» и «религия», евреи дважды встречаются на вышеприведенной таблице: раз в венгерской, или в немецкой рубрике и раз отдельно (в скобках).

² кадастральный хольд = 0,58 гектара.

В интересах правильного употребления таблицы следует отметить несколько фактов в связи с отчетами переписи 1910 г.

Мы уже говорили о сомнительности национальных пропорций. Но тут следует упомянуть это и в отношении других данных, всячески прикрашивающих положение.

Больше всего бросается в глаза число сельскохозяйственных рабочих. Оно потому на таком низком уровне, ибо каждого рабочего, имевшего маленький кусочек земли, сразу причисляли к мелким землевладельцам. В нашем случае, например, едва-ли можно себе представить, что закарпатско-украинский крестьянин, владеющий пятью хольдами, мог бы прокормиться этим участком, будь это даже сплошная пашня, принимая во внимание низкосортное качество закарпатской земли. Учитывая же, что в действительности по крайней мере половина этих пяти хольдов состояла из лугов, пастбищ или леса, еще менее кажется правильным причислять эту категорию к землевладельцам. Таким образом, согласно сказанному мы не считаем мелких землевладельцев, имеющих менее пяти хольдов или же 5—10 хольдов в состоянии жить исключительно из доходов своей земли. Соответственно этому нам, разумеется, следует сделать исправления и в связи с большими категориями. Мы можем в Закарпатье причислять к средним и богатым крестьянам лишь тех, имеющих больше земли, чем это обычно в Большой венгерской низменности.

Зная положение, посмотрим, что говорит эта статистика.

Можно установить, что крупные имения, превышающие 1000 хольдов, примерно равным образом распределяются между венграми и евреями.

Тут следует отметить, что мы взяли численные данные из двоякого рода таблиц. Одна — группировала данные согласно родному языку (перепись 1910 г. не употребляла понятие национальности), другая же — согласно религии. Таким образом мы можем установить землевладельческие условия евреев и вообще их распределение. Данные относительно евреев фигурируются два раза (поэтому мы поставили их в скобки): один раз в венгерской и немецкой рубриках, потому что родным языком они обозначали эти 2 языка (идиш считался немецким языком). Но вследствие того, что статистика группирует те же данные и по религии, мы значительно яснее видим положение.

Имения в 100—1000 хольдов тоже распределяются, в первую очередь, между венграми и евреями, но среди них мы в трех жупах уже находим закарпатско-украинских помещиков. Главную часть несомненно составляют потомки закарпатско-украинского мелкого дворянства из Марамароша. По причине своего классового положения они больше всего приближаются к венграм и значительная часть продвигается по пути мадьяризации.

Преобладающее большинство арендаторов, нанимающих больше 100 хольдов — евреи. Интересно отметить, что в трех исследованных жупах сдача в аренду сравнительно не приняла еще больших размеров.

Значительную часть землевладельцев от 50—100 хольдов следует причислять к богатым крестьянам, другую же к середнякам, согласно качеству земли. Если преобладающую часть имения составляют пастбища или леса, то в лучшем случае мы можем говорить о середняках. Характерно, что в этой категории землевладения закарпатские украинцы тоже сильнее всего представлены в Марамароше, и это показывает, что и тут мы имеем дело с потомками старых мелких украинских дворян.

Категорию в 10—50 хольдов следует рассматривать отчасти середняковой, отчасти же принадлежащей к слою бедняков. В украинских условиях естественно и последние считаются зажиточными крестьянами, но с имеющимися в их распоряжении средствами, не могут играть той роли, которую, напр., богатые крестьяне играют в венгерской деревне. В этой категории землевладения преобладают закарпатские украинцы, далеко оставляя за собой венгров, немцев и евреев. Учитывая, что венгерские и немецкие имения большей частью простираются на равнинах, мы можем сказать, что в каждой украинской деревне было по крайней мере 3—4 хозяина, владеющих 10—50 хольдами. В них и в предварительно обсужденных слоях следует опознать ядро русинской сельской буржуазии. Факт, что она тем не менее не играет той роли, которую исполняет сельская буржуазия в рамках других национальностей, заключается в причине экономического бессилия, которое и предает ее в руки ростовщиков. В горном краю хорошо, если 50 хольдов достаточны прилично прокормить многочисленную закарпатско-украинскую семью. Мы еще раз должны подчеркнуть, что значительная часть таких имений состоит из пастбищ или леса, как это будет видно в дальнейшем.

Причисляя последующих в 5—10 хольдов или не достигающих пяти хольдов крестьян к категории батраков и сельскохозяйственных рабочих мы получим число закарпатско-украинского аграрного пролетариата.¹ Если по крайней мере половина 10 хольдов состоит из леса или пастбища, то содержание 5—6 членской закарпатско-украинской семьи не обеспечено, ведь земля приносит лишь 3—4-кратное зерно, а каждый четвертый год в обстоятельствах капиталистического хозяйства, не урождается и посевное зерно.²

¹ Эти три категории можно, разумеется, суммировать лишь условно. Из конечного числа нужно отсчитать довольно таки много %, ибо одна часть категории в 5—10 хольдов, нельзя причислять к сельскохозяйственным пролетариям. Однако, в настоящая время мы не располагаем достаточным материалом для исполнения точного исчисления.

² Согласно одной ведомости средней урожайний результат на одном хольде в трех закарпатско-украинских жупах (Ужская, Бережская, Марамарошская) следующий: пшеница 6,66—5,63—5,89 ц., рожь 6,53—5,26—5,55 ц., ячмень 5,65—4,54—5,50 ц., овес 4,49—4,17—4,75 ц., кукуруза 5,43—5,97—7,00 ц., картофель 34,63—42,83—33,29 ц. (*Négociations de la paix hongroise*. Т. III/a, стр. 398). К этому следует прибавить, что это средние результаты жуп, а закарпатско-украинские жители горного края вообще не сеяли пшеницы и приведенные в связи с остальными продуктами данные должны быть в отношении закарпатских украинцев снижены по крайней мере на 1/5. Отклоняющуюся, еще более отрицательную ведомость сообщает на основании чехословацкой статистики В. В. Усенко, Ук. соч., стр. 24.

Число сельскохозяйственного пролетариата среди закарпатских украинцев сравнительно больше, чем у какой-либо другой национальности старой Венгрии. Это тот класс, члены которого эмигрируют в Америку, чтобы заработать немного денег, вернуться домой и купить малый кусок земли. Однако, чаще всего они никогда не возвращаются на родину, а если это им все-таки удастся, и за двойную или тройную нормальную цену не получают земли по той простой причине, что нет свободной земли. Как два мощных государственных комплекса имений в Ужской и Марамарошской жупах, так и «королевство» гр-а Шёнборна в Бережской столетиями охраняют свои владения и разве лишь бесценные или тяжело используемые земли сдают в аренду в рамках государственной кампании.

Причина недоразвитости и нужды украинского общества в первую очередь — крупные имения. Однако, начиная с эпохи абсолютизма, помещики все больше принуждены разделять власть с торговым и ростовщическим капиталом, который здесь не основывает промышленных предприятий. Если мы к этому причислим все стороны деятельности ростовщического капитала, то лишь тогда сможем полностью постигнуть размеры и многосторонность эксплуатации и в связи с ней запутанность национального вопроса. Ненависть украинского крестьянства направлена в первую очередь и непосредственно против местного ростовщика, кабатчика, который почти всегда еврей. Таковую же ненависть чувствует крестьянин и против помещика, который или венгр или еврей. Но так как венгерский помещик лично из-за крупных государственных имений — не находится на месте, а графов Шёнборн считают немцами, то главная ненависть направлена на проживающего там помещика-еврея или венгерского управляющего имением. Что же касается сельского духовенства, то оно зависит от венгерского господствующего класса, и таким образом естественно, что опасаясь потерять свою руководящую роль в селе, оно разжигает антисемитизм крестьян. Существенную роль в том, что антисемитизм попал на плодородную почву в Закарпатье, играет украинское духовенство.

Число ремесленников, как мы видим, совершенно незначительно. Преобладающее большинство — евреи. Однако, принимая во внимание, что статистика зачисляет кабатчиков ремесленниками, мы должны, если хотим получить число действительных ремесленников, вычислить из данного двойное число украинских деревень, потому что чуть ли не в каждой деревне было по 2—3 кабатчика. Что же касается самостоятельных купцов, то они почти без исключения евреи.

Обратимся теперь к промышленному вспомогательному персоналу, под которым понимаются как подмастерья, так и рабочие. Серьезной промышленности нет в этом краю, так что тут большей частью идет речь о ремесленниках. Интересно отметить, что большинство и этой категории составляют евреи.

Где находятся в данной статистики — и сколько рабочих занимают Марамарошские и Ужские лесопильные заводы (в то время преимущественно тут были лесопильни и происходила рациональная рубка леса), этого мы в настоящий момент сказать не можем. Исследование этого вопроса потребовало бы продолжительной работы. Однако, вероятно, что число их составляет несколько тысяч.

В 1910 г. в Бережской жупе число промышленных предприятий, занимающих более 20 лиц 23 с 1758 рабочими, из которых 467 закарпатские украинцы. Эти числа в Ужской следующие: 17—1602—479 и в Марамароше 23—2433—711.¹ В Бережской было всего лишь одно предприятие, занимающее 485 лиц, тогда как число рабочих других заводов не достигли и 200. И в Марамароше имеется лишь один завод, на котором работают 517 рабочих, а в других — число колеблется между 200 и 20.

Следовательно на населенной закарпатскими украинцами территории существовало лишь мало заводов. Причину можно найти в недостатке предприимчивости крупных имений и главным образом, в отсутствии капитала, но по крайней мере такую же роль играет и поток накопленного ростовщического капитала в направлении Будапешта. Край небогат минеральными сокровищами, значительными промышленными растениями, итак — центральный капитал не интересуется этим краем. Тут речь идет о проклятом угле Венгрии, где люди всегда голодают, а иногда и бунтуют. Факт, что рабочая сила в этих местах весьма дешевая, но а противовес — дороги в ужасном состоянии. Где найти тут капиталу свой расчет?

Как медленно продвигается здесь развитие — можно доказать точными статистическими данными, укрепляя их включением данных 1900 г. и предыдущих лет. Однако, для их разработки требуется много времени, т. к. собирание данных происходило не на одинаковых основах, итак подытоживание представляет большие трудности. Однако, на факт, что развитие все же имело место, можно указать в форме примеров; в годы 1900—1910 число заводов, занимающих в Бережской жупе больше 20 рабочих, возросло с 14 на 23, в Ужской с 16 на 17, а в Марамароше с 14 на 23 и это обозначает, что и число промышленных рабочих росло сравнительно быстро. Это относится и к закарпатским украинцам, хотя заводы в первую очередь возникают в южных венгерских краях и большинство рабочих также венгры или евреи.

На это указывает и прирост населения трех городов: Мукачева, Ужгорода и Марамарошсигета. От 1869 г. до 1900 число населения города Мукачево возросло на 58,6%, Ужгорода на 22,3%, а Марамарошсигета на

¹ Уже упомянутое сочинение: «Négociations...» т. III/a, стр. 400 дает в общем те же числа, но в заголовке таблиц можно прочесть, что сообщается полное число промышленных рабочих, тогда как это неправильно, ибо существовали и меньшие заводы, занимающие наймитов.

91%. Прирост закарпатско-украинского городского населения нам не известен, так как мы не считаем статистические данные надежными. Кажется совершенно невероятным, чтобы число закарпатских украинцев могло в вышеупомянутое время снизиться.¹

Развертывание промышленного капитализма в Венгрии продвигалось — по сравнению с западными государствами — очень медленно. Венгерский и иностранный капитал выбрали промышленные отрасли, развитие которых соответствовало, как австрийскому крупному капиталу, так и интересам венгерских крупных помещиков. И среди них пользовались предпочтением самые доходные промышленные отрасли, в первую очередь сельскохозяйственные, сырье которых в большом количестве стояло на распоряжение (мельничная промышленность, спиртовое и пивное производство, сахарная промышленность и т. д.) и для которых при развивающемся внутреннем рынке предоставлялись выгодные экспортные возможности.² Так Закарпатье в первую очередь засчитывалось как громадная, доставляющая лес, территория. Однако, несмотря на это, химическая промышленность, использующая местный лес и дерево в виде основного материала, развилась лишь сравнительно поздно (в последнее десятилетие XIX в.) отчасти по причине отсутствия железной дороги и путей сообщения, отчасти же оттого, что развитие лесобрабатывающей и связанной с ней химической промышленности не одобрялось австрийским крупным капиталом, ведь их подобные предприятия уж и без того находились в тяжелом положении из-за иностранной конкуренции. В этом отношении капиталисты давали предпочтение Славонии и Трансильвании, несмотря на то, что в Закарпатье они могли считаться с еще более дешевой заработной платой, как в упомянутых территориях.

Но все же, как венгерский так и иностранный капитал начали свое вторжение также на эту территорию, и вследствие отсутствия местной промышленной буржуазии, спокойно, без помехи начали свою деятельность. К сожалению, мы сегодня еще не располагаем исследованиями, проливающими свет на возникающие проблемы, поэтому и мы довольствуемся перечислением лишь нескольких заводов.

В первую очередь нам следует заняться химическими заводами Бантлина в Турьябыстре—Перечине т. к. в нашем распоряжении находится короткая история завода, написанная директорами, которая вопреки односторонности, освещает несколько проблем.³

Помещик Вильмош Коц из Турьябыстры пожелал использовать свои огромные лесные владения для углехожения. При этом он употреблял лишь при-

¹ Magy. Stat. Közl. Uj. Sor. т. 27, стр. 114—115.

² L. Sándor Vilmos, Nagyipari fejlődés Magyarországon (Развитие крупной промышленности Венгрии). Будапешт 1954.

³ A Banlín-féle vegyiparok rt. 50 éves története (50 летняя история химических заводов Бантлин). 1893—1943. б. м. и г.

митивные средства. Но не имея капитала, не достиг ожидаемого результата. Тогда он поместил в газетах аннонс и таким путем связался с компаньоном-собственником баденского завода перегонки дерева Августом Бантлином. Согласно заключенному в 1899 г. договору, Бантлин основал в Турьябыстре крупный завод углежжения и перегонки дерева. Баденский капиталист быстро нашел дорогу к венгерским финансовым и официальным кругам и, преодолев с их помощью первые трудности, построил весьма доходное промышленное предприятие. Этот постоянно расширяющийся завод, используя дешевое — до сих пор не затронутое — дерево соседних государственных и частных лесов и эксплуатируя еще более дешевую рабочую силу закарпатско-украинских рабочих загреб — в течение следующих лет — огромные барыши и даже справился с очень сильной зарубежной конкуренцией. В скором времени предприятие стало членом международного картеля и в этой форме продолжало свою деятельность. Однако, механизированные в довольно большом масштабе заводы занимали сравнительно малое количество рабочих. Рабочий состав на перечинском заводе в 1903 г. 272 рабочих, а на турьябыстранском 62, тогда как на рубке леса работало в среднем человек 300.¹

Подобным образом занимал свалаявский лесопильный завод, находящийся в австрийских руках, несколько десятков постоянных и сотню-другую временных рабочих, затем Великий Бычковский химический завод по имени «Клотильда», швейцарская собственность и т. д.

Следует упомянуть и солотвинские государственные соляные копи, занимающие в начале XX века около 1000 рабочих. Кроме того, мы находим, разбросано по всей закарпатской территории много небольших лесозаводов, кирпичных заводов и мебельных фабрик.

Особо нужно отметить различные заводы, находящиеся в больших городах, как в Ужгороде, Мукачеве, и Берегове, на которых работали — наряду с венграми и евреями — правда лишь в малом количестве и закарпатско-украинские рабочие.

Скудность сочинений и разработки источников, обнаруживающих развитие закарпатской промышленности и рабочего движения, препятствует нам нарисовать более подробную картину. Тем не менее мы можем и тут сделать несколько замечаний.

Так напр. несомненно можно установить, что закарпатские заводы работали — с одним или двумя исключениями — устарелым устройством и отсталым техническим оборудованием. Венгерские и чужие капиталисты не были расположены к крупным капиталовложениям, модернизации ма-

¹ По В. В. Усенко, Ук. соч. стр. 26 и 28 в акц. общ. химических предприятий А. Бантлин работало в 1905 г. на заводах 800—1000 постоянных рабочих, более 100 служащих и 800—1200 лесных рабочих. Источник не дается, но можно предположить, что эти цифры содержат и рабочих черникского (Славония) завода. Дело в том, что фирма Бантлин приобрела этот завод в начале 1903 г. Следовательно цифры, находящиеся у Усенко, не показывают только рабочий состав заводов Закарпатья.

шинного парка, ибо благодаря большого количества дешевой рабочей силы, они и так выдерживали конкуренцию внутреннего рынка Австро-венгерской монархии и даже зарубежных рынков. В общем характерно для закарпатских заводов, что они наряду с малочисленными — сравнительно хорошо оплаченными — квалифицированным рабочими, которые обыкновенно были венгры, евреи, словаки и т. д., нанимали большое количество закарпатско-украинских сезонных рабочих, работавших — вследствие большого предложения рабочей силы — кратковременно или продолжительно за ничтожную зарплату.

При таких обстоятельствах не было на всей территории Венгрии места, где капиталистическая эксплуатация достигла бы таких размеров. Соответственно этому мы были бы вправе ожидать сильное рабочее движение, крупные стачки. Однако, наши источники почти не упоминают таковых. По крайней мере надлежащие органы венгерского Министерства внутренних дел не имели до 1914 г. сведений о значительных рабочих движениях. Тщательное исследование местного архивного материала могло бы обогатить весьма обширным и интересным материалом наши знания, но навряд ли изменить суть вышеприведенных установлений.

Если же дело обстоит так, нам следует объяснить, почему в исследованной эпохе, несмотря на сильнейшую эксплуатацию, не произошли крупные рабочие волнения.

В первую очередь нужно принять во внимание обстоятельство, что число закарпатско-украинских рабочих относительно невелико, и работали они далеко друг от друга на маленьких заводах. Преобладающее большинство и этого малого числа закарпатско-украинских рабочих составили сезонные рабочие, крестьяне, занятые или в сельском хозяйстве (обрабатывая свой кусочек земли, или собирая урожай в Большой Венгерской низменности), или же при рубке лесов, и лишь изредка попадавшие на завод. Настоящих закарпатско-украинских рабочих следует в первую очередь искать на кирпичных заводах,¹ находящихся на венгерской территории, или же на западноевропейских или американских заводах, куда они эмигрировали.

Эти постоянные рабочие играли затем значительную роль, напр., в будапештских стачках, но не на родине, от которой они, обыкновенно, окончательно отрывались.

Таким образом общественное положение работающих в Закарпатье закарпатско-украинских рабочих по-настоящему лишь трудно определяется, оно колеблется между сельскохозяйственными пролетариями и настоящими рабочими. Согласно этому, конечно, образуется и их классовая сознательность. Закарпатско-украинские рабочие по этой причине больше участвуют

¹ *Sándor Vilmos*, Ук. соч., стр. 644.

в крестьянских движениях и тут им даже можно присвоить руководящую роль. Для подтверждения сказанного приведем пример.

Основное проявление классовой борьбы украинской общества за последние 2 десятилетия XIX века и в начале нашего столетия — это эмиграция. Чтобы показать каким образом это действовало напр. на оформление заработной платы, мы укажем на уже известную историю, написанную директорами завода Бантлина. «В 1906 г. впервые показали трудности в нахождении достаточного для рубки леса числа лесорубов как в Тохате, так и в Турьябыстре. Лишь, предлагая повышенную оплату можно было переселить туда из другого края 200 лесорубов. В случае Турьябыстры проявила свое действие увеличивающаяся из года в год эмиграция русинского населения в Америку, а кроме того тот факт, что крестьяне нанимались на собиране урожая в Низменность. Поскольку эти обстоятельства замедляли и в то же время повышали цену рубки леса, характерно доказывается обстоятельством, что лесное ведомство повысило на неведомый до сих пор уровень цену на лес для частных лиц. . .»¹

Однако, эмиграция не является самой важной формой классовой борьбы рабочих, а крестьян, но в нашем случае эти вопросы тесно связаны друг с другом.

Таким образом неорганизованный закарпатско-украинский рабочий класс, стоящий на низкой ступени классовой сознательности, лишь редко брался за главное оружие рабочего класса, за забастовку. Такие случаи встречались больше в городах, где преобладающее большинство венгерских и еврейских заводских рабочих уже в начале столетия под руководством социал демократов сплотились в профессиональные союзы. Рабочие ужгородских, мукачевских и бережских больших и малых заводов неоднократно боролись уже и в первые годы XX века против заводчиков. Можно предположить, что закаленная здесь в борьбе за повышение зарплаты часть закарпатско-украинских рабочих, ознакомившихся с социал-демократической доктриной, попали снова в край с чисто украинским населением и принялись на месте за просвещающую и организующую работу. Однако, сегодня это лишь весьма правдоподобная гипотеза, нуждающаяся в подтверждении дальнейшими данными.

Особенно большое движение наблюдалось в этих городах в 1905 г., когда, вследствие обострения внутреннего положения Венгрии, рабочие заволновались по всей стране; на этот раз они боролись не только за улучшение своих жизненных условий, но и за политические права.

Вероятно, действие этих общегосударственных движений и русской революции 1905—1907 гг. повлияло и на рабочее движение закарпатских

¹ Ук. соч., стр. 26.

украинцев, но размеры его, вследствие отсутствия материала нам сегодня еще неизвестны.

Закарпатско-украинские рабочие были одиноки в своей борьбе. Они, в сущности, не имели и партии, ибо Венгерская Социалдемократическая Партия не заботилась об организации украинских рабочих. Две крупные ошибки, между прочим, характеризуют в это время деятельность Венгерской Социалдемократической Партии. Она пренебрегает вопросом союза с крестьянством и мало занимается с национальными рабочими. Это особенно относится к закарпатско-украинским рабочим, ведь тогда как словацкие, румынские и сербские рабочие все же иногда получали со стороны партийного руководства большую или меньшую помощь (на пр. денежное пособие на газеты), мы ничего подобного не знаем относительно украинцев.

Если новые исследования не изменят этих установлений, то в эту эпоху мы в первую очередь должны обратить наше внимание на украинское крестьянство, потому что лишь обнаруживание процессов, происходящих в кругу этого класса дадут нам возможность познать развитие одновременной и позжей эпох. В дальнейшем мы именно займемся отдельными проблемами деревни и закарпатско-украинского крестьянства.

Число помещиков в трех жупах невелико, но из этого не следует выводить заключения, что роль крупных имений маловажна. Дело в том, что статистика не говорит о величине этих имений. Однако, столько уже известно, что напр. имение гр.-а Шёнборна составляет чуть ли не три четверти бережской жупы, а государственные имения в Уже и Марамароше по полжупы каждое. Нельзя уменьшить проклятую роль крупных имений тем фактом, что их преобладающую часть составляют леса и горные пастбища, потому что то же самое относится и к мелким помещикам и крестьянским общинам, земля которых большей частью — также лес и пастбище. Хотя площадь пашни крупных имений относительно на несколько процентов меньше, чем в других имениях, это не меняет положения, не меняет того, что крупные имения — будь они частными или государственными — удущают закарпатско-украинских крестьян.

Теперь же мы должны обратиться к весьма запутанному вопросу, который был в первую очередь решен закарпатско-украинской, а затем — по-своему — венгерской буржуазной историографией. В то время, как закарпатско-украинские историки видят причину печальной судьбы закарпатско-украинского народа в венгерском и еврейском угнетении, то венгерские историки, если вообще затрагивают этот вопрос, все дело навязывают евреям на шею. «Еврейский вопрос» был весьма значительным с точки зрения пропаганды для венгерских господствующих классов и их слутников — закарпатско-украинской буржуазной интеллигенции. Всякая беда сваливалась на евреев, и так-как, на самом деле, было не мало евреев-ростовщиков, то представлялась возможность подкреплять утверждения конкретными данными.

Однако, действительно научное решение вопроса возможно лишь при освобождении от закоренелых предрассудков и путем объективного исследования находящихся в нашем распоряжении данных. При исследовании «ростовщического вопроса» мы исходим из статистики, данной на стр. 107, показывающей сильную общественную дифференциацию евреев Закарпатья. Разумеется не все евреи, обозначенные в рубриках ремесленников и торговцев были ростовщиками, мы можем причислить в эту категорию лишь одну их часть. Однако, ввиду того, что статистика особо не отмечает ростовщиков, а мы их сосчитать не можем, то — признавая, что делаем численную ошибку — предпочитаем в настоящее время не принимать во внимание эти две категории. А тогда обнаружится, что большие массы евреев были ни чуть не в лучшем положении, как закарпатские украинцы. В больших массах евреи принадлежали к мелким землевладельцам, т. е. к крестьянам с малым куском земли, к сельскохозяйственным рабочим и, в первую очередь, к промышленным рабочим (последние преобладают в Закарпатье, их больше чем совокупность всех других национальностей). Если же мы примем во внимание и ту часть ремесленников и торговцев, которая не является ростовщиком, то нам надо установить, что еврейское общество в Закарпатье сильно дифференцированное нормальное общество, большие массы которой точно так же эксплуатируются как закарпатские украинцы. Они также стонут под ярмом эксплуатации, но возможно, что положение их еще тяжелее, ибо венгерское правительство не вмешивается в антисемитскую пропаганду, исходящую обыкновенно из закарпатско-украинской интеллигенции — и вызванная, таким образом, ненависть, ухудшает их положение.

Однако, мы исполнили бы лишь полработы, не упоминая ростовщиков, зачисленных в рубрики ремесленников (кабатчиков) и купцов. Мы не знаем их точного числа, но несомненно, что они покрыли сеть всю землю, населенную закарпатскими украинцами, и держали в руках значительную часть крестьянства. В Закарпатье ростовщики обыкновенно показываются в лице кабатчика или лавочника. Они накапливают невероятно высокопроцентными ссудами (иногда 500⁰/₀), далее, позже обсуждаемыми делами «исполу» — значительный капитал. Этот капитал они затем используют для приобретения земли (об этом свидетельствуют еврейские крупные имения) не с целью спекуляции, т. е. перепродажи, а в интересах производства. Эти имения представляют наиболее капитализированные имения Закарпатья. Однако, другая часть, и это большинство, включается посредством местных банков, или — еще чаще — переселившись в Будапешт, через центральные кредитные учреждения, в большие финансовые дела или промышленные предприятия. Но этим не уменьшается роль ростовщического капитала в Закарпатье, ведь на место удалившихся вступают новые ростовщики, продолжающие свою деятельность точно там, где предыдущие ее прекратили.

Маркс подробно обсуждает в «Капитале» роль ростовщического капитала, и также Ленин занимается им в связи с развитием русского сельскохозяйственного капитализма.

Маркс ясно различает роль ростовщического капитала в докапиталистических формациях, и в капиталистическом обществе, но дает нам возможность говорить и о переходных формах. В Закарпатье мы именно находим это положение. Нет сомнения, что в Венгрии в обсуждаемой эпохе господствует капиталистическая формация, но сильно окрашенная феодальными пережитками. В некоторых провинциях эти феодальные пережитки сильнее чем в других. По моему мнению сильнее всего проявляются феодальные пережитки именно в Закарпатье, на родине крупных поместий, в отечестве чиновников-корольков жупы. Это и есть причина, почему ростовщичество могло развиваться здесь в таких размерах, которых нельзя найти ни в какой другой части государства.

«Чтобы ростовщический капитал мог существовать, необходимо лишь одно: по крайней мере часть продуктов должна превратиться в товары и наряду с товарной торговлей деньги должны развиваться в своих различных функциях.»¹ «Развитие ростовщического капитала связано с развитием купеческого капитала и специально денежноторгового капитала.»² Все это прекрасно подходит на Закарпатье, где мы действительно находим товарно-производство определенного масштаба, как со стороны крестьян, так и крупных имений. Посредничество товарного избытка уже десятилетия в руках еврейских купцов, накопивших таким способом значительный денежный капитал, который они затем умножили торговлей и не в последнюю очередь денежно-торговыми транзакциями.

В периоде докапиталистического производства Маркс различает 2 характерные формы ростовщического капитала, но одновременно отмечает, что эти формы повторяются на почве капиталистического производства. Форма ссуд, данных «расточительной знати» уже почти не встречается в Венгрии после 1848 г., помещики предпочитают пользоваться кредитными учреждениями, требующими умеренные проценты. Но чаще мы находим другую форму ростовщического капитала, «денежные ссуды мелким, владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых принадлежит и ремесленник, но в особенности крестьянин».³ В капиталистическом строе это в общем, разумеется, обозначает лишь подчиненную форму, но в специальных условиях закарпатских украинцев она долгое время является господствующей формой.

«Ростовщический капитал, как характерная форма капитала, приносящего проценты, соответствует преобладанию мелкого производства кре-

¹ К. Маркс, Капитал. Госполитиздат, 1949, т. III. стр. 607.

² Там же.

³ Там же, стр. 608.

стьян, живущих своим трудом, и мелких ремесленных мастеров. Там где — при развитом капиталистическом способе производства — условия труда и продукт труда противостоят рабочему как капитал, рабочий в качестве производителя не имеет нужды занимать деньги.»¹ Это блестящая характеристика закарпатско-украинских условий, в которых мелкое производство показывает сильно господствующую форму, где лишь издали видны заводские трубы и большие имения служат, в первую очередь, охотничьим угольем. Ростовщический капитал остается там и в условиях капитализма, «когда сам капиталистический производитель оперирует в столь ничтожном масштабе, что приближается к указанным выше производителям, которые работают сами».²

Согласно Марксу: «чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение, тем пышнее расцветает ростовщичество.» «Ростовщический капитал тем сильнее развивается в стране, чем больше производство в массе своей остается натуральным, следовательно, ограничивается потребительной стоимостью.»³ Вспомним на момент, что закарпатско-украинский крестьянин еще в 1900 г., платил своему священнику продуктами, овсом, кукурузой и т. д. тяжелые обязанности, названные коблиной и роковинной.

Маркс ясно отвечает на вопрос, как попадают мелкие производители в когти ростовщиков: «Что касается отдельных случаев, то для мелких производителей сохранение или потеря условий зависит от тысячи случайностей и каждая такая случайность или потеря равносильна обнищанию и представляет момент, когда может присосаться паразит-ростовщик. Достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии снова начать свое воспроизводство в старых размерах. Следовательно, он попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освободится.»⁴

А ведь у русинов часто дохла коровка, а еще чаще разливающийся ручей уносил урожай. Каждые 4—5 лет ничего у них не произрастало и таким образом они были принуждены хвататься за полы жадного на добычу ростовщика. Освободиться же больше уже не представлялись возможности.

Теперь же посмотрим каково действие деятельности ростовщического капитала. «Ростовщический капитал обладает способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства.»

В докапиталистических формациях ростовщичество оказывает известное революционизирующее действие, потому, что разрушает и уничтожает формы собственности, на которых покоится политический строй.⁵

¹ К. Маркс, Ук. соч., стр. 608.

² Там же, стр. 614.

³ Там же, стр. 623.

⁴ Там же, стр. 613.

⁵ Там же, стр. 611.

Но имеет ли ростовщический капитал такую роль и среди закарпатских украинцев? Данными мы подтвердить это не можем, ибо не выявляется из источников. Как же нам следует оценивать работу ростовщического капитала среди закарпатско-украинских крестьян? Маркс дает разрешение и этой проблемы: «...если ростовщик не довольствуясь выжиманием прибавочной стоимости из своей жертвы, мало-помалу приобретает титул собственности на самые условия его труда — на землю, дом и т. д. — и постоянно занят тем, чтобы его так экспроприировать, то не следует забывать, что полная экспроприация у рабочего условий его труда является не результатом, к которому стремится капиталистический способ производства, а готовой предпосылкой, из которой он исходит... Ростовщический капитал в той форме, в которой он действительно присваивает себе весь прибавочный труд непосредственных производителей не изменяя самого способа производства, в которой существенной предпосылкой является право собственности или владения производителя на условия его труда и соответствующее этому мелкое раздробленное производство, в котором капитал, следовательно, не подчиняет себе труд непосредственно и потому не противостоит ему как промышленный капитал — такой ростовщический капитал приводит этот способ производства в бедственное состояние, парализует производительные силы вместо того, чтобы развивать их и в то же время увековечивает это злополучное состояние, при котором общественная производительность труда не развивается как в капиталистическом производстве, за счет самого труда.»¹

Эта длинная выдержка не требует никакого комментария, она полностью применима на закарпатско-украинские условия, объясняя отсталость развития. Закупка земли, домов и животных или их продажа с молотка за неуплату долгов со стороны ростовщика — ежедневное явление в русинской деревне. Но даже если это и не всегда случается, то возникает «испольщина», когда ростовщик мог бы продать с молотка имущество украинского крестьянина, но не делает этого, так как сам не занимается ни земледелием, ни скотоводством. Он поэтому, возвращает землю и животных крестьянину, но в «испольщину», т. е. половина продуктов принадлежит ростовщику, и ему же полагается половина продажной цены животных. Однако, в действительности не «половину» получает ростовщик, а значительно больше, как это выявится в связи с конкретными случаями.

Возвращаясь теперь к нашему исходному пункту, мы подчеркиваем, что во всех отношениях осуждаем ростовщиков и объясняем отсталость и медленное развитие закарпатско-украинских условий удушающей ролью крупных имений и уничтожающей деятельностью ростовщиков, что еще завершается национальным угнетением.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III. стр. 610.

Живущие в нищенстве крестьянство, разумеется, ведет классовую борьбу и таким способом думает облегчить свою судьбу. В этой борьбе нет идеологов, потому что в выделяющихся слоях закарпатско-украинского общества нет революционеров, а только лица, проповедующие с церковной кафедры примирение, или другие, охотно боровшиеся бы против венгров за свои национальные права, за своеобразные, согласно личным интересам воспринятые права, но без союзников и фактической общественной базы их борьбу уже заранее можно установить безнадежной.

Маркс говорит на одном месте в «Капитале»: «Чем более способен господствующий класс принимать в свою сферу самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство.»¹ Я предполагаю, что это установление Маркса можно использовать и в отношении между угнетенными национальностями и господствующей нацией. Дело в том, что именно в случае закарпатских украинцев мы отмечаем: большая часть личностей, призванных руководить национальной освободительной борьбой, становится на сторону венгерского господствующего класса. Поскольку в этом играет роль умелость венгерского господствующего класса, и поскольку является это следствием недоразвитых условий, — этого мы точно установить не можем, но вероятно, что последние доминируют. Лишь один вопрос остается открытым. Буржуазная часть закарпатско-украинской интеллигенции, адвокаты, врачи и т. д. не были заинтересованы в земельном вопросе, значит, могли бы выдвинуть эту проблему и тотчас же все массы закарпатско-украинского крестьянства стеной бы пошли за ними. Что это не случилось — может иметь лишь одну причину: необыкновенно маленькое число свободной, не стоящей в службе государства, закарпатско-украинской интеллигенции, ее слабость и быстрая мадьяризация и кроме того — страх перед народом.

Классовая борьба, оставшегося без руководства закарпатско-украинского крестьянства (в эту эпоху мы еще не можем говорить о развитом рабочем классе) не кульминировалась в восстании, ибо в данных обстоятельствах оно было бы полностью безнадежным. Таким образом крестьяне были принуждены взяться за более низкоразвитую форму классовой борьбы — за эмиграцию. Мы уже во время абсолютизма говорили об этом вопросе и показали — в связи с конкретными случаями — к каким последствиям это привело в западных жупах. Однако, теперь — в начале столетия — настало время подробного и основательного обсуждения, потому что эмиграционная горячка распространилась и на восточные жупы, т. е. охватила весь край, населенный закарпатскими украинцами и приняла серьезно угрожающие размеры в отношении элементарных интересов помещиков и духовенства.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 615.

Инициативу схватило «русинское» высшее духовенство, считающее себя руководителем закарпатских украинцев и признанное в этом качестве и правительством. Эмиграция играла уже большую роль в 1897 г., в начале государственной «акции» для улучшения положения русин, но в 1901 г., когда кампания, будучи в полном ходу, не была в состоянии прекратить постоянно увеличивающуюся эмиграцию, — потребовались серьезные, конкретные шаги.

Мукачевский епископ, Ю. Фирцак пишет в 1901 г. письмо премьер-министру, в которой отчитывается о возникшей в Марамароше эмиграционной лихорадке в Бразилию, и прикладывает подробное, относящееся к этому делу донесение марамарошского главного благочинного.¹ Согласно этому:

До сих пор марамарошский народ не заботился прельстятскими на эмиграцию агентами, но теперь в быстром темпе началась эмиграция. Причиной служит, что «... народ уже никаким образом не может существовать, и даже при самой напряженной работе не в состоянии зарабатывать достаточно, чтобы прокормиться и спасти семью свою от голодной смерти... уже десятилетиями большинство мужчин, можно сказать, большую часть года проводит в лесах соседней Галиции, Буковины, Румынии и Трансильвании... чтобы добыть гроши на содержание, проживающей дома, семьи». В долине реки Тисы, где казна снабжает крестьян древесной работой, нет эмиграции. Земля не в состоянии их прокормить, ибо тут урождается лишь овес и картофель. Раньше скотоводство обеспечивало им определенное благополучие, но при освобождении крестьян использовали невежество народа и лишили их земли и пастбищ. Выкуп тоже мучит их, и обложение налогом очень высоко по сравнению с низким качеством земли. К этому присоединяются ростовщики. В некоторых селах имеется 5 лицензионных кабаков, имеющих право на сбыт спирта, и все-же водка продается на 25—30 местах. Часто «... в свадебный дом несут водку, тут откупоривают ядовитую жидкость и заключают самые безжалостные юридические сделки с пьяными людьми. А бедный украинец — не думав, не гадав — предавшись на минуту забвению — вдруг теряет гнездо предков и его выгоняют со двора». «Ростовщики подстрекают их к эмиграции, ... чтобы купить их земли за бесценок.»

Премьер-министр пересылает письмо Фирцака, для принятия мер, министру внутренних дел и пишет, между прочим, в сопровождающем письме следующее: «...здесь, собственно говоря, идет речь о гибели целой жупы, и венгерское королевское правительство не может оставаться бездельным. Даже не принимая во внимание, что ни одно государство не может индифферентно относиться к такой массовой эмиграции своих граждан, безусловно надо оценить и то обстоятельство, что речь идет об эмиграции, может быть, единственной национальности среди свех национальностей Венгрии,

¹ Гос.Арх. Венгрии. М. Е. 1901. XXXI. 198 ad 1902 XXXI. 1134.

не подававшей причины на справедливые жалобы, относительно их политического поведения».

Я дал несколько выдержек из приведенного акта, чтобы познакомить читателей с точкой зрения закарпатско-украинского униатского духовенства относительно нужды и эмиграции. Стоит сравнить этот документ с брошюрой православного священника, сообщенной в предыдущей главе. Сразу бросается в глаза согласие относительно хвалы старых — до отмены крепостного права — условий. Не различаются эти два взгляда и в деле отмены крепостного права. Мы находим лишь две, однако существенные, разницы. Тогда как православный священник считает равным образом ответственными за случившиеся, т. е. за ограбление закарпатско-украинского народа — и венгерских помещиков и евреев, то униатский священник не упоминает своих союзников — венгерских помещиков — и всю вину сваливает на евреев.

В этом деле высказался и марамарошский наджупан, по которому эмиграция — дело бессознательных агентов и нищеты, произошедшей вследствие лесного закона 1879 г., прекратившего рубку леса. Он доказывает, что в уездах, продолжающих эксплуатацию лесов, нет эмиграции. Разумеется, и он упоминает и евреев, и требует энергичных мер в интересах предотвращения их иммиграции.¹

Как министр земледелия так и министр финансов выдают определенные распоряжения, также в деле снижения налогов и экзекуции, но здесь мы не хотим входить в подробности, ибо в связи с «акцией» в горном краю и без того шире познакомимся с такого рода распоряжениями. Однако, дадим краткую выдержку, показывающую, чем объясняет министр финансов эмиграцию. Согласно ему «... развитие упомянутых неблагоприятных условий объясняется на мой взгляд в первую очередь тем обстоятельством, что среди финансовых учреждений, удовлетворяющих кредитные требования населения жупы, некоторые в недавнем прошлом, обанкротились; а кроме того в предыдущие годы неоднократно повторялся неурожай. Прирост же населения, непропорциональный с плодородностью почвы, иммиграция галицийских евреев и особенно обстоятельство, что главное занятие населения — лесная работа значительно уменьшилась из-за уничтожения большей части лесов, а кроме того отсутствие промышленных предприятий, обеспечивающих средства жизни жителям по крайней мере отдельных краев — все это еще ухудшает тяжелое материальное положение».²

Здесь говорится о многом, приводится множество причин и, действительно, нельзя отрицать влияния некоторых из них, но не затрагивают самую существенную проблему, т. е. земельный вопрос и не советуют, именно его решения.

¹ Гос. Арх. Венгрии. В. М. еln. 2523/1901 ad 2001/1903.

² Гос. Арх. Венгрии. М. Е. 1901. XXXI. 198 ad 1902. XXXI. 1134.

Однако, в связи с «схизмой» станет очевидным поскольку руководители ясно видели положение.

Само собой разумеется, что не представлялось возможности прекратить эмиграцию. Позже дело дошло до того, что выданные паспорта на казенные деньги покупались обратно и насильственно препятствовали эмиграции. Но все это было напрасно, эмиграция — правда, теперь без паспорта — продолжалась.

Почему этот факт так сильно интересовал венгерские власти и закарпатско-украинское духовенство — осветится несколькими численными данными. В нашем распоряжении не имеется совершенно точной, распределенной по национальностям, статистики, но на основании этюда Мицюка¹ мы можем создать довольно точную картину.

Только из Шаришской жупы эмигрировало от 1880—1888 г. 17 768 человек, и большинство составляли закарпатские украинцы. Земплин покинули с середины 1879 г. до конца 1891 г. 23 940 человек и тут тоже большая часть были закарпатскими украинцами. Мы не имеем такой статистики в отношении других жуп, но можно установить, что эмиграционная горячка, в первую очередь, распространилась в более развитых западных жупах. Повышение эмиграции в восточных жупах отмечается лишь в начале нового столетия.

Мицюк предоставляет подробный отчет относительно всей закарпатско-украинской территории в годы 1899—1913. Тут устанавливается, что в 1899 г. из шаришской жупы эмигрировало лишь 3966 (367 укр.), а в 1906 г. это число возросло на 4896 (505 укр.). В те же годы число эмигрантов из Марамароша составляло 50 (16 укр.), а затем 1194 (764 укр.). Именно в начале столетия власти в жупах Берег и Марамарош обратили внимание на эмиграционное движение, и это понятно, ведь в Марамароше напр. в 1900 г. число эмигрантов вдруг повысилось на 647 (578 укр.). Из таблицы с одной стороны выявляется, что в течение времени эмигрировали огромные массы (в одни Соединенные Штаты отправились от 1880—1907 гг. 42 575 закарпатских украинцев), а с другой стороны главным образом то, что ни выданные правительством насильственные мероприятия ни данные распоряжения относительно повышения материального благосостояния — не произвели желаемого действия и следовательно не удалось ликвидировать основную форму классовой борьбы закарпатских украинцев.

Когда эмиграционная волна достигла уже и марамарошскую жупу и приняла размеры, вызвавшие вмешательство властей, новое явление призывало на себя общественное мнение.

¹ О. Мицюк, З эмиграції угро-русинів перед світовою війною. «Наук. Зборн. Про-світа». 1937—38 г. Далее *Thirring Gusztáv, A magyarországi kivándorlás és a külföldi magyarság* (Эмиграция из Венгрии и венгры за границей). Будапешт 1904.

Но, тогда как в эмиграции были одинаково заинтересованы закарпатско-украинское духовенство, помещики и государство, — последнее явление представляет особый интерес лишь для униатской церкви. Здесь, однако, тотчас же показывается сотруничество закарпатско-украинского духовенства и государственной власти. Государство не покидает своего союзника в беде, а стремится всеми силами государственного аппарата помочь ему.

Речь идет о т. н. «схизме». Это означает, что все население некоторых деревень, или же одна часть населения переходит из униатской религии в православную. Таким образом униатское духовенство лишается хороших доходов. Понятно, что оно сильно беспокоится и просит помощи у государства. Дело в первой фазе движения еще не попадает в область политики, хотя украинское духовенство и пытается направить его в это направление. Однако, власти одно время, противостоят, и лишь позже, с возрастанием напряженности международного положения, принимают — подсказанную им духовенством — точку зрения, согласно которой «схизма» на самом деле ничто иное, как заговор против венгерского государства и осуществляется под влиянием русской пропаганды. Это характеризует последнюю фазу проблемы схизмы, частью которой является пресловутый марамарошский процесс 1913—14 гг.

Рассмотрим теперь развитие дела. Несколько возвратившихся из Америки закарпатских украинцев хотят в деревне Бехеров, Шаришской жупы, организовать в 1901 г. православный церковный приход. У них находят изданные в Америке газеты на украинском языке, которые, якобы, подстрекают к религиозной и национальной ненависти. Факт, что прешовский трибунал, вследствие отсутствия доказательств, оправдывает обвиненных, тем не менее процесс делает много шума.

Закарпатско-украинское высшее духовенство и власти устанавливают, что унии угрожает большая опасность со стороны американской православной пропаганды. Они сейчас же устанавливают связь с Римом и посылают своих священников в Америку, чтобы воспрепятствовать обращению в православие.

«Оба священника получили отсюда (Министерство религии и народ. просвещения. — Й. П.) значительное жалование, дали клятву верности и сохранения тайны, и их снабдили надлежащими инструкциями.» Министерство народного просвещения надеется суметь доказать в Риме опасность, угрожающую унии, и тогда римский папа больше не отказывался бы, — «не желая обидеть американизм — взять униатов из-под юрисдикции американских епископов и установить там викариат с закарпатско-украинским священником во главе». Позднее, требование викариата переменили на епископство, но венгерскому правительству не удалось достигнуть больших успехов в Риме. Викариат был бы нужен, ибо «... посланный нами священник — был бы как политический агент —

настолько сильнее, насколько его снабдили бы широкой церковной юрисдикцией». «...Теперь в Соединенные Штаты едут один апостольский визитатор и священник — миссионер, получающие жалование от меня и являющиеся одновременно политическими агентами.»¹

Подобные явления наблюдаются в 1903 г. в с. Иза, о которых мы узнаем из донесения комиссии горного края. Тут мы узнаем, то в Изе 380 семейств объявляют себя православными и лишь 70—80 униатами. «Схизма» распро страняется и на более отдаленные села. Уже 8 человек сидит в марамарошской тюрьме, тогда как — с испугу — 8 других семейств возвращаются к униатской религии. 3 человека поехало к сербскому епископу в Будапешт просить православного священника, но их удалось арестовать на Восточном вокзале и проводить под охраной в марамарошскую тюрьму.² Комиссия под черкивает, что решить вопрос можно лишь путем урегулирования доходов духовенства.

Мы узнаем также из одного донесения комиссии горного края о событиях, случившихся в 1904 г. в Великих Лучках, где тоже началось движение обращения в православие. Однако, причина — не религиозное убеждение, а «лишь национальные и, в первую очередь, социальные проблемы».

«Трудно поверить, что простой земледelec может различить новую религию от старой, что он по убеждению переходит на восточную религию, обряд которой он никогда не видел, и неслышал о неизвестном ему учении. Но обращение в другую религию может быть для него популярным по социальным причинам, ибо русские книги и подстрекатели усиливают в нем надежду, что о благополучии приверженцев религии белого царя царь значительно больше будет заботиться, чем венгерское государство.» После этого, донесения рисует тяжелое положение села Лучек, где на 5 человек падает лишь один хольд пашни. Село уже давно ведет переговоры относительно покупки части, лежащего вокруг Лучек, имения графов Шёнборн. Село предлагает 600 крон за большой венгерский хольд, но имение требует 700 крон и только в том случае согласно продать окружающую село землю, если купят и т. наз. «Хат» («Hátb») 10 000 хольдов. После трехлетних безуспешных переговоров легко было убедить закарпатско-украинских крестьян, что у венгров и за деньги не добыть земли. Ну, да поможет им русский царь.

«Ввиду того, что движение в Великих Лучках существенно социалистического (социального — Й. П.) характера, ибо религия здесь играет лишь роль средства для достижения социальных целей, движение могло бы быть изолированным и даже полностью потерять почву, если бы удалось, как можно быстрее, решить самую существенную социальную проблему: *добыть народу земли*, чтобы он мог существовать хозяйственной жизнью». «Однако, жители Великих Лучек не "распределители земли", они имеют

¹ Гос. Арх. Венгрии. М. Е. 1902. XXIII. 638, 852, 1436, 1890.

² Гос. Арх. Венгрии. VKM. eln. 1904/1907.

1 миллион крон на 2800 хольдов». Комиссия горного края рекомендует способствовать этому делу.¹

Указанное донесение комиссии горного края намекает на зарубежное (следует понимать русское) подстрекательство и говорит об одном бывшем мукачевском священнике — Д. Гебей. Подробности дела не сообщаются, но я мог решить проблему находкой двух писем Гебея в архиве.²

Одно письмо было написано 12-го апреля 1904 г. епископу Фирцаку, в котором на венгерском языке «кающийся преподаватель в отставке Д. Гебей» просит принять его обратно в мукачевскую епархию и назначить на должность священника в с. Горинчево. «Я уроженец и был священником мукачевской епархии, но "suadente diabolo" пошатнулся в 1898 г., в чем уже не раз искренне каялся. Он жалеет, что не принял в 1899 г. предложенное ему место священника в с. Воловое, ибо поступив так, он был бы сегодня счастливым человеком. В дальнейшем он заявляет: «я торжественно отказываюсь от московской схизмы, не стану я руссифицировать. И не буду составлять "Листок", ибо я венгерский дворянин».

После этого, действительно, непонятно письмо от 1/14-го апреля 1904 г., написанное теми же чернилами и почерком и направленное «Управлению униатского прихода» в Великих Лучках. Однако, русский адрес письма обращается к местному *православному* приходу, так что вероятно униатский приход был нечаянно написан по-венгерски. Из этого то и произошла беда, ибо почта, не основанию венгерского адреса, доставила письмо униатскому священнику, переславшему его епископу.

Д. Гебе излагает, что — согласно одной американской газеты — жители Великих Лучек хотят перейти в православие и призывает их просить священника от русского Святейшего Синода и не от сербского карловицкого патриарха. Если они этого желают, то он поможет им и сам напишет прошение. Пусть ему пишут по адресу Святейшего Синода, там его можно найти.

Нужно признать, что это было довольно несчастное дело; теперь, как церковные, так и светские власти вправе были говорить о подстрекаемой Россией пропаганде в связи с обращением в православие.

Когда же «схизма» появилась и в с. Изе, епископ Фирцак обратился к властям, прося помощи. По его мнению «под предлогом религиозной схизмы, на самом деле скрывается движение панславизма, представляющее опасность и для нашей родины». Он просит помощи правительства в том, чтобы карловицкий патриарх не назначал священника в формирующийся новый приход. Дело нужно задуть в зачатке, ибо «...если мы теперь вначале уступим уничтожение зачатка беды, то она вкоренится и станет

¹ Гос. Арх. Венгрии. VKM. eln. 2330, 1904 ad 1446/1908.

² Гос. Арх. Венгрии. М. Е. 1904. XVI. 2928, 3064.

гнойником на теле нации, постоянно разжигаемым и распространяемым панславистской пропагандой, исходящей из Америки и действующей путем эмиссаров и листовок так, что она фальшивыми обещаниями сможет инфицировать и подстрекать к измене живущий в северо-восточных Карпатах русинский народ, до сих пор всегда доказывавший свои безупречно патриотические чувства».¹

Из этого письма становится очевидным, что ужгородский епископ поднимает вопрос связи между «схизмой» и панславистской пропагандой, хотя он теперь упоминает лишь, действующую через Америку пропаганду. Это проливает свет на долгие годы продолжающиеся попытки правительства посылать своих людей священниками эмигрированным украинцам Венгрии, и, в первую очередь, определить закарпатского викария или епископа во главе тамошних украинцев. Я не хочу здесь подробно заниматься этим вопросом, но следует упомянуть, что это стремление венгерского правительства не удалось, так-как римский папа назначал епископа галицийского происхождения и украинского чувства. Вследствие этого венгерское правительство было принуждено подкупать этого епископа, чтобы приглушать украинскую пропаганду. В конце концов все же отказали соглашению, ибо епископ оказался недостойным доверия.

Власти — и посредством собственных органов — стремились исследовать движение «схизмы». По официальным донесениям первоочередную причину следует искать не в панславистском подстрекательстве, а в социальных условиях и, главным образом в широких обязанностях по отношению к священникам.

Пока что, власти еще не намерены смотреть на движение, как на политическое дело, на панславизм и национальный вопрос, а стремятся практически помочь беде. Занимаются вопросом о коблине, т. е. вопросом о государственном выкупе крестьянских обязанностей по отношению к священникам. Хотя из этого дела и ничего не вышло, но вопрос стоял постоянно на повестке дня и все показывает, что центральные власти пользовались им в виде орудия против возможного выступления закарпатско-украинского духовенства. Дело в том, что духовенство и само прекрасно знало: прекратить движение обращения в православие можно лишь одним способом, а именно, если верующие будут освобождены от платы обязанностей священникам. Этого же можно было достигнуть лишь устройством «сспгца» (государственное жалование священникам), что опять таки зависело от правительства.

Другая существенная причина обращения в православие заключалась в земельном вопросе, на который и указывали премьер-министру Тиса в своих донесениях и бережских наджупан, и руководитель комиссии гор-

¹ Гос. Арх. Венгрии. VKM. eln. 787/1904 ad 1446/1908.

ного края. Тиса много занимался этим делом и наконец написал два письма: одно — министру народного просвещения, а другое — крупнейшему помещику Закарпатя, графу Ф. К. Шёнборну. Сперва рассмотрим письмо, направленное министру народного просвещения.

На основании данных бережского надзупана — премьерминистр призывает внимание на высокие церковные обязанности, приводя при этом и конкретные примеры. Так, напр., в Великих Лучках, с исконных времен, крестьяне, земля которых меньше одного хольда, ежегодно платят священнику 1 «века» (приблизительно 20 литров) зерна. Но если у крестьянина, владеющего 1 хольдом, 4 сына, и у них тоже у каждого по 4 сына, то все, поголовно должны платить одну «веку». По местной пословице богатую семью «Одни похороны гонят в задолженность, вторые лишают скота, а третьи — отбирают и землю». Из донесений главных солгабиров очевидно, что украинцы в некоторых случаях, были вынуждены отдавать священнику за похороны — корову. В общем, закарпатско-украинское духовенство не отвечает высоким требованиям в исполнении своих задач, и выдвигает лишь свои собственные материальные интересы. Согласно Тисе — обеспечение дотации закарпатско-украинского духовенства является государственным и национальным интересами. Все в порядке относительно патриотизма клира, но нельзя забывать, что тот же враг угрожает его материальным интересам, как и венгерским национальным интересам. «Затаившееся под пропагандой обращения в православие, или — естественно следующее за ним — распространение панславизма» — вот мощный враг.

Тиса здесь соглашается с епископом Фирцаком и тем самым дается линия действия. Тем не менее, наши данные показывают, что политическое использование вышеприведенной идеи лишь позже становится актуальным, а именно в период повышенной напряженности международного положения.

Также характерно письмо Тисы, написанное графу Шёнборну. «Вероятно, Ты изволил обратить внимание на то обстоятельство, что в некоторых частях Марамарошской и Бережской жуп надалось среди униатских русинов — под предлогом религиозных вопросов — противогосударственное движение, которое следует удушить или локализовать в зачатке, если мы хотим предотвратить опасность общего во всей Северной Венгрии движения, направленного против государства, церкви и господ.» «Подстрекатели по капле стремятся вливать руссофильские идеи в душу русинского народа. Со стороны правительства, все нужные меры приняты, но лишь Ты можешь помочь беде в Великих Лучках.» «Эти многочисленные крестьяне вернулись из Америки и „жажда земли“ обуяла их». Подстрекатели уверяют, что венгры и за деньги не дают им земли, а русские дадут и т. д. Тиса кратко сообщает уже приведенные данные комиссии горного края. Под конец письма он просит графа Шёнборна начать продажу земли, т. е.

переговоры в этом деле. «Будь уверен, мой уважаемый друг, что исполнив эту просьбу, Ты предоставишь возможность благоденствия нескольким сотням, и даже тысяче трудящимся гражданам нашей родины, за что вся нация и ее вожди выразят Тебе признательную благодарность.»¹

Тиса сравнительно правильно разбирается в этом деле и, ясно видя положение, тотчас-же заботится о конкретных мероприятиях: 1. урегулировать жалование духовенства, чтобы еще более привязать русинского союзника к венгерскому господствующему классу и 2. продавать землю за чрезвычайно высокую цену, ибо русские из Великих Лучек, побывавшие в Америке, имеют необыкновенно много денег.

Как мы уже сказали, из урегулирования доходов духовенства ничего не вышло. Оказалось, что это слишком сложный вопрос. Одновременно пришлось бы урегулировать и положение румынского униатского духовенства, но правительство не желало этого делать, ввиду роли названного духовенства в национальных движениях. Между временем стало ясно, что русинское духовенство больше связано обещанием, чем действием и таким образом правительство потеряло интерес срочно решить эту проблему. Положение государственного бюджета предоставляло всегда достаточный предлог для оттяжки дела. Урегулирование же земельного вопроса велось посредством аренды и других методов в рамках «горной акции» и так правительству казалось, что все в наилучшем порядке.

Но движение «схизмы» не прекращалось, так как его причину не ликвидировали. В нашем распоряжении сведения о многочисленных движениях обращения в православие. До 1914 г. самым значительным было движение 1907 г.²

Главный солгабирив г. Хуста считал это движение весьма опасным и рекомендовал очень осторожные меры. И он и остальные источники все чаще упоминают российскую пропаганду, пропаганду российской церкви, проникающую через Америку или непосредственно из России. Он предъявляет листовку, суть которой: православная вера означает для русского человека все, и церковь, и Россию, и царя.

По неимению данных мы не в состоянии судить о значительности влияния российской пропаганды (как церковной, так и государственной). Несколько исследованных случаев показывают, что венгерское правительство преувеличивало это влияние, которое, до известной степени, тем не менее существовало. Действительно, было не трудно обещать недовольным, нищим русинским массам все что угодно. Русинский крестьянин прекрасно знал, что он русский (тогда для него еще не было разницы между русским и украинцем), что за Карпатами существует великая страна с великим царем батюшкой. Разумеется крестьяне ничего не знали о том, что положение

¹ Оба письма в Гос. Арх. Венгрии. VKM. 2607/1904.

² Гос. Арх. Венгрии. VKM. eln. 3464/1907 ad 1446/1908.

крестьян в этой великой России тоже незавидное, и никто не старался открыть им глаза. Венгерские правительственные круги и не думали действовать в этом направлении. А то, что проблемы появляются здесь в религиозной обложке, точно как в средних веках, не должно нас удивлять, принимая во внимание отсталые условия Закарпатья, где духовенство — один из эксплуатирующих слоев.

Причинами внезапной чуткости венгерских господствующих классов к экономическим и социальным проблемам закарпатских украинцев послужили эмиграция и схизма.

Еще в 1896 г. вышла небольшая брошюра под названием «Жизненный вопрос пятидесяти тысяч русских бережской жупы».¹ Она начинается следующим образом:

«Тот, кому приходилось видеть семидесятилетнего русского крестьянина есть обваренный лопух, видеть людей, уже три года не евших зернового хлеба, и села, где только в исключительно хорошие годы достается кое-кому мясо — тот ясно видит, что такое нищенское существование может привести лишь к вырождению или, в лучшем случае, к эмиграции и что здесь в первую очередь нужны не школы а пища, если бы она и не была бы сразу воскресенской курицей Генриха IV.»

В брошюре затем объясняется, что несколько десятилетий тому назад, русины кое как могли существовать скотоводством и скудным земледелием, но после крестьянской реформы они прекратили неограниченное скотоводство, так как были вынуждены ограничиваться общинными пастбищами, размеры которых, правда, были больше минимума, но меньшей ценности ранних прав. Отсталый народ не мог понять блага свободного землевладения и так в настоящее время 60% русинской земли находится в руках нерусин. Строительство железной дороги не дало им большого дохода и длилось всего 6 лет. Скотом они пользуются исполу, и вследствие неправильных расчетов он им приносит мало доходов. Работа, возка, пастбище достается крестьянину лишь в третью очередь «и 12% деньги в рост, выданные взачет задолженности на недвижимое имущество, и 50—100% человеколюбивые пособия широко превышают его заработок». Одно лишь государство в состоянии оказать помощь русинам и только принимая во внимание конкретные местные условия. В уезде Свалявы проблема представляется простой: следует раздать 35 тысяч хольдную латифиндию графов Шёнборн в форме мелких аренд. До сих пор небольшие части этой латифундии достались крестьянам путем субаренды.

Брошюра содержит несколько таблиц, показывающих эти отношения. Первая из них дает картину о помещичьих землях, могущих быть розданными в форме аренды (ошибки исчисления в оригинале):

¹ Halász Géza, Ötvenezet beregmegeyi orosz létkérdése. Мукачево 1896.

Главная долина	Число сел	Число русского насе- ления	Пашня и сад в хольд	Л у г	Пастбище	Итого
<i>Дусина</i> На одну семью	11 —	5100 —	931 0,81	1838 1,6	4981 4,46	7750 6,93
<i>Вича</i> На одну семью	7 —	3100 —	2011 2,85	1694 2,4	7772 7,77	11477 13,02
<i>Жденьево</i> На одну семью	11 —	2100 —	317 0,61	920 2,0	1572 3,4	2806 6,01
<i>Верецки</i> На одну семью	21 —	4560 —	1660 1,66	1200 1,2	5096 5,81	7956 7,96
<i>Пине</i> На одну семью	10 —	3700 —	437 0,53	1561 1,91	4049 5,0	6047 7,44
Итого	—	—	5346	7213	23470	36029

Мы привели эту таблицу лишь для того, чтобы показать соотношение пашни, леса и луга в латифундии. Учитывая, что у русинских крестьян дело обстояло еще хуже, понятно, почему крестьянин, владеющий, напр., 40 хольдами, не может играть общественную роль богатого крестьянина.

Названия главных долин	Число сел	Число русин- ского насе- ления	Земля русск. нас. в кад. хольдах				Итого
			Пашня	Сад	Луг	Пастбище	
<i>Дусина</i> На одну душу На одну семью	11 — —	5100 — —	2550 0,5 2,27	43 0,0028 0,016	2123 0,42 1,9	2625 0,51 2,3	7341 1,46 6,5
<i>Вича</i> На одну душу На одну семью	7 — —	3160 — —	3128 1 4,54	33 0,003 0,014	686 0,22 2,3	1630 0,52 2,3	5477 1,74 7,85
<i>Жденьево</i> На одну душу На одну семью	11 — —	2100 — —	2334 1,11 5,0	— — —	1042 0,5 2,25	1207 0,57 2,56	4588 2,18 9,81
<i>Пине</i> На одну душу На одну семью	10 — —	3700 — —	1610 0,42 1,89	56 0,0014 0,0064	2130 0,38 2,28	1447 0,38 1,71	5243 1,31 5,88
<i>Верецки</i> На одну душу На одну семью	21 — —	4560 — —	5880 1,3 5,7	64 0,0014 0,006	2000 0,43 1,94	2233 0,47 2,3	10177 2,2 10,—
Во всем уезде на одну душу на одну семью	— — —	— — —	0,86 3,85	0,0011 0,0045	0,41 1,86	0,49 2,22	1,76 8,66

Для доказательства этого приводили вторую таблицу об этой же территории, показывающую как разделены земли русинских крестьян по отраслям земледелия.

Потом в брошюре сообщается, что в лесохозяйстве и земледелии в с. Верецки, в 1895 г. выплачена заработная плата в размере 10 600 фр. Каждой семье русского населения (3200 душ) 13-и сел окрестности достается 60—80 фр. в год, что означает сравнительное благосостояние (!?). Что они все-таки плохо живут, происходит от бремени процентов, от неимения тягового скота и от беспомощности. Вследствие этого, возможности работы переходят в руки предпринимателей и русинский крестьянин теряет таким образом 30—50% своего заработка.

Государственное лесохозяйство и сельское хозяйство Свалявы выплатили в 1895 г. 51 000 фр. в виде платы за провоз и ручную поденщину, тогда как минеральные воды Полена и Луха всего 5600 фр. Из этого 11 тысячам жителей достается по 6,5 фр.

В этих окрестностях другой регулярной работы нет, а крестьяне не ходят в более отдаленные места. Через 5—6 лет и эти места будут эксплуатированы и тогда придется считаться с дальнейшими 15 000 эмигрантами.

Русинские крестьяне не в состоянии существовать на своей земле, так как доход земли одного семейства, напр., в главной долине Дусины, даже при учете более высоких средних урожаев помещичьих земель, не превышает 40 гектолитров картофеля, 5—6 центнеров овса, и 7—8 центнеров сена. Прибавим еще приплод рогатого скота, т. е. наивысшую его стоимость в 6—42 фр. в год, тогда мы получим валовой доход русинского семейства в 4—5 членов, из которого оно еще должно платить подати и коблину.

70—75% рогатого скота находится не в руках русинских крестьян, а 50—100% их скота лишь исполу. 4000 семейств уезда Свалявы имеют не меньше 60 000 фр. записанную на недвижимое имущество задолженность и 90 000 фр. долгов у ростовщиков.

Немного можно добавить к данным брошюры Халаса. Однако надо отметить, что таблица не дает действительной картины, ибо в ней разделение земель по семействам дается одинаково, тогда как в действительности, соответственно дифференциации русинского общества эти земли разделялись неравномерно. Были семейства, которые имели гораздо больше (как это показывает одна из наших прежних таблиц), другие же совсем остались без земли. Только учитывая этот факт, можно создать себе ясную картину об ужасной нищете, господствовавшей среди русинов.

Я, до сих пор, уже несколько раз упоминал о земле и скоте «исполу», явление встречающееся в Венгрии только здесь в массовых масштабах. Речь идет о том, что за счет годовых процентов, ростовщик берет землю и скот крестьян, но не лишает их владения, а впоследствии крестьянин обра-

бывает землю и продает скот исполу с ростовщиком за счет дальнейших процентов. По свидетельству данных и эти дела сопровождались злоупотреблениями и добродушных русинов кругом обманывали.

В брошюре Халаса содержатся несколько неприемлемых утверждений (беспомощность и т. п.). Эти утверждения перешли, в связи с «горной акцией», в общественное сознание. Их критикой я займусь при разборе этого вопроса, как требует характер материала.

Трудно мне сказать, брошюра ли Халаса послужила непосредственной причиной тому, что представители закарпато-украинского высшего духовенства и венгерского господствующего класса вдруг заволновались.

В 1897 г. мукачевский епископ Фирцак и депутаты Закарпатья в парламенте (все венгры, помещики и представители финансового капитала) издали меморандум под названием: «Меморандум в деле содействия расцвету духовных и материальных условий народа рутенского языка, живущего в Северовосточных Карпатах и у их подножья.»¹ Этот меморандум желает обратить внимание венгерского правительства на нетерпимые условия в этом краю и после довольно длинного предисловия, исторического характера перечисляет, распределяя по министерствам, самые срочные задачи. Меморандум использует брошюру Халаса. Так как этот меморандум послужил исходным пунктом т. н. «горной акции», которая, в общих чертах, следовала по пути, начерченному в меморандуме, мы еще подробно займемся им.

Общественные деятели, которые, в связи с празднованием тысячелетия занятия страны венграми,² побывали в Закарпатье, были поражены нищетой и духовной отсталостью русинов. По их мнению следует оказать помощь и меморандум представляет предложения в интересах ее осуществления.

В первую очередь, он занимается делом просвещения. Описывает положение школьного дела, предлагает создание государственных школ, среди них и хозяйственных и повторительных школ, организацию хозяйственных курсов и т. п. Считает нужным при этом урегулирование жалованья учителей и священников.

После этого он касается экономических проблем. По меморандуму самая большая беда состоит в том, что, из-за неблагоприятных условий русинские крестьяне могут работать, т. е. зарабатывать лишь в продолжении одной части года. Таким образом, надо умножить возможности работы и число способных зарабатывать. Так, напр., среди женщин следует распространять прядильную и ткацкую работу и организовать продажу этих товаров. Можно было увеличить тканье армяков и войлока, создать мастерские корзинщиков и резчиков по дереву, продолжать прекращенное строительство начатых стратегических дорог, передать государству и продолжить строи-

¹ Emlékirat az Északkeleti Kárpátok közt és alján lakó ruthén nyelvű nép szellemi és anyagi viszonyainak elősegítése és felvirágoztatása tárgyában.

² В 1896 г. были организованы по всей стране празднества.

тельство примыкающих дорог. Все это предоставляло бы больше возможности работы. Надо прекратить пошлины у мостов и уменьшить высокие налоги.

В настоящее время весь край полон не реализуемыми дровами, имеется даже и каменный уголь. Можно располагать и многочисленной дешевой рабочей силой. В случае, если создание государственных заводов встречает трудности принципиального характера, то следует направить на эту территорию частных предпринимателей путем предоставления им разных, в первую очередь транспортных льгот. Понадобилось бы создать Промышленную Палату для Северной Венгрии.

После этого меморандум переходит к вопросам, касающимся компетенции Министерства внутренних дел. «...Огромный прилив евреев из России через галицийскую границу, имеющий характер настоящего переселения народов и, наводняющий за последнее десятилетие все северные жупы, должен быть строго контролирован и по отношению к нему следует применять все законные меры.» «Избыток населения ... иностранных государств... в числе нескольких тысяч человек, все более густыми массами приливает в нашу страну. Они в начале эксплуатируют милосердие своих единоверцев, а потом, как оборотливые посредники, в большинстве случаев без работы или капитала, делятся доходами с крестьянином, уже вытесненным с его и без того неплодотворной земли, причем ни один из тысячи не просит натурализации. Они участвуют в государственных льготах без заявления о поселении, без права на него и без присяги на гражданскую верность.» Число жандармерии надо повысить в три раза, чтобы контролировать иммиграцию, препятствовать как контрабанде рогатого скота и спирта так и ростовщичеству. Надо организовать вербовку по контрактам жнецов ввиду того, что только в уезде Свалявы имеется 98 тысяч неиспользованных поленных.

Мы привели более подробно часть меморандума, касающуюся евреев, так как она объясняет более или менее антисемитский характер начатой впоследствии «горной акции». Меморандум приписывает плохое положение русинов Венгрии в общем, и почти что исключительно — ростовщичеству, но весьма осторожно касается самой важной проблемы: земельного вопроса.

Дальше меморандум указывает на то, что в то время как в равнинах человек потребляет пищу в общем в стоимости 103 фрт., закарпатский украинец лишь в стоимости 29 фрт. Регистры новобранцев свидетельствуют о вырождении организма.

Авторы меморандума принимают установление Халаса об урегулировании имений и указывают на необходимость развития горного скотоводства, только с помощью которого можно бы предоставить русинам доходные денежные источники. Следует обеспечить их долгосрочными арендами пастбищ, раздавать им племенной скот, организовать образцовые хозяйства и

обучить их горному сельскому хозяйству. Далее в меморандуме, следуя примеру Халаса говорится о методах, способствующих препятствовать приобретению земли иммигрантами, упоминается об аренде пашни и т. п.

Далее говорится о снижении тяжелого налогового бремени, об отпущении налоговых долгов и о создании дешевого банковского кредита.

Очевидно, что меморандум представляет собой широкий проект реформ. Но этот проект не собирается устранить основную беду — недостаток земли. Здесь идет речь о проекте реформ, соответствующего со всех точек зрения желаниям господствующего класса. В случае его осуществления он, может быть, в кое-чем и помог бы русинской бедноте, но не устранил бы основную беду.

Политическая сторона вопроса теряется в тексте. По моему, его цель — приписывать всю беду ростовщикам, а через них навязать ее евреям на шею и таким путем дать исход возмущению народа. Венгерский же господствующий класс мог бы драпироваться в тогу добродетеля и продолжать свои махинации вместе со своим помощником, русинским духовенством.¹

Меморандум сразу же подействовал. Министерство земледелия поручило Еде Егану исследовать положение. Еган в трех предложениях сообщает результат своих исследований министру. Первое содержит соображения об использовании арендованной в имении Шёнборнов территории, второе о русинском вопросе вообще, а третье об общем развитии экономических условий русинского народа Венгрии.²

В настоящем исследовании нет места для подробного ознакомления с упомянутыми тремя предположениями и так я ограничусь только кратким разбором второй части, так как не имеется другого источника, более подробно разбирающего положение русинов Венгрии в конце столетия.³ Автор меморандума — экономист, который, по своему, желает помочь русинскому крестьянству и в своем секретном донесении не скрывает недостатки.

И Еган видит один из основных источников всей беды в урегулировании земельных отношений, произведенном в эпоху абсолютизма и не скрывает, что с русинским крестьянством обошлись очень жестоко, лишив его своих пастбищ. Крупные помещики всюду присвоили себе ценные пастбища возле сел. Они (в меморандуме говорится в первую очередь о поместье Шёнборнов, но положение было то же самое и в других крупных имениях) эксплуатируют земли, луга и пастбища, не используемые ими самими, через посредство предпринимателей, которые дают их народу в подаренду за двой-

¹ Кроме венгерских библиотек, меморандум находится также в Государственном Архиве. М. Е. 1899. XXXI. 4835 ad. 1902 XXXI. 1134 sz.

² Гос. Арх. Венгрии. VKM. eln. 3286/1897.

³ Вторая часть меморандума Егана была издана во Львове в 1901 г. в серии «Літературно-Наукова Бібліотека» (№ 21.), потом в Праге в 1922 г. под названием *Е. Еган, Економічне положення руських селян в Угорщині*. На основании сравнения с оригинальным венгерским текстом можно установить, что этот текст произвольно отредактирован и содержит многочисленные ошибки перевода и неправильные сокращения.

ную или четырехкратную цену. Маленький клочок земли, полученный крестьянами при размежевании быстро распределился среди детей и «таким образом создался аграрный пролетариат, не имеющий достаточно для существования земли.» Естественным источником доходов служило бы скотоводство, но для этого нет пастбищ и лугов, хотя они и находятся в непосредственном соседстве. Это намек на большие поместья, но автор не выговаривает свою мысль. Дальше он говорит о прибыли посредников аренды. Промышленное предприятие или завод можно найти во всем краю лишь в виде исключения, даже помещичьи предприятия прекратили свою работу из-за плохих транспортных условий, или по другим причинам. Во всем уезде Свалявы имеется лишь одна паровая лесопилка, но и та нанимает чужих рабочих. Транспорт же целиком перешел в руки предпринимателей, и народу почти не предоставляют возможности возки. Кроме лесопилок имеется лишь в Яблонце одна дубочная и пробочная фабрика, где работает 40 рабочих. Домашнего ремесла не существует с тех пор как выродилось овцеводство.

Дальше он знакомит читателя с ужасными условиями дорожного транспорта, вследствие чего продовольственные цены на 15—20% превышают будапештские. Администрация также плохая и учреждение уездных нотариусов имеет самое отчаянное действие. Нотариус, священник и учитель дерут шкуру с народа, они являются проклятием для всего края и никто их не контролирует.

Меморандум жалеет, что нет средних помещиков. По его мнению, их влияние на мелких землевладельцев было бы благотворным. Но за неимением такого слоя крестьяне совершенно предоставлены своей судьбе.

Показав конкретные примеры нищеты русинов венгрии, меморандум переходит к роли ростовщиков.

В некоторых районах больше 50% мелкого землевладения находится в руках ростовщиков, нет ни одной деревни, даже в 7—8 дворов, где бы не был хотя бы один ростовщик — посредник. В меморандуме та же самая ошибка, засчитывающая евреев заранее ростовщиками. Но то, что он говорит о деятельности ростовщиков — верно и единогласно подтверждается всеми источниками. Полностью приводим следующую часть, как иллюстрацию сказанного :

В уезде Свалявы ростовщики «...арендуют все помещичьи луга и пастбища и — за исключением некоторых, сравнительно небольших помещичьих земель, которые, уже несколько лет, непосредственно раздаются в аренду народу — дают их в подаренду, устанавливая по желанию угодную им цену. Те же самые купцы арендуют все кабаки и заботятся о том, чтобы во всех деревнях предоставить самую большую возможность деморализации народа, потому что таким образом, во-первых — продается больше водки, во-вторых — материальное положение крестьянина ослабляется и

он быстрее попадает в руки жестокого кредитора. Транспорт дров, материалов и т. п. в имениях и немногих существующих промышленных предприятиях дается также им в аренду, и они исполняют дорожные работы по жупам, добычу камня, его ломку и транспорт. Вся торговля скотом, продовольствием, одеждой и всеми товарами, необходимыми в домашнем обиходе и сельском хозяйстве, ведется ими, и наконец они представляют единственный источник кредита в этом краю.

Извлекая из каждого дела самую богатую прибыль, они держат в своих руках бедный крестьянский народ, его повседневную жизнь, весь годовой доход и его будущее.

Все существование крестьян зависит — в полном смысле слова — от произвола купцов.

Самый меньший процент, встречаемый в этом краю, был 3 фрт. в год за 10 фрт., т. е. 30% — если проситель кредита жил в нормальных условиях. Процент, ниже приведенного, в нескольких исключительных случаях мог существовать, но я таких случаев не знаю, и они не имеют значения в общем денежном обращении.

Однако, сразу используется, если проситель кредита находится в затруднительном положении. В таких случаях за 10 фрт. платят 1 фрт. в неделю, что чаще всего встречается у таких крестьян, которые уже давно являются должниками купца.

Но иногда случается и значительно высший, даже двоекратный процент. . .»

За последнее время началось, в связи с ростовщическими займами, определенное официальное урегулирование. Вначале, ростовщики испугались и почувствовалось большое улучшение. «Но позже они нашли способ так нажимать на своих жертв, что не надо было опасаться донесений. А если донесение исходило не от эксплуатируемых, а от священников или чиновников, то купцы угрожали им поджогом, или же прямо покушались на их жизнь так, что в большинстве случаев им удавалось препятствовать действию возможных доносчиков.»

«Но большинство ростовщичества происходит не деньгами а скотом. Ростовщичество скотом основано на т. н. „скотоводстве исполу“ и проявляется следующим образом: купец покупает двух бычков за 70 фрт., дает их крестьянину исполу за 100 фрт. Через год они продают их совместно за 140 фрт., но тому торговцу, которому наш купец уже тайно продал их за 160 фрт. Однако торг, ведущийся при крестьянине, приносит только 140 фрт. После этого купец отсчитывает из цены продажи 100 фрт., данных им в кредит, остальные 40 фрт. разделяются. Но в ходе моих исследований в этом деле я ни разу не встретил такого случая, когда крестьянин получил бы хоть что нибудь из полагающихся ему денег, так как он уже заранее брал то и дело 1—2 фрт. на налог, на лапти, кукурузу, продовольствие и

т. п. Т. е. при учете крестьянин, как правило, ничего не получает и, более того, он остается в долгу у купца даже после продажи.» Сосчитывая прибыль купца, Еган устанавливает, что в этом случае она доходит до 115%. «Нередко случается, что при плохом урожае, когда у крестьянина не имеется достаточно фуража, купец продает крестьянину, за наличные, сено, чтобы тот — за свои деньги — улучшил кормление скота — собственность купца. Плата за пастбище приходится на долю крестьянина. Часто арендуется пастбище у того же самого купца, который арендует у помещика более значительную часть и дает ее крестьянину за 3—4-кратную цену.»

«Русинский народ боится своего угнетателя и не осмеливается даже пошевелиться. Если крестьянин уже раз должен купцу хоть самую мелкую сумму, впоследствии тот обеспечивает себе особую прибыль в каждом отдельном случае и эксплуатирует крестьянина. Пока нормальная поденная плата 60—70 крайцеров, купец заставляет своего должника работать за 30 кр., зимой же, в местах, где нет другой возможности работать, платит всего 3 кр.»

Затем Еган рассказывает случаи, в которых действие против интересов купцов, напр., большее обещание за пастбища, мстится поджогом дома осмелившегося, вырезанием языка его лошадей и т. п. Он приводит конкретные случаи. Так напр., когда в жупе Марамарош, по галицийскому образцу развернулось движение кооперативов, торговцы попросили ведущего это дело священника Нижней Быстрицы бросить его. А когда он не поддался, то подожгли его дом.

Данные, приведенные Еганым — ужасны. Однако из них выясняется и то, что, как правило, деревенский священник сопротивляется ростовщикам отчасти, чтобы и для себя добиться напр. аренды пастбищ, отчасти же в силу действительных филантропических целей. Мы также узнаем, что весть о галицийском кооперативном движении дошла и до этого края, но пока его осуществлению препятствовало сопротивление небольшого слоя. Положение, начерченное Еганым, проливает свет, почему именно священники стали зачинщиками антисемитского подстрекательства. Подстрекать против крупных помещиков, против венгерского господствующего класса не рекомендуется, но свободно можно это делать против евреев, чему способствует ложь, распространенная и внедренная настойчивой работой в общественное мнение, по которой все евреи являются ростовщиками или купцами.

«Банк или сберегательная касса не может действовать в этом краю. Ни аграрного кредита, ни другого организованного кредита здесь фактически не существует.»

Некоторые предприятия попытались в трех или четырех случаях вкорениться в этом краю и давать кредит на недвижимое имущество отдельным более зажиточным лицам. В этих случаях местные торговцы объединялись, чтобы как можно скорее разорить данного получателя кредита.

Когда же его земля продавалась с молотка, они снова договаривались таким образом, что на торгах никто не являлся и кредитное учреждение теряло все свои деньги. С тех пор, достать деньги от кого либо кроме от местных торговцев получить нельзя. Нормальное финансовое учреждение не может здесь работать и оттрясает прах от ног своих.»

Дальше Еган говорит о том, что в сваяльском уезде рогатого скота 6500 штук, из которых 3192 собственность торговцев, а 3308 собственность мелких землевладельцев. Он приводит статистику по деревням о распределении рогатого скота. Из этого выявляется, что на многих местах 70% рогатого скота принадлежит торговцам. То же самое относится и к земле, которая все в больших размерах переходит в руки купцов.

В картине, нарисованной Еганом, есть некоторое преувеличение и главным образом один большой недостаток. Он правильно отмечает роль ростовщиков и их парализующее экономическую жизнь действие. Приведенные выше слова Маркса в полной мере относятся и к Закарпатья. Однако, нужно сказать, что данные Егана до некоторой степени преувеличены; это объясняется фактом, что он преимущественно достал их на месте от униатского духовенства, которое видело источник всего зла в ростовщиках. А большой недостаток состоит в том, что он ни слова не говорит об удушающей роли крупного имения, хотя ему бы следовало по крайней мере также сильно бичевать его существование и губительное действие. Еган видит вредную роль крупного имения, но не осмеливается говорить о ней.

Таким образом суть программы Егана и программа разворачивающейся «горной акции» сводятся к следующему: устранение посредников при аренде крестьянами пашни, пастбища и луга крупных поместий, содействие развитию скотоводства путем государственного снабжения племенным скотом и другими мероприятиями и, наконец, устранение ростовщиков и торговцев при помощи кооперативов.

Хотя эта программа, в случае ее проведения в жизнь, и могла бы послужить ликвидации ростовщичества и его вредных последствий, но существенно не улучшила бы положение крестьян. Такого улучшения можно бы достичь лишь полнейшей земельной реформой, всецелым разделом крупных имений. Но такие мысли не приходили и не могли прийти в голову реформаторов типа Егана и особенно правительства.

Еган побывал также в Галиции и в своем донесении он отчитывается о тамошних условиях, в первую очередь об украинском движении и его результатах. Он устанавливает, что украинские руководители не рассчитывают на русин Венгрии и сам присоединяется к этому мнению, подтверждая, что нечего опасаться движений украинского направления среди русин Венгрии. Однако, правительство должно действовать и начиная с урегулирования «congna», путем намеченных им реформ, можно будет повысить жизненный уровень русинского крестьянства.

Характерно, что Еган только мимоходом упоминает о коблине, не входит в подробности, не говорит о том, какое тяжелое время она означает для русинского крестьянства.

Часть современников критически относится к проекту Егана. Из появившихся выдержек становится очевидно, что здесь речь идет только об акции против ростовщиков. Выражаются и сомнения в успехе «горной акции», и многие используют ее в целях антисемитской пропаганды. Развертывают огромную пропаганду в деле «горной акции», и поднимают такой шум, как будто судьба всей Венгрии зависит от нее. Она годами стоит на повестке дня, но так как ожидаемых быстрых успехов не показываются, да и не может их быть, интерес снижается и само правительство не так уже воодушевленно поддерживает всю акцию как вначале. Таким образом к 1907—8 гг. дело затихает и постепенно умирает совсем до начала мировой войны или до аннексии Закарпатья к Чехословакии.

По официально составленному отчету, данные которого, по моему мнению не совсем автентичны, венгерское правительство предоставило с 1898 до 1918 г. русинам, в виде пособия, около 36 миллионов крон и лишь 1 1/2 мил. были возмещены. В следующем привожу более значительные статьи: 1 337 585 крн. на аренду земель (аванс на арендную плату за земли, арендованные у Шёнборнов и возмещенный русинскими крестьянами вместе с процентами); 649 065 крн. государственного пособия в интересах покупки имений (интересно было бы знать, кому они выдавались); 658 353 крн. пособий для покупки племенного скота; 70 732 крн. для раздачи семян; 207 534 крн. для создания курсов по кустарному ремеслу и т. п. Но самая большая сумма (20 702 249 крн.) относится к помощи и возмещениям после нашествия царской армии через Карпаты в 1915 г., но вряд ли можно предположить, что эта сумма попала в руки русинских крестьян. Если прибавить к этому административные расходы в 9 000 000 крн. правительственной комиссии и сумму в 619 937 крн., ассигнованную на развитие государственного молочного хозяйства в Нижних Верецках, то ясно, что на акцию уделилось за 20 лет всего 4 миллиона, даже, при строгом расчете, надо было бы еще отсчитать не меньше одного миллиона на расходы, уж никаким образом не дошедшие до крестьян.¹

Рамки моего исследования не разрешают обработки всего собранного огромного материала, связанного с «горной акцией». Достаточно отметить, что на некоторых местах акция привела к конкретному незначительному улучшению. Действительно удалось до некоторой степени развить скотоводство и путем развертывания кооперативной сети обуздать ростовщиков. В конечном итоге, реформы, объявленные с большим шумом, свелись на нет, ибо такими проектами нельзя достичь решающих, большого значения успехов.

¹ Данные содержатся в *Négociations de la paix hongroise*. т. III/а. стр. 376—377.

Мы уделили довольно большое место этой акции, потому что она проливает свет на много, до сих пор неизвестных сторон жизни русинского общества. В общем, мы оцениваем акцию отрицательно, но с основной точки зрения нашего исследования, с точки зрения национального вопроса, можно считать всю акцию до некоторой степени удачной для *господствующих классов и их закарпатско-украинских союзников*. До некоторой степени удалось породить веру в русинских массах, что венгры заботятся о них, беспокоятся о разрешении их проблем и т. п. Однако, такие операции, цель которых — отвлекать внимание и подстрекать одно национальное меньшинство против другого, не могут иметь долгосрочного успеха.

В годы, накануне мировой войны, русинское крестьянство уже обнаружилось, что его надули. С большим шумом объявленные реформы не осуществились, о них даже больше и не говорили. По логике вещей, можно было бы ожидать обострение классовой борьбы и, по примеру других национальностей Венгрии, оживление национального движения.

Но, во время существования старой Венгрии это не случилось. Причина скрывается, как мы уже часто подчеркивали, в отсталости русинского общества и, кроме подробно описанных нами препятствий, в союзе венгерских господствующих классов с закарпатско-украинским руководящим слоем.

Тогда как в эту эпоху борьба остальных национальностей Венгрии проявлялась изо дня в день на конкретных случаях, национальный вопрос непрерывно стоял на повестке дня, появлялись более или менее серьезные национальные программы, велась избирательная кампания, их депутаты обращались к правительству с неприятными интерпелляциями, вели сильную пропаганду за границей и т. д. — у русинской национальности можно найти лишь следы всего этого. Нам, кроме земплинской программы, не известна никакая русинская национальная программа с 1868 г. вплоть до 1918 г. Но даже если таковая обнаружилась бы где-нибудь в будущем, ясно, что она в свое время не могла играть значительной роли.

В то время, как более или менее развитые румынская, сербская и словацкая буржуазии неустанно боролись против угнетающей власти венгерских феодально-буржуазных классов, и эта борьба часто велась не только на экономическом, но и на политическом поприще, такого явления мы не встречаем у русин Венгрии. У них, даже в начале XX столетия еще нет промышленной буржуазии, с которой следовало бы считаться, существует всего лишь слабая деревенская буржуазия. А она идет в ногу с русинским духовенством, против собственных нищенских народных масс. Они не могут решиться на борьбу с венграми и так, путем антисемитизма, стараются завоевать массы. Национальная же борьба бедного крестьянства ограничивается борьбой за землю, за простую жизнь, как это было видно в связи с эмиграцией и схизмой. Борьба деревенской буржуазии и деревенского духовенства служит, не в последнюю очередь, диверсии: стремятся отвлечь

внимание от коблины, от эксплуатации местной буржуазией и приписать все зло евреям.

Разумеется, нельзя объяснить поведение духовенства исключительно диверсией. Одно духовенство, без тыла и поддержки, не в состоянии бороться. Связь, существовавшая во время абсолютизма между ним и деревенскими старостами и присяжными, т. е. кулацкими элементами (в 1868 г. все прошения по национальному делу были подписаны не только священниками, старостами и присяжными, а также несколькими зажиточными крестьянами) продолжала существовать. А если это обстоит так, то классовой характер движения духовенства определяется наряду с собственными интересами, именно интересами деревенской буржуазии. Кажется естественным, что ростовщический процент сильно ущемляет интересы деревенской буржуазии. Создание нормальных кредитных условий укрепило бы их положение. В общем, обуздывание действия ростовщиков дало бы возможность русинскому обществу «нормально» развиваться, т. е. в том направлении, чтобы земли бедняков переходили не в руки чужих ростовщиков, а приобрелись зажиточными крестьянами в интересах развития кулачества.

Созданная с большим трудом, в результате тяжелой борьбы кооперативная сеть в рамках «горной акции» находилась целиком в руках русинской деревенской буржуазии, но и духовенство играло в ней свою роль, поскольку председатель или казначей были всегда деревенские священники.

До некоторой степени это кооперативное движение естественно могло бы служить и интересам русинского беднячества, потому что и бедняки хотели бы освободиться из-под ярма ростовщиков. Но это движение едва ли помогло им. На основании находящихся в моем распоряжении данных я могу установить, хотя и не окончательно, что кредитные кооперативы не очень то помогали бедным крестьянам, так как у них не было денег для вклада и главным образом не могли дать, для получения умеренного кредита, необходимых гарантий. Благоприятное действие проявилось лишь в том, что вследствие кооперативной конкуренции ростовщический процент немного снизился.

Мы не раз говорили, что с 1868 по 1918 г. не имеем данных о серьезном русинском национальном движении. Но это не означает полного отсутствия сведений о каком либо национальном выступлении, а только то, что если и бывали таковые, то они не причиняли серьезных забот правительству. Движения русин никогда не достигали интенсивности движений других крупных национальностей старой Венгрии. Мы объяснили это явление отсутствием развитой буржуазии, к чему еще можно добавить некоторый раскол в среде деревенской буржуазии и опирающегося на него духовенства.

Мы, разумеется, и не думаем понимать в полном смысле слова «панславистские чувства и деятельность», часто упомянутые в официальных донесениях и которые, у русинов, означали бы «руссофильство». Но следует

упомануть наджупанские донесения, говорящие о священниках и учителях — панславистах. Они редко приводят конкретные случаи, чаще всего не упоминают и фамилий. Тем не менее нельзя отрицать, что они обладают некоторой обоснованностью. Так, напр., из сообщений печати известно, что в 1900 г., на собрании священников в Мезёлаборце (Mezölaborc) участники, большинством голосов, высказались за ведение протоколов на русском языке. Вследствие ходатайства Министерства народного просвещения прешовский епископ вынужден был отменить эту резолюцию. В своем письме, сообщаящем министру о результатах следствия, он выражает свое сожаление о том, что печать подняла много шума, в связи с этим случаем, так как такая кампания в газетах «могла скорее развить, чем смягчить опасное направление и возродить болезнь, которая, быть может, тут проявлялась в предсмертных судорогах.» Епископ намекает на эпоху абсолютизма, когда протоколы велись на русском языке и под опасным направлением подразумевает Добрянского и его сторонников. Эти слова епископа доказывают, что еще в 1900 г. существовало среди духовенства движение защиты русского языка, которое можно назвать национальным.¹

Школьная политика венгерского правительства только усиливала эти движения защиты языка. Под предлогом государственных школ, русский язык был везде устранин и даже в начальных школах ввелось преподавание на венгерском языке. Исключительно большое волнение вызвало поддерживаемое венгерским правительством движение, цель которого была — ввести венгерский язык в литургию униатской церкви. Здесь нет возможности подробно заниматься этим вопросом, но в нескольких словах все-таки следует рассмотреть его суть.

Движение исходило из венгерского с. Хайдудорога (Hajdudorog) и стремилось достичь, чтобы богослужение в униатской церкви целиком велось на венгерском языке. Однако это противоречило церковным обычаям и распоряжениям, так как папа не признавал венгерский язык литургическим языком. Разумеется, правда, что в Хайдудороге и в других униатских селах Венгерской Низменности большая часть богослужения проводилась уже несколько десятилетий на венгерском языке, при молчаливом согласии мукачевского епископа, но хайдудорогская церковь хотела узаконить это положение. В конце концов начали широкую общественную кампанию в интересах этого дела, которое, к тому времени, уже вышло из первоначальных рамок. И правительство поддерживало движение, так как узаконение венгерского языка привело бы к тому, что в мукачевской и прешовской епархиях и в русских селах ввели бы венгерский язык в богослужение, т. е. кампания мадьяризации стала бы, в содействии с государственными школами, еще более «успешной».

¹ Гос. Арх. Венгрии. VKM. eln. 2210/1902.

Однако римский папа не согласился. Не помогло и массовое паломничество в Рим под руководством двух русинских епископов. Прешовский епископ настолько скомпрометировался в Риме своим усердием, что потерял всякую надежду на получение звания римского графа. Большого ущерба он все-же не потерпел, потому что правительство сразу же возместило его титулом «действительного тайного советника».

Эта акция привела накануне мировой войны к созданию хайдудорогского епископства. Хотя русинские епископы и поддерживали этот начин, все-же, повидимому, мукачевский епископ Фирцак не был всей душой за создание епископства и это не удивительно, ибо русское духовенство в этом случае было единогласно против.

Фирцак и без этого находился в весьма затруднительном положении. Он пользовался полной поддержкой правительства, все делал в его интересах, но должен был считаться и с нажимом одной части низшего русинского духовенства. Таким образом власти ему иногда выражали свое недовольство. Так, напр., в 1902 г. он донес Министерству народного просвещения, что велел упразднить общество св. Василия. Министр принял донесение к сведению, но упрекнул его за некоторые явления, «которые, если взять их отдельно, кажутся менее важными, но совместно вызывают впечатление, как будто в церковном управлении Вашего Высокопревосходительства хотелось бы проявиться намерение искусственного воспитания русской национальности». Ссылаясь на патриотизм епископа, министр просит рассеять эти опасения.

Характерно, на какие мелочи он намекал: одно распоряжение, предписывающее, что семинаристом может стать только тот, который уже в гимназии учился литургическому языку (старославянскому или русинскому); все более частое употребление слова «рутен»; профессора богословия высказались против венгерской литургии под предлогом привязанности к языку и т. д.

Ситуация действительно поразительная, если венгерское правительство даже в таких вещах обнаруживает национальную опасность и приказывает епископу устранить их. Одновременно это указывает и на трудное положение епископа. Едва ли можно удовлетворить такие требования.¹

Делались упреки также из-за частого употребления слова «рутен». Для неосведомленного читателя, в первый момент, это непонятно, поэтому нуждается в объяснении, которым может послужить другой случай.

В 1903 г. министр внутренних дел рассылает строго конфиденциальное распоряжение надзупанам русинских жуп, в котором указывается на то, что, по полученным сведениям, г. Марамарошсигет стал одним из центров «рутенизирующего» направления. Главным образом порицается деятельность благочинного М. Балоба. Под ее влиянием, руководители «католиче-

¹ Гос. Арх. Венгрии. VKM. 4095/1902.

ских венгров униатской литургии» (т. е. мадьяризованные потомки марамарошских русинских мелких дворян), судьи Н. Шаян, Э. Вальковский и Э. Кубек будто бы охладели по отношению к упомянутой венгерской литургии, даже этот последний на конфиденциальном совещании сказал, что создаваемый в Марамарошсигете алумнум будет призван вернуть вырожденно униатское духовенство и народ к исконному русскому языку.

По мнению министра, название «рутен» входит в моду только за последние годы и печатать благонамеренно распространяет его, хотя «...как название отдельной национальности, оно образует резкую линию раздела, парализует духовный мир и образ мышления образованного венгерского элемента и мадьяризацию простого народа не венгерского языка, и что больше — создает исходный пункт порождения и постепенного развития рутенского национального сознания, что само собою вредно с национальной точки зрения, но впоследствии может стать даже опасным, учитывая близость галицийских рутенов». Даже министр земледелия заменил название «рутенская акция» на «горную акцию», чтобы избежать этого. Власти получили указание избегать слово «рутен» и на его месте употреблять название «униатский».¹

На большую славу венгерской культуры, венгерское правительство в начале XX столетия дошло до того, что уже хотело отрицать существование целого народа, запрещая даже его применяемое в то время наименование. Это весьма похоже на распоряжение царского самодержавия, также запретившего название «украинец». Разница состоит лишь в том, что царь это сделал открыто, а венгерское правительство тайно. Но венгерское правительство действует более анахронически, ведь оно хотело заменить название народа названием его вероисповедания, так как оно считало русин уже окончательной добычей, т. е. венграми.

Основой дальнейшей национальной политики правительства послужил меморандум, составленный на основании наджупанских донесений графом Куно Клебесбергом. Его содержание следующее:

Угроза приближается через Америку, поэтому приводятся точные статистические данные, сколько эмигрированных закарпатских украинцев возвращаются на родину, т. е. оцениваются силы ожидаемого врага.

Выявляется, что в жупах Марамарош и Берег не было до сих пор среди возвратившихся значительного политического изменения и антипатриотического движения. В Ужской жупе, в сс. Середне, Убреч и Верхняя Домоня обнаруживаются, в виде исключения, «социалистические, панславистские и руссофильские идеи». «Источником социалистических идей являются в первую очередь здешние высокие налоги и другие повинности.» В жупе Зеплин не наблюдается, вследствие низкого культурного уровня возвращающихся

¹ Гос. Арх. Венгрии. М. Е. 191/1903.

русин, значительных изменений, тогда как в жупе Шариш люди полны русофильскими идеями, но остерегаются проявлять их. В Спишской жупе нет таких явлений, но «часть» возвратившихся русин . . . «благоговейно предаются социалистическим идеям». Слово «социалистический», в соответствии с тогдашней официальной практикой имеет здесь везде значение «социальный», «общественный».

Идеи, приобретенные в Америке, распространяются лишь в Шаришской жупе, но нельзя поймать агитаторов вследствие их осторожности.

Странное явление обращает на себя внимание: до сих пор русины переводили деньги из Америки через Будапешт, однако за последнее время, во многих случаях, эти деньги прибывали через сберегательную кассу г. Турчиански Св. Мартин (Turócszentmárton). Эти деньги не использовались на политические цели.

В Ужской жупе положение очень благоприятное, потому что крестьяне привозят из Америки много денег и покупают, нередко за огромные цены, земли. Здесь только положение крупных и средних помещиков является критическим, ибо вследствие эмиграции они остаются без батраков.

Духовенство Земплинской жупы часто бывает в Галиции, а галицийское в Земплине, оно выписывает галицийские газеты и участвует как в литературной так и в духовной жизни Галиции.

В дальнейшем меморандум говорит о Маковицком священнике Торонском и о Корнеле Добрянском в жупе Шариш, как о безусловных руссофилах, имеющих великорусские сношения. Но нельзя выявить какая славянская группа притягивает народ Шариша. Некоторые священники ведут агитацию против венгерского языка.¹

Цель меморандума, т. е. связанного с ним следствия, была установить влияние и значение панславистской и российской пропаганды. Результаты кажутся в общем удовлетворительными, Клебесберг беспокоится лишь из-за галицийских сношений священников Шаришской жупы. По его мнению, это не только не безразлично для Венгрии, но и для Австрии, так как скрывает в себе зачатки сближения, цель которого — путем зарубежного подстрекательства — объединить национальности против единства государства и против монархии.

Ввиду того, что влияние духовенства на народ тем сильнее, чем ниже культурный уровень народа, сношение духовенства со своими галицийскими коллегами приведет к сближению всех русин обеих стран. Эта опасность налицо у русин, так как общеизвестно, до чего низок их культурный уровень. «Тогда как сегодня можно сказать, что русины Венгрии и Галиции чужды друг другу, постоянные сношения и подрывная работа бездушных

¹ Гос. Арх. Венгрии. В. М. еін. 1903. XXI. 2821.

подстрекателей мало по малу возбудили бы в них чувство родства и единства, опасность чего очевидна как для Венгрии так и для Австрии.» Эти сношения вредны и потому, что в Галиции подстрекательство против государства и церкви происходит не только из Америки, но и из «колыбели панславистских идей, т. е. из соседней России».

Наконец Клебесберг просит министра внутренних дел запретить духовенству, через Министерство народного просвещения, сноситься с галицийским духовенством.

Мы подробно остановились на этом меморандуме, потому что он представляет собой блестящий документ национальной политики венгерского господствующего класса и рисует надежную картину о положении русского национального движения в начале XX века. Из него выявляется, — о чем мы уже несколько раз упоминали на основании совершенно других источников — что в связи с русинами нельзя говорить о таком интенсивном национальном движении и таких широких масштабах, как в деле других национальностей Венгрии. Следует отметить и то, что венгерское правительство основывает свою русинскую национальную политику на всегда верного помощника — на духовенство. Из меморандума также проявляется, что часть духовенства отклоняется от этой линии и их следует призвать к порядку. Узнается, что возвратившиеся из Америки русины приносят новую окраску в русинскую деревенскую буржуазию Венгрии, они — можно сказать — образуют новый слой, и — что для нас в данный момент является самым важным — представляют новую линию в национальном движении. То же явление мы наблюдали и в связи с движением «схизмы».

Движение в с. Великих Лучках дает возможность конкретно показать волнения вернувшихся из Америки русин. Правда, что здесь они проявлялись в форме обращения в православие, но это было лишь обложкой национальной и социальной борьбы. Факт, что борьба русинского крестьянства здесь не приняла широкого размаха, происходит, кроме уже сказанного, главным образом по причине частичного решения земельного вопроса. Спорная часть шёнборгского поместья была, в конце концов, продана селу, и по официальным данным, движение в Великих Лучках прекратилось.

Политика угнетения и мадьяризации венгерского правительства не применяла таких мероприятий, которые непосредственно касались бы земли крестьянства. В этом она расходилась напр. с прусской политикой, лишившей в ту эпоху польских крестьян своей земли в массовом порядке. Наоборот, венгерское правительство, как было показано, путем уговаривания и аренды, помогало русинам приобрести землю. Эта ловкая тактика также воспрепятствовала развертыванию широкого антивенгерского крестьянского движения. Кроме того, следует еще раз подчеркнуть, что в русинском обществе существовали лишь зачатки класса, способного успешно завязать национальную и социальную борьбу. Согласно статистическим

данным в эту эпоху лишь зачатки русинского пролетариата существовали среди рабочих лесопильных и некоторых других заводов.

В течение нескольких десятилетий венгерское правительство следовало по определенной линии мадьяризации путем школ. В Закарпатье, где прежде находилось всего несколько десятков церковных начальных школ, появляется большое количество новых государственных школ с преподаванием на венгерском языке, чтобы в быстрых темпах начать свою «миссию».

Строительство и организация государственных школ начались в значительных масштабах в начале 90-х годов и стали более интенсивными в начале XX века. Так напр. бюджет 1901 г. ассигновал уже 200 000 кр. на строительство начальных школ только среди русин.¹

Открытие государственных школ означало прекращение государственной субвенции церковным школам, что, естественно, не понравилось русинскому духовенству. Однако споры всегда кончались мирным соглашением и, разумеется, победой правительства.²

Официальная точка зрения в школьном вопросе хорошо отражается в заявлении депутата Яноша Недецея (Nedeczey János), написанном от имени административной комиссии Бережской жупы Министерству народного просвещения. «Опыт многих лет... убедил нас в том, что государственные начальные школы, созданные на территориях национальностей не в состоянии осуществить назначенные им культурные цели, ввиду их изолированности и вопреки самым благородным стремлениям. Когда шестилетний ребенок переступает порог школы, он владеет лишь своим родным языком и то не в совершенстве. Требуется два или три года, чтобы, вследствие чрезвычайно бедных жизненных условий физически и духовно отсталый ребенок овладел венгерской речью до такой степени, которая позволяла бы ему успешно изучать обязательные предметы; а когда он доходит до того, что бы мог усовершенствоваться в венгерском языке и расширить круг своих знаний, то он вступает в жизнь, нивелирующее действие которой сглаживает в течение нескольких лет все освоенное в школе из памяти ребенка.» Поэтому следует везде организовать и детские сады при школах. Они наверняка пользовались бы успехом, так как родители, уходящие на работу, охотно посылают своих детей в детские сады.³

В заявлении указывалось на трудности, возникшие в ходе распространения венгерского языка в школе. Но это не помешало правительству принимать — в случае безуспешности — репрессивные мероприятия. Так напр. в сс. Барbove, Бабличе, Бенедиковцах, Фадялоше (Bardháza, Bábakut, Benedike, Fagyalcs) и в ряде других сел было установлено, что препода-

¹ Гос. Арх. Венгрии. М. Е. 1900 XXXI. 198 ad 1902. XXXI. 1134.

² Гос. Арх. Венгрии. VKM. eln. 2348/1905 ad 372/1905.

³ Гос. Арх. Венгрии. М. Е. 1900. XXXI. 54 ad 1902. XXXI. 1134

давание венгерского языка велось без всякого успеха. Против заинтересованных учителей начали дисциплинарное дело и прекратили выдачу им государственной субсидии.¹

Самыми воодушевленными пропагаторами развития школ являются жупские административные комиссии, которые постоянно держат этот вопрос на повестке дня и уговаривают правительство умножить их количество. Они глубоко убеждены, что в течение нескольких десятилетий, при помощи школ, русины станут мадярами и по языку. А в виде непосредственной цели, они ставят перед школой задачу парализовать деятельность «подстрекателей», отвлечь народ от «схизмы» и т. д. В глазах венгерского господствующего класса русинских жуп, школы становятся каким-то чудотворным средством, исправляющим все зло, излечивающим все раны.

Мы не можем подробно заниматься венгерской школьной политикой, но следует отметить, что она была безуспешна. Только незначительная часть русинских крестьянских детей научилась венгерскому языку. В лучшем случае государственные школы содействовали лишь полнейшей мадяризации детей русинской интеллигенции, которые уже дома учились венгерскому языку.

В конечном итоге, обозрение эпохи с начала XX в. до первой мировой войны приводит к заключению, что венгерским господствующим классам удалось — отчасти вследствие отсталости русской общественности, отчасти же их ловкой политики — препятствовать развитию русинского национального движения или же обуздать его.

Это установление и настоящее исследование в целом противоречат большинству мнений, высказанных по этому вопросу в небогатой литературе и особенно в газетах. Они постоянно говорят о крупной российской пропаганде, о панславистских русских агитаторах, о широком движении раскола. Однако, как мы видели, официальные данные не оправдывают такие взгляды. О российской пропаганде можно с точностью лишь установить, что действительно делались попытки через Америку и весьма редко непосредственно из России, организовать более значительные акции, но все тщательно исследованные данные подтверждают, что эти попытки были безуспешны. Но общественное мнение, жившее в грезах о 30-миллионной Венгрии нуждалось в оправдании мероприятий по мадяризации и некоторых грубых распоряжений властей. Поэтому надо было в течение десятилетий питать общественность рассказами о «панславизме», о стремлениях сепаратизма. Правда лишь то, что в широких массах русинского народа всегда было живо чаяние об объединении с братьями за Карпатами, но данное, конкретное положение не давало возможности осуществить это вековое желание.

¹ Гос. Арх. Венгрии. М. Е. 1913. XXXVII. 2254. Bereg.

Возрастающая напряженность международного положения начала десятых годов XX в. потребовала от господствующих классов идеологическую подготовку венгерского народа к предстоящему великому испытанию. Разумеется, для Австро-венгерской монархии Россия представляла центральную проблему. Они хотели убедить массы, что империалистическая Россия стремится увеличить свою и без того огромную территорию и, между прочим, имеет свои планы и относительно русин Венгрии. Но таким пропагандистским положениям нужно было создать и какую-нибудь основу. Денонсирование балканских планов России не было достаточно для завоевания симпатии масс. Пришлось доказать, что Россия хочет приобрести венгерские территории. Так называемый марамарошский процесс 1914 г., занимающий не последнее место в ряде процессов национальностей Венгрии, был призван доказать это. Но тогда как в других процессах обвинялись политические деятели, говорилось о планах, стремлениях и политических действиях, в марамарошском процессе простые русинские крестьяне были посажены на скамью подсудимых.

Речь шла опять об одном случае «схизмы». Некоторые крестьяне жупы Марамароша, желая избежать тяжелых приходных обязанностей, перешли в православие, потому что православным попом очень мало надо было платить. Власти, как и в предыдущих случаях, внимательно следили за движением. Но простой процесс в деле «схизмы» не послужил бы поставленным задачам. Нужно было доказать, что обращение в другую веру имеет политическое основание, что российские агитаторы панславизма затеивают ужасные планы против целостности венгерской государственной территории. В этих целях подкупили мадьяризованного русина, стоявшего на службе у полиции, который будто бы включился в работу тайной русской организации. На хорошо организованном, как театральная постановка, судебном слушании он говорил в своем показании о разных галицийских и российских тайных обществах, расходующих огромные суммы на пропаганду среди русин Венгрии, о влиятельных петербургских деятелях, руководящих этим движением и т. п.

Результат: приговор 32 русинских крестьян. А на каком основании? Они обвинялись в подстрекательстве против государства и особенно против религии. Тот, кто прочитает оригинал обвинительного акта¹ и не только литературу по этому вопросу,² не может прийти в себя от изумления. Посмотрим напр. мотивировку приговора одного из главных обвиненных, зажиточного крестьянина Палканинца: «потому что в течение 1908—12 гг. в гг. Хусте и Изе он распространял среди русских экземпляры журнала „Вера и церковь“, листовку „Послание православным о старом и новом

¹ В настоящее время в архиве г. Дебрецена.

² *Miskolczy Ágost, A máramarosi skizmaper. 1913—14.* (Марамарошский процесс схизмы, 1913—14 г.) *Magyar Szemle. 1928.*

календаре“, православные молитвенники, богослужебные книги и иконы, привезенные из России ; дальше, что в 1910—12 гг. не в точно указанное время, на собраниях в своем доме, на ярмарке, перед церковью и перед домом Ивана Дудинского, в присутствии многочисленных людей он высказался следующим образом: „не терпится больше смотреть все плутовства, мы хотим перейти в православие“, — „попы служат неправильно, они испортили религию“, — „попы пропускают многое из религии, они уже не тому учат, чему Христос учил“, — „Хуст был русским городом и может быть, снова будет принадлежать им“. За это он был приговорен к 2 годам тюремного заключения и 300 кр. штрафа.

Учитывая, что в единственном, политически более серьезном высказывании слово «русский» почти наверное означает «руси́на», а не великорусского (переводчики употребляли слово русский (otosz) для «руси́на» в эту эпоху, когда оно на венгерском языке уже означал исключительно «великорусского»), нельзя понять, почему другие высказывания заслужили 2 года тюрьмы в такой стране, где якобы существовала свобода вероисповедания.

Трибунал считал доказанным, что подсудимые распространяли православную веру, чтобы достичь дальнейшей цели, присоединения Закарпатья к Российской империи, хотя все подсудимые, за исключением одного, отказались перед судебным следователем от своих показаний по этому вопросу, сделанных на полции по всей вероятности «под некоторым нажимом». В случае обнаружения всего материала процесса, нужно было бы тщательно исследовать все показания, сделанные перед судебным следователем, ввиду того, что один приговор не дает достаточного основания для высказывания окончательного мнения. Тщательно рассмотрев приговор, мы пришли к выводу, что речь идет действительно о политическом, очень бедно обоснованном процессе. Сравнительно мягкие приговоры к тюремному заключению также доказывают сказанное.

Процесс, особенно перед высшими инстанциями имел место в подавленной обстановке кануна мировой войны и он разделил венгерскую общественность. Было бы интересно изучить с этой целью отдельные позиции венгерской печати. Нашлись газеты, посмеявшие написать правду и открыто объявить подсудимых невинными. Они были правы.

Процесс не имел больших результатов, в наилучшем случае он испугал нескольких русинских крестьян, собиравшихся перейти в православие. Этот процесс представляет собой самое выдающееся событие с точки зрения русинской национальности за период от 1867 до мировой войны. Действительно можно сказать, что он был достойным введением к периоду мировой войны, когда, под влиянием стечения разных факторов, украинский народ Венгрии выступает и в 1918—19 гг., вследствие различных событий и естественного внутреннего развития берется за оружие и борется за достижение своей экономической, социальной и политической свободы.

JOSEPH PERÉNYI:

SKIZZEN AUS DER GESCHICHTE DER KARPATORUTHENEN

(1849—1914)

Der hier abgedruckte russische Text ist der die Zeit von 1849 bis 1914 umfassende gekürzte Teil und die für nichtungarische Leser bestimmte Fassung einer bisher in Druck noch nicht erschienenen größeren ungarischen Arbeit. Das Original beginnt mit dem Jahre 1790, behandelt aber in einer längeren Einleitung skizzenhaft auch die Wirtschafts- und Sozialgeschichte der Karpatoruthenen im XVI—XVIII. Jahrhundert.

Als *Einleitung* der russischen Version bespricht der Verfasser kurz zusammengefaßt jene Fragen, die in der Einleitung und in dem die Zeit bis 1849 umfassenden Teil des ungarischen Werkes behandelt werden, und die zum Verständnis der mit dem Jahre 1849 beginnenden ausführlichen Abhandlung unbedingt notwendig sind.

Der erste Problemenkreis, der in dieser Einleitung behandelt wird, ist die Frage des Zustandekommens und der ersten Phase der sich mit den Karpatoruthenen befassenden Geschichtsschreibung. Den Großteil des geschichtlichen Quellenmaterials haben die Priester der Diözese von Munkács (Mukačevo) noch im Laufe des XVII—XVIII. Jahrhunderts zusammengetragen; diese Priester haben einen harten Kampf gegen den Erzbischof von Eger geführt, der die regelrechte Aufrichtung dieses Bistums behinderte. Die ersten Historiker, die sich mit den Karpatoruthenen befaßten, haben in ihren Werken in erster Linie dieses Material kirchlichen Charakters benutzt. Das Sammeln und hernach die Publizierung des kirchengeschichtlichen Materials wurde im XIX. Jahrhundert fortgesetzt. Außer dem Umstand, daß die ersten karpatoruthenischen Geschichtsschreiber selbst auch Priester waren, ist die Tatsache, daß die sich mit den Karpatoruthenen befassende Geschichtsschreibung lange Zeit nur eine Kirchengeschichte blieb, in erster Linie durch den Charakter des gesammelten geschichtlichen Materials zu erklären.

Erst gegen Mitte des XIX. Jahrhunderts erscheint die politische Geschichtsschreibung. Es ist dies das Zeitalter, in welchem die nichtungarischen Völker Ungarns im Kampfe gegen die Unterdrückungsbestrebungen der herrschenden ungarischen Klasse ihre geschichtliche Ideologie ausarbeiten. Das Wesen dieser Ideologie bilden auch im Falle der Karpatoruthenen die sogenannten »historischen Rechte«, d. h. die Beweisführung, daß das betreffende Volk, in diesem Falle die Karpatoruthenen, früher ihren jetzigen Wohnort besiedelten, als die Ungarn. Die ungarischen Historiker waren dagegen ihrerseits bestrebt, gerade das Gegenteil zu beweisen; hieraus ergab sich ein Meinungsstreit, der mehrere Jahrzehnte hindurch andauerte.

In der zweiten Hälfte des XIX. Jahrhunderts aber entstand ein neues Problem: das Erscheinen von Zeitungen und Zeitschriften für die Karpatoruthenen warf die Frage der karpatoruthenischen Schriftsprache auf. Auf diesem Gebiete kämpften zu verschiedenen Zeitpunkten mit verschiedenem Gewicht drei Richtungen miteinander: die Anhänger der großrussischen Schriftsprache kämpften gegen die Anhänger der ukrainischen Schriftsprache, resp. beide gemeinsam gegen jene Leute, die die Absicht hatten, einen der lokalen Dialekte zur Schriftsprache auszugestalten. Diese Auseinandersetzung förderte die Klärung gewisser kulturgeschichtlicher Fragen.

Die Geschichtsschreibung im Zeitalter des Feudalismus und des Kapitalismus wird daher in erster Linie durch den kirchengeschichtlichen Charakter und durch im allgemeinen als unfruchtbar zu bezeichnenden Polemiken gekennzeichnet. Erst im vorigen Jahrzehnt wurden die ersten Schritte unternommen, die wichtigsten Fragen der karpatoruthenischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte auszuarbeiten, d. h. die Grundlagen für eine geschichtliche Synthese zu schaffen. Diese Arbeit läuft parallel in der Sowjetunion und in Ungarn. Die ersten sowjetischen Studien sind schon früher erschienen, während auf dem Gebiete der Publikation der ungarischen Ergebnisse diese Arbeit den ersten Versuch darstellt.

Hernach befaßt sich der Verfasser in der *Einleitung* mit den geographischen Verhältnissen des karpatoruthenischen Gebietes und beleuchtet jene, durch die Natur gegebene Fakto-

ren, welche auf die Wirtschafts- und Sozialgeschichte der Karpatoruthenen eine große Wirkung ausübte und die geschichtliche Entwicklung stark behindert haben.

Hierauf folgt eine kurze Skizze der Entwicklung der karpatoruthenischen Gesellschaft im XVI—XVIII. Jahrhundert. Die karpatoruthenische Gesellschaft besitzt keine eigene führende Großgrundbesitzer-Klasse. Aus der Masse der sich mit Ackerbau und Viehzucht befassenden Bauern ragen nur die Schultheißen und die Geistlichen heraus; nach dem Verschwinden der Schultheißen übernimmt im XVIII. Jahrhundert die uniierte Geistlichkeit die Führerrolle, denn das gesellschaftliche Gewicht des inzwischen entstandenen karpatoruthenischen Kleinadels ist verschwindend klein.

Der Querschnitt der karpatoruthenischen Gesellschaft ist außerordentlich einfach, und auch in der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts treten keine größeren Veränderungen ein, als in Ungarn der Feudalismus in Auflösung begriffen ist und sich die kapitalistischen Verhältnisse entwickeln, und in dieser Lage der Kampf zwischen Ungarn und den ihre nationalen Rechte fordernden Minderheiten beginnt. Dieser Kampf wird in seiner ersten Phase überall auf kulturellem Gebiete ausgetragen. Für jedes einzelne in Ungarn lebende Volk wird zu dieser Zeit die Schriftsprache geschaffen, ebenso jene geschichtliche Ideologie, von der dann in den vierziger Jahren des XIX. Jahrhunderts im beginnenden politischen Kampfe ausgiebig Gebrauch gemacht wird. Die Einleitung befaßt sich ausführlich mit der Herausbildung der karpatoruthenischen Schriftsprache und geschichtlichen Ideologie, die aber bis zur Revolution des Jahres 1848 noch nicht abgeschlossen ist. Die Entwicklung der Karpatoruthenen bleibt hinter jener der übrigen ungarländischen Völker stark zurück; die Ursache hierfür ist hauptsächlich darin zu suchen, daß die Gesellschaft der Karpatoruthenen noch unentwickelt war.

Die Revolution von 1848/49 wirkt jedoch beschleunigend auf die karpatoruthenische geschichtliche Entwicklung. Ein bedeutender Teil der kirchlichen und weltlichen Intelligenz steht an der Seite des ungarischen Freiheitskampfes, und nur eine kleine Gruppe, die unter der Führung von Adolf Dobransky steht, sucht die Kooperation mit den Habsburgern. Nach der Niederlage der ungarischen Revolution geht die Führung in der karpatoruthenischen Gesellschaft vorübergehend in die Hand dieser Gruppe über.

*

Der erste Abschnitt der Arbeit befaßt sich mit den karpatoruthenischen Bauernbewegungen nach der Befreiung der Bauern. Auf Grund umfangreichen Urkundenmaterials werden an konkreten Beispielen jene Bewegungen aufgezeigt, deren Ziel es ist, die Bauernbefreiung vollkommen und restlos durchzuführen, die Mißbräuche der Grundbesitzer zu verhindern. Ein großer Teil der Grundbesitzer ist nämlich bestrebt, die Regelung des Grundbesitzes, die Aufteilung der gemeinsamen Felder usw. zur Verminderung des Bauernbesitzes und zur Vergrößerung des eigenen Besitzes an Grund und Boden zu benützen. Und da sie zur gleichen Zeit nicht über genügend Kapitalien verfügen, um Lohnarbeiter anzustellen, trachten sie die Bauern auch weiterhin zur Verrichtung von Fronarbeit zu pressen resp. solche Verträge zu schließen, auf Grund welcher die Bauern verpflichtet sind, die Felder der Grundbesitzer zu bestellen. Aus all dem entsteht eine Masse von Prozessen, in einzelnen Fällen artet der Widerstand der Bauern sogar in Waffengebrauch aus. Die Bauern fordern Grund und Boden, behaupten ihr Anrecht auf gewisse Felder und sind nicht gewillt, auch weiterhin Fronarbeit zu leisten oder ohne Lohn zu arbeiten. Die Frage des kirchlichen Zehnts gibt Anlaß zu weiteren Zusammenstößen. Obwohl im Jahre 1848 der kirchliche Zehnt abgeschafft wurde, treiben die karpatoruthenischen Geistlichen die bisherigen Leistungen auch weiterhin ein, da in der uniierten Kirche die Kirchensteuer nicht »Zehnt« genannt wurde. Die Behörden stellten sich aber in jedem Fall an die Seite der Grundbesitzer und der Geistlichen, erbrachten ihre Urteile stets gegen die Bauern resp. unterdrückten die Bauernbewegungen mit Waffengewalt.

Die Jahre nach dem Freiheitskampf bedeuteten für das karpatoruthenische Volk auch im übrigen eine harte Probe. Infolge der wiederholten Mißernten trat eine Hungersnot ein. Die staatlichen Fürsorgeaktionen konnten Fälle von Hungertod nicht verhindern. Durch diese Umstände wurden die Gegensätze noch weiter verschärft, so daß wir karpatoruthenische Bauernbewegungen selbst zu Beginn der sechziger Jahre noch vorfinden.

Der zweite Abschnitt befaßt sich mit den karpatoruthenischen nationalen Programmen und Richtungen zwischen 1849 und 1867. Es werden die von Dobransky und seiner Gruppe im Jahre 1849 in Wien vorgebrachten Forderungen behandelt, weiters wird aufgezeigt, was von diesen verwirklicht wurde. Nach langem und schwerem Kampfe ist es gelungen, den größten Teil der karpatoruthenischen Intelligenz in den Ämtern unterzubringen. Größere Erfolge konnten auf diesem Gebiete deshalb nicht erreicht werden, weil die Zahl der intellektuellen gering war. Es gelang auch gewisse sprachliche Rechte zu sichern, obzwar hier die Errungenschaften weit hinter den Forderungen zurückgeblieben sind. Die österreichischen Behörden nahmen

zwar in russischer Sprache abgefaßte Eingaben an, doch die Bescheide wurden schon in deutscher Sprache erbracht. Die Gesetze wurden zwar in großrussischer Sprache herausgegeben, doch wurden diese von den Karpatoruthenen kaum verstanden. Vorübergehend gelang es, im Gymnasium von Ungvár (Užhorod) auch die russische Unterrichtssprache einzuführen. In diese Zeit fällt das Erscheinen der ersten karpatoruthenischen Wochenschriften und Zeitungen. All dies warf aber auch in der Praxis die Frage der karpatoruthenischen Schriftsprache auf. Dobransky und seine Gruppe nahmen für die großrussische Sprache Partei, und so erschien in Ungarn lange Zeit hindurch die karpatoruthenischen Druckerzeugnisse in dieser Sprache. Diese Sprache wurde aber von den karpatoruthenischen Massen nicht verstanden, und auch die österreichischen Behörden bereiteten bei dem Gebrauch der großrussischen Sprache Schwierigkeiten; unter anderen haben auch diese zwei Gründe die Entwicklung der karpatoruthenischen Kultur stark behindert. Zum ungarischen Reichstag vom Jahre 1861 hatte A. Dobransky die karpatoruthenischen nationalen Forderungen konzipiert, konnte dieselben jedoch gar nicht vortragen, denn die ungarischen Abgeordneten, die ihm wegen seines Verhaltens im Jahre 1849 zürnten (Dobransky trat damals in den Dienst der Zarenarmee, die den ungarischen Freiheitskampf niederschlug) und ihn seines Mandats für verlustig erklärten. Einen bleibenden Teil der Arbeit Dobransky's bildet die geschichtliche Konzeption, die von einem Großteil der karpatoruthenischen bürgerlichen Historikern in den folgenden Jahrzehnten vertreten wurde. In den sechziger Jahren kamen auch mehrere andere nationale Programme ans Tageslicht. Die Studie analysiert dieselben ausführlich und ist bestrebt, ihr Verhältnis zueinander, weiters die Person und die gesellschaftliche Stellung ihrer Autoren festzustellen.

Der dritte Abschnitt befaßt sich mit den Verhältnissen nach dem Ausgleich des Jahres 1867. Er weist auf die neuen Züge hin, welche sich in der karpatoruthenischen Gesellschaft unter den kapitalistischen Verhältnissen zeigen, in erster Linie aber auf die Differenzierung in der Bauernschaft und auf die Herausbildung des Agrarproletariats. Dann werden die karpatoruthenischen Pläne bezüglich der Vorbereitung des Nationalitätengesetzes vom Jahre 1868 behandelt, weiters die Maßregeln, welche die ungarische Regierung zur Unterdrückung der karpatoruthenischen nationalen Bewegung und zur Magyarisierung ergriffen hatte. Die Karpatoruthenen haben bald auch jene nationalen Rechte verloren, die sie nach dem Jahre 1849 von den Österreichern erhalten hatten. Die ungarische Regierung erdrosselt — ihrer traditionellen Politik getreu — unter Mitwirkung des karpatoruthenischen hohen Klerus jede Initiative zur Förderung der karpatoruthenischen Sprache und Kultur und zur Sicherung der nationalen Rechte. Die Verfügungen des Nationalitätengesetzes vom Jahre 1868 blieben auf dem Papier.

Der letzte, vierte Abschnitt befaßt sich mit den Ereignissen nach der Jahrhundertwende. Auf Grund statistischer Daten werden die Zusammensetzung der karpatoruthenischen Gesellschaft, ihre Besitzverhältnisse ausführlich untersucht. Wie sich herausstellt, bestand der überwiegende Teil der Karpatoruthenen aus armen Bauern und Agrarproletariern. Industriearbeiter-schaft ist nur in Keimen vorzufinden, von einer bedeutenden Industrie kann auf dem karpatoruthenischen Territorium nicht gesprochen werden. Die Verarmung der karpatoruthenischen Bauernschaft geht in diesen Jahren in raschem Tempo weiter. Es entsteht aber zu gleicher Zeit keine starke karpatoruthenische Großbauernschaft, wie anderswo, denn der Grund und Boden sowie das Vieh der verarmten karpatoruthenischen Bauern wird größtenteils von jüdischen Wucherern erworben, die in der Mehrzahl deutsch und ungarisch sprechen. Neben der würgenden Rolle der in Händen des ungarischen Staates und der ungarischen Großgrundbesitzer befindlichen Großbesitze ist die Ursache des Elends der Karpatoruthenen daher in der Tätigkeit der Wucherer zu suchen. Infolge der stets schwieriger werdenden Lebensverhältnisse nimmt die Auswanderung der Karpatoruthenen nach Übersee in diesem Zeitalter gefährliche Maße an. Zu dieser Zeit ist die Auswanderung die Hauptform des Klassenkampfes der karpatoruthenischen Bauern. Die andere Form ist das »Schisma«, d. h. der Übertritt vom griechisch-katholischen Glauben zum griechisch-orthodoxen. Die karpatoruthenischen Bauern wollen auf diese Art die schweren kirchlichen Lasten loswerden. Selbst das gemeinsame Auftreten der ungarischen Regierung und des karpatoruthenischen Klerus können diese Bewegungen nicht verhindern. Auch die im Jahre 1898 begonnene sogenannte »Bergland-Aktion« brachte nicht viel Erfolg; diese Aktion wurde von der ungarischen Regierung nach den Plänen des namhaften Nationalökonomten Ede Egán unternommen. Aus den Großgrundbesitzern wurden den karpatoruthenischen Bauern Kleinpachten gewährt, Zuchttiere verteilt, Hausindustrie-Kurse organisiert und schließlich Kreditgenossenschaften geschaffen. Das Ergebnis war im ganzen bloß das Sinken des Wucherzinsfußes. Die mit der Aktion verbundenen Konskriptionen, Berichte und Statistiken ermöglichten es, das Leben der Karpatoruthenen gründlich kennen zu lernen. Die Studie gibt auf Grund dieser ein ausführliches Bild vom Leben der karpatoruthenischen Dörfer. In diesen Jahren verläuft die Magyarisierung mit voller Kraft doch ohne viel Erfolg. Nationale Bewegungen gibt es jedoch nicht. Auch die »Schisma«-Bewegung des Jahres 1913 in Máramaros kann nicht als solche betrachtet werden. Diese Bewegung wurde

auf Anraten der karpatoruthenischen Geistlichen von der ungarischen Regierung zur Veranstaltung eines großen Nationalitätenprozesses benützt, dessen Zweck es war, an der Schwelle des Weltkrieges die ungarische öffentliche Meinung gegen Rußland aufzureizen.

Hier, unmittelbar am Vorabend des Weltkrieges endet die Studie, denn Erschließung und Aufarbeitung des Materials der hierauf folgenden bewegten Jahre noch eine längere Zeit erfordert.

JOSEPH PERÉNYI :

ESQUISSES DE L'HISTOIRE DES RUTHÈNES SUBCARPATHIQUES

(1849—1914)

L'étude présente est la variante russe de la partie comprenant la période 1849—1914 d'un ouvrage hongrois inédit, variante destinée à l'usage des lecteurs étrangers. L'ouvrage original commence par l'année 1790, mais dans une introduction détaillée il présente aussi les épisodes de l'histoire économique et sociale des Ruthènes aux XVIIe—XVIIIe siècles.

Dans l'introduction russe l'auteur donne une exposée détaillée des problèmes les plus importants dont il s'occupe dans l'introduction et dans la partie allant jusqu'en 1849 de l'ouvrage hongrois, problèmes dont l'examen s'impose inévitablement pour comprendre la période commençant fin 1849.

Le premier groupe de problèmes étudié dans l'introduction concerne la genèse et la phase initiale de l'historiographie relative aux Ruthènes subcarpathiques. Une partie considérable des sources avaient déjà été collectée par les prêtres de l'évêché de Munkács (Moukatchévo) aux XVIIe—XVIIIe siècles ; ceux-ci menaient une lutte acharnée contre l'archevêque d'Eger qui entendait entraver la fondation régulière de l'évêché. C'est cette matière de caractère ecclésiastique qui fut en premier lieu utilisée par les spécialistes de l'histoire des Ruthènes. La collecte, puis la publication de la matière ecclésiastique se poursuivaient aussi au XIXe siècle. Outre le fait que les historiographes ruthènes étaient, eux aussi, des ecclésiastiques, c'est surtout cette matière qui explique que l'historiographie relative aux Ruthènes gardait longtemps son caractère ecclésiastique.

Ce n'est que vers le milieu du XIXe siècle qu'apparaît l'historiographie politique. C'est la période où les peuples non-hongrois de la Hongrie, en lutte contre les tendances oppresseuses de la classe dominante hongroise, s'élaborent une idéologie politique. L'essence de cette idéologie consistait, au cas des Ruthènes aussi, en le fait de prouver «les droits historiques», à savoir de démontrer que tel ou tel peuple, dans notre cas les Ruthènes, précédèrent les Hongrois à leur lieu d'habitation actuel. Les historiens hongrois, par contre, tâchaient de prouver le contraire, d'où émanaient des débats durant plusieurs décades.

Dans la seconde moitié du XIXe siècle c'est un nouveau problème qui surgit à la suite de la publication des journaux et revues destinés aux Ruthènes : la question de la langue littéraire ruthène. Trois diverses tendances de différente gravité s'opposèrent sous ce rapport : les adeptes de la langue littéraire russe attaquaient les adhérents de la langue littéraire ukrainienne et tous deux luttaient contre ceux qui visaient à développer un dialecte local en langue littéraire. Ces débats contribuaient à élucider certaines questions d'histoire culturelle.

L'historiographie du féodalisme et du capitalisme est donc caractérisée par le trait ecclésiastique d'une part, et d'autre part par des polémiques en général stériles. Ce n'est que dans la décade passée que les premiers pas ont été faits vers l'élucidation des principales questions de l'histoire économique et sociale des Ruthènes, à savoir vers la création d'une synthèse historique. En l'Union Soviétique et en Hongrie ce travail est en cours. Les premières études soviétiques furent déjà publiées antérieurement, quant à la publication des résultats hongrois, la présente étude est la première tentative.

La partie ultérieure de l'introduction examine les conditions géographiques du territoire ruthène, indique les facteurs naturels qui avaient influencé l'histoire économique et sociale des Ruthènes et fortement entravé leur évolution historique.

Dans la suite l'auteur donne une brève esquisse du développement social des Ruthènes aux XVIe—XVIIIe siècles. La société ruthène ne possédait pas une classe dirigeante grande propriétaire, ce ne sont que les prêtres et les «locators» (Schultheiss) qui se distinguaient parmi les masses paysannes s'occupant d'agriculture et d'élevage. Lorsqu'au XVIIIe siècle les «locators» disparurent, c'est au clergé uniata que revenait le rôle dirigeant, l'influence sociale de la petite noblesse formée entre temps n'étant point significative.

Dans la première moitié du XIXe siècle, lorsque dans les conditions du féodalisme en décomposition et celles du capitalisme en voie de développement la lutte commence en Hongrie entre les Hongrois et les minorités pour les droits nationalitaires, la société ruthène, à la structure extrêmement simple, ne présente point de changements importants. La première phase de cette lutte se déroule partout sur le terrain littéraire. C'est alors que l'on crée pour chaque peuple de la Hongrie la langue littéraire et l'idéologie historique que l'on utilise si bien dans les luttes politiques qui s'ouvrent dans les années 40 du XIXe siècle. L'introduction s'occupe par le détail de la formation de la langue littéraire et de l'idéologie historique des Ruthènes, lutte qui ne prend pas encore fin à la veille de la révolution de 1848. L'évolution de la société ruthène reste en arrière par rapport à celle des autres peuples de la Hongrie, fait qui trouve son explication dans l'état arriéré de cette société.

La révolution de 1848—49 vient accélérer cette évolution. L'*intelligentsia* ecclésiastique et laïque se trouve aux côtés de la guerre d'indépendance hongroise et ce n'est qu'un groupe restreint, qui sous la conduite d'Adolf Dobransky, cherche la coopération avec les Habsbourg. Après la chute de la révolution hongroise c'est ce groupe qui s'assignait provisoirement le rôle dirigeant dans la société ruthène.

*

Le premier chapitre de l'ouvrage est consacré aux mouvements paysans survenus à la suite de l'affranchissement des serfs. Utilisant un grand matériel disponible dans les archives l'auteur nous présente à l'aide des exemples concrets ces mouvements dont l'objectif consistait en l'exécution complète de l'affranchissement des serfs et l'empêchement des abus commis par les seigneurs terriens. La plupart d'eux entendait utiliser la réglementation des bien-fonds et la distribution des terres communes pour réduire les terres serves et accroître leurs propres terres. En même temps, comme ils ne possédaient pas de capitaux suffisant pour l'emploi des ouvriers salariés ils s'efforçaient d'astreindre les paysans à la corvée et cherchaient à stipuler avec eux des contrats qui leur assureraient la culture de leurs terres. De tout ceci il résulte une foule de procès et dans certaines cas l'affaire aboutit à la résistance armée.

Les serfs se réclament des terres, disputent aux seigneurs le droit à certaines terres, ne sont point disposées à la corvée et ne veulent pas travailler sans salaire. Les redevances ecclésiastiques sont la source d'autres litiges. Bien qu'en 1848 la dime ecclésiastique vienne d'être abolie, les prêtres ruthènes, comme l'église uniate ne connaissait pas la dénomination de «dime», continuaient de percevoir les anciennes redevances. Les autorités se trouvaient toujours aux côtés des seigneurs et du clergé, portaient jugement contre les paysans et reprimaient leurs mouvements.

Les années qui succédaient à la guerre d'indépendance amenaient de graves épreuves au peuple ruthène. En conséquence des mauvaises récoltes successives la famine devint inévitable. Les actions de secours organisées par l'État ne purent point empêcher les décès causés par la faim. Cet état de choses a encore aiguisé davantage les contradictions et ainsi les mouvements paysans se poursuivaient au commencement des années 60.

Le deuxième chapitre s'occupe de programmes et des tendances nationalitaires dans les années 1849—1867. Il rend compte des requêtes que Vienne se vit adresser en 1849 par le groupe de Dobransky et parle de leur réalisation effective. A la suite de longs combats acharnés on réussit de caser la plupart de l'*intelligentsia* ruthène dans les offices. De résultats plus significatifs n'ont pu être acquis sous ce rapport à cause du manque d'intellectuels ruthènes. Certaines lois portant sur la langue viennent d'être réalisées, bien que celles-ci aient été loin de satisfaire aux revendications. Les autorités autrichiennes acceptèrent les requêtes de langue russe, mais elles leur répondaient en allemand. Les lois furent publiées en russe aussi, mais les Ruthènes ne les comprenaient pas bien. On a réussi d'introduire transitoirement le russe au gymnase d'Ungvár (Užhorod). C'est alors que paraissaient les premiers hebdomadaires et journaux destinés aux Ruthènes, fait qui souleva dans la pratique le problème de la langue littéraire ruthène. Dobransky et son groupe prirent position pour la langue russe, ce qui détermina pour longtemps la langue des produits de presse en Hongrie. Mais le russe était incompréhensible pour les masses ruthènes, et d'autre part le gouvernement autrichien vient, lui aussi, entraver l'emploi de cette langue; c'est là qu'il faut chercher, entre autres, les causes de l'état arriéré de la culture ruthène. Dobransky a formulé pour la diète de 1861 les revendications nationales, mais il n'était pas à même de les exposer, car les députés hongrois, qui lui gardaient rancune pour avoir fait service dans l'armée du tzar, qui réprima la guerre d'indépendance hongroise, le privèrent de son mandat. La partie durable de l'oeuvre de Dobransky est d'avoir formulé cette conception historique que représentait dans les décades suivante la plupart des historiens bourgeois ruthènes. Dans les années 60 plusieurs programmes nationalitaires virent aussi le jour. L'étude les analyse par le détail et se propose de déterminer le rapport entre eux, la personne et les conditions sociales de leurs auteurs.

Le troisième chapitre trace un tableau de la situation d'après le compromis de 1867. Il signale les nouveaux traits de caractère propres à l'évolution de la société ruthène dans les conditions du capitalisme. Sous ce rapport il examine en première ligne la différenciation de la paysannerie et la formation du prolétariat agrarien. L'auteur s'occupe des projets des Ruthènes se référant à la loi de 1868 sur les nationalités et indique les mesures prises par le gouvernement hongrois pour étouffer ce mouvement national et faciliter la magyarisation. Les Ruthènes perdirent bientôt les droits acquis du gouvernement autrichien. Le gouvernement hongrois, fidèle à sa politique traditionnelle, en coopération avec le clergé ruthène, étouffait toute initiative qui visait à développer la langue et la culture ruthènes, et à assurer les droits nationalitaires. Les dispositions, de la loi de 1868 restèrent sur papier.

Le quatrième et dernier chapitre présente les événements succédant à 1900. Sur la base de données statistiques il examine la structure et les rapports de la société ruthène du point de vue de la propriété foncière. La plupart de la société ruthène se recrutait parmi les paysans pauvres et les ouvriers agraires. La classe ouvrière est encore en germe et on ne peut point parler d'une industrie considérable sur ce territoire. A cette époque la paupérisation de la paysannerie revêt un rythme accéléré, phénomène qui ne va pas de pair, comme ailleurs, avec la formation de la paysannerie aisée, car ce sont les usuriers juifs parlant pour la plupart l'allemand et le hongrois, qui s'accaparent les terres et le bétail des Ruthènes. Apprès du rôle étouffant des latifundia d'état et des grand propriétaires terriens, c'est là qu'il faut, donc, chercher la cause de la misère des Ruthènes. Par suite des conditions d'existence de plus en plus pénibles c'est alors que commence l'émigration des Ruthènes vers l'outre-mer, émigration revêtant déjà des mesures dangereuses. A ce temps-là l'émigration est la forme principale de la lutte de classe des Ruthènes. Une autre forme en est le «schisme», à savoir la tendance de se convertir à l'église orthodoxe en quittant la religion uniate. C'est par ce moyen que les Ruthènes entendaient se débarrasser des graves charges ecclésiastiques. Les mesures prises par le gouvernement hongrois, de concert avec le clergé uniate ruthène, n'étaient point susceptibles à empêcher ce mouvement. Les mesures de caractère économique introduites en 1898 par le gouvernement hongrois selon les plans de l'économiste renommé Ede Egán n'aboutirent à aucun résultat. Les terres à baux, la distribution des reproducteurs, l'organisation des cours d'artisanat et finalement la fondation des coopératives de crédit n'avaient d'autres résultats que la diminution du taux usuraire. Les recensements, les rapports, les statistiques dressées relativement à ces mesures contribuaient dans une grande mesure à connaître à fond la vie des Ruthènes. Sur la base de cette matière l'auteur donne une description détaillées des villages ruthènes. Une magyarisation intense s'y fait valoir sans pourtant accuser de résultats considérables. Quant aux mouvements nationalitaires, ils y manquent totalement. On ne peut considérer comme tel le mouvement de «schisme» de Máramaros déroulé en 1913, mouvement que le gouvernement hongrois, sous la pression du clergé ruthène, utilisa pour l'organisation d'un grand procès avec le but d'exciter, à la veille de la première guerre mondiale, l'opinion publique contre la Russie.

L'étude prend fin à la veille de la première guerre mondiale, car la mise à jour et l'élaboration de la matière relative aux années suivantes, bien mouventées exigent encore un temps plus ou moins long.

A kiadásért felel az Akadémiai Kiadó igazgatója

Műszaki felelős: Farkas Sándor

A kézirat nyomdába érkezett: 1957. II. 19. — Terjedelem: 14 (A/5) fv

Akadémiai Nyomda, Gerlőczy u. 2. — 41691/57 — Felelős vezető: Puskás Ferenc

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	1
Введение	3
Крестьянские движения после отмены крепостного права	22
Национальные программы и направления во время абсолютизма (1849—1867)	43
После соглашения 1867 г. Закон о национальностях 1868 г. на практике	76
В начале XX века	105
Skizzen aus der Geschichte der Karpatoruthenen (1849-1914)	153
Esquisses de l'histoire des Ruthènes subcarpathiques (1849-1914) ..	157